

НОВАЯ ПОЛЬША

№10₍₅₇₎

2004

АЛЕКСАНДР КВАСНЕВСКИЙ
лекция в Московском университете

Последнее интервью **Марека Карпа**

Лешек Бальцерович: зачем власть регулирует рынок?

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ КОНЧИНЫ ЧЕСЛАВА МИЛОША

За что Варшава любила царского генерала

Юбилей Ежи Фицовского

Беседа с **Радеком Сикорским**

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.nowpol.ru

«Новая Польша» в сети - это не только зеркало текущего номера. В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 10(57)
2004
ОКТЯБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Александр Квасневский 3
РОССИЯ И ПОЛЬША НУЖДАЮТСЯ В ДИАЛОГЕ

Бернадета Вашкелевич 6
ОДА СЕЛУ

Виктор Кулерский 8
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Лешек Бальцеревич 14
ВО СКОЛЬКО НАМ ОБХОДИТСЯ
ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВЛАСТЕЙ

Кшиштоф Козловский 17
ПАМЯТИ ДРУГА
Марек Карп (1952-2004)

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА 18
Из последней беседы Марека Карпа с Ежи Помяновским

Анатолий Найман 23
14 АВГУСТА 2004

ИЗ (НЕ СОВСЕМ) РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 24
Из переписки Нины Горлановой с Натальей Горбаневской

Чеслав Милош 26
ИЗ КНИГИ «ХРОНИКИ»

Мариан Камиль Дзевановский 33
ПОЛЬСКИЙ ПРОФЕССОР ИЗ ПЕТЕРБУРГА

из-под спуда 36
Сократ Старынкевич
МОЙ ДНЕВНИК

Петр Зоммер 52
ВСЕ, ЧТО Я ЧУТОЧКУ ЗНАЮ

Ежи Фицовский 54
СТИХОТВОРЕНИЯ

Ежи Сосновский 56
РАЗГОВОР С...

Дариуш Новацкий 59
ЕЖИ СОСНОВСКИЙ

Лешек Шаруга 60
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 64
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ
Алексей Корольков 68
ЗАРИСОВКИ С РОДИНЫ ПРЕДКОВ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 73

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ
В ГЕРАТЕ И В ВАШИНГТОНЕ 76
Беседа с Радеком Сикорским

Переводчики: А.Базилевский, В.Блинков, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, С.Равва, Е.Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 17, 36, 53, 76), Archiwum (стр. 33, 37, 45), К. (стр. 26).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: _____ (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: _____ (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: _____ nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: _____ 280-83-52
e-mail: _____ mik@mecom.ru

Издатель

WIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

**Александр
Квасневский**

РОССИЯ И ПОЛЬША НУЖДАЮТСЯ В ДИАЛОГЕ

**Лекция, прочитанная в Московском государственном
университете им. Ломоносова**

С незапамятных времен Польша и Россия, наши страны и народы соседствуют друг с другом. Немного есть на свете обществ, которые познали друг друга столь близко — как с хорошей, так и с плохой стороны, в большом и малом, в прекрасном и страшном. Наши отношения бывали добрососедскими, но в некоторые периоды протекали под знаком противостояния и взаимного насилия. Все, что объединяет поляков и русских, проникнуто историей, с другой же стороны, это очень близкая, почти интимная связь. Недавно скончавшийся великий польский поэт, нобелевский лауреат Чеслав Милош много лет назад сделал в своем эссе «Родная Европа» интересное наблюдение: «Не исключено, что поляки знают о русских то, что русские знают о самих себе, не желая в этом признаться, и наоборот».

Нам есть к чему обращаться, есть что развивать. Сегодня перед нами стоит серьезная задача: в новых политических условиях нам предстоит возродить взаимный интерес, оживить контакты и сотрудничество. Польша и Россия говорят друг с другом как два суверенных субъекта: как равный с равным, как суверенный с суверенным.

Ключом к этой новой исторической ситуации стал демократический процесс. В Польше ему положили начало оппозиционные движения, боровшиеся за соблюдение прав человека и гражданских свобод, движение «Солидарность» и соглашения «круглого стола». В России произошли большие демократические перемены — благодаря им сегодня во главе российского государства стоит политик, получивший демократический мандат от избирателей.

Однако перемены в наших странах имели тот побочный эффект, что поляки и россияне потеряли друг друга из виду. Правда, этот этап уже позади. Польша стала членом НАТО и Европейского союза. Россия достигла стабилизации, избрала устойчивый политический и экономический курс, который символизируют фигуры Бориса Ельцина и Владимира Путина, и установила с Евросоюзом и НАТО тесные отношения. Демократическая, плюралистическая, стабильная и развивающаяся Россия — это надежда всего демократического мира, в том числе и Польши.

Уверяю вас, что в Польше у такой России есть множество искренних и бескорыстных друзей. Мы сознаём, что польско-российское соседство и сотрудничество представляет собой фактор, определяющий будущее всего региона и приобретающий европейское значение.

Я уверен, что вступление Польши в Европейский союз может стать переломным моментом в деле оживления наших отношений. Вступая в ЕС, моя страна не отвернулась от России. Наоборот, мы видим наш шанс в установлении как можно лучших отношений с нашим крупнейшим восточным соседом. Мы очень рады, что Евросоюз и НАТО придают сотрудничеству с Россией особое значение. Европейское сообщество и Россия нуждаются друг в друге. В связи с этим развитие добрососедских отношений обретает новый смысл. Наши экономики во многом дополняют друг друга. Существуют широкие возможности для развития торгового обмена. Для России Польша — важный транзитный партнер. Нас Россия в значительной мере обеспечивает нефтью и газом. Чем больше будет между нами контактов, взаимного уважения и понимания, тем большим будет наш общий вклад в построение солидарного и стабильного континента.

Польша хочет принимать заметное участие в формировании восточной политики Евросоюза. В Европейском парламенте впервые созданы комиссии по делам отношений с нашими восточными соседями. Комиссии по делам Украины и Белоруссии возглавили польские парламентарии.

Оживление польско-российского диалога принесет пользу и нам, и всей Европе. Огромное значение имеет тот факт, что неотъемлемой частью европейского порядка стала независимость таких государств, как Украина, Молдова, Белоруссия. Чаения народов нашего региона стали реальностью. Поэтому сегодня, учитывая жизненные интересы наших суверенных партнеров, мы можем вести также многосторонний диалог.

Именно в таком взаимопонимании и сотрудничестве нуждается сегодня наш континент перед лицом новых угроз. Крупным поражением Европы стала многолетняя кровавая война на Балканах. Этой войне предшествовала спираль ненависти и демагогии, раскрученная политиками, популистскими и националистическими силами. Прежде чем люди начали гибнуть от пуль, они убивали друг друга словами. Вместо диалога и политических средств они выбрали насилие. Сегодня, спустя несколько лет, можно задаться вопросом: кто выиграл эту войну? Ответ звучит просто: ее проиграли все. Пусть это послужит нам наукой.

Угрозой и зловещим кошмаром, нависшим над всем цивилизованным миром, стал также международный терроризм. Я прибыл в Россию вскоре после трагедии в Беслане. Для нас, поляков, это было огромное потрясение. Мы до глубины души возмущены жестокостью террористов, избравших своими жертвами невинных детей. Этому не может быть оправдания! Мы склоняем головы перед жертвами и выражаем соболезнования их близким.

С терроризмом, этим злом современного мира, мы справимся только тогда, когда будем тесно и солидарно сотрудничать друг с другом, отвергая терроризм независимо от его причин. В то же время необходимо помнить, что терроризму, который попирает человеческое достоинство и свободу, наши страны должны противопоставить решительную приверженность таким ценностям, как права человека, демократия и открытость. Это значит, что мы должны стремиться преодолевать проблемы, которые порождают и поддерживают терроризм.

По опыту XX века, в том числе и по польскому опыту, нам известно, что крупные политические, этнические и религиозные конфликты невозможно разрешить исключительно силовым путем. В Алжире и Индокитае, во Вьетнаме и Афганистане сила не оправдала себя — так же, как не оправдывает она себя сегодня на Ближнем Востоке, как не дает полностью удовлетворительных результатов в Ираке. Реальный путь к разрешению конфликтов — это диалог. Разумеется, не с убийцами невинных детей, но с теми, кто заявляет о готовности вести его.

Экономика, дающая осязаемые результаты, связывает два народа быстрее всего, однако для того, чтобы связь между ними была прочной, глубокой и приобретала духовное измерение, необходима культура.

В этой области у нас есть прекрасные традиции, символическим выражением которых стала дружба наших национальных поэтов — Мицкевича и Пушкина. В Польше не ослабевает интерес к российской литературе, музыке, кино, балету, философии. Достоевский, Чехов, Булгаков, Ахматова, Чайковский, Тарковский, Соловьев и Бердяев заняли прочное место в польских сердцах и умах. Пожалуй, ни в одной другой стране (не считая России) не были так популярны Булат Окуджава и Владимир Высоцкий. Последние годы показывают, что этот интерес к русской культуре не исчезает. Знаменательно, например, что польские драматурги все время предпринимают попытки постичь «русскую душу» — как в пьесах «Любовь в Крыму» Славомира Мрожека, «Четвертая сестра» Януша Гловацкого, «Семирамида» и «Булгаков» Мацея Войтышко. Поверьте мне, польскую творческую интеллигенцию, деятелей польской культуры Россия влечет и интригует.

Мы помним, что Россия тоже интересовалась польской культурой, художественным стилем, литературой, книгами, печатью — особенно во времена Советского Союза. Однако и сегодня имена польских деятелей искусства и мыслителей вызывают в России симпатию. Я имею в виду литературу Станислава Лема, фильмы и спектакли Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси, актерскую игру Беаты Тышкевич, талант Марыли Родович. Все эти имена в России до сих пор знают и помнят.

Да будет мне позволено произнести здесь, в стенах университета им. Ломоносова, также имена тех, чей вклад в польско-российский диалог был поистине огромен, — это ныне покойные Анджей Дравич и Леон Буйко.

Мне хотелось бы упомянуть и профессора Ежи Помяновского, который ведет новаторскую работу, редактируя для российских читателей журнал «Новая Польша». Я благодарен ему за его помощь, активность и советы.

На этой основе можно созидать. Нам необходим диалог творческих и научных кругов, развитие контактов между молодежью двух стран. Это может стать нашим вкладом в новую Европу — открытую и нацеленную на сотрудничество. Мы хотим, чтобы силой этой Европы была сфера культуры, обмен идеями, духовное взаимопроникновение. Мы хотим следовать призыву нашего великого соотечественника Папы Иоанна Павла II, который сказал: «Европа должна дышать обоими легкими». Европа должна черпать из духовного наследия как Востока, так и Запада.

Культура может стать для нас пространством диалога, в котором мы будем пытаться преодолевать стереотипы, все еще коренящиеся в польском и российском сознании. Для нас эти стереотипы — особый вызов, ибо они остаются тяжелым наследием нашей сложной истории. Мы считаем, что о горьком прошлом надо говорить открыто, преступления называть преступлениями, а геноцид — геноцидом. Мне бы хотелось еще раз выразить огромную признательность российскому государству за то, что оно приняло трудное и мучительное решение раскрыть правду о расстреле польских офицеров в Катыни и Медном. Как известно, память об этом страшном сталинском преступлении сидит занозой в польском коллективном сознании. Мы хотим, чтобы была оглашена вся правда.

С другой стороны, нам известно, что это преступление было одним из многих зверств тех времен, что сталинский террор поглотил миллионы российских жертв. Поэтому стремление раскрыть и описать все преступления сталинского тоталитаризма должно нас объединять, а не разделять.

В то же время мы должны сделать все возможное, чтобы правда и память о погибших не стала орудием в современных спорах. Не наше поколение наносило эти кровавые раны, и не нам сегодня раздирать их, причиняя друг другу боль.

Наследие трагического прошлого — наше бремя. Наверняка мы не сразу справимся с этим вызовом. Надо смириться с тем, что многие исторические события поляки и россияне толкуют по-разному (часто это вопрос недостатка знаний). Однако явные исторические подлоги следует решительно опровергать. Строить взаимоотношения можно только на правде. Найти ее — задача историков, которые должны действовать сообща, совместными польско-российскими усилиями. Согласимся, однако, что различия во взглядах и даже споры — это нечто естественное. Мы не обязаны соглашаться во всем — от нас требуется лишь не упорствовать в невежестве и стереотипах. Мы не можем не предпринимать попыток вступить в диалог и понять другую сторону. Нам следует говорить даже о самых трудных проблемах и искать пути к примирению. На трудную, нередко трагическую историю мы должны смотреть сквозь призму лучшего будущего, которое принадлежит молодому поколению поляков и россиян. Попытаемся же извлекать из истории прежде всего то, что нас объединяет.

*Лекция, прочитанная 28 сентября 2004,
публикуется с сокращениями
(заголовок дан редакцией «Газеты wyborчей»)*

Бернадета Вашкелевич

ОДА СЕЛУ

Когда 1 мая Зигмунт Жомп, староста села Ольшины в Мазовии, вывешивал над воротами своего дома флаги Польши и Европейского союза, соседи над ним посмеивались. Но теперь, когда вдруг выросли закупочные цены на продовольствие, а вместе с ними — и доходы крестьян, они признали его правоту. Они охотно собираются в его свежестроенном кабачке, где на стенах висят в рамках каллиграфически выписанные строфы «Мазурки Домбровского» [гимна Польши — «Еще Польша не погибла...»] и «Оды к радости» — гимна Евросоюза.

— Несколько месяцев назад знакомые уговаривали меня переехать в Варшаву, и я им ответил: а что изменится в городе после 1 мая? Ничего. Зато у меня в Ольшинах все будет улучшаться, — гордо констатирует Жомп.

Если сегодня кто-то и может утверждать с чистой совестью, что выиграл от интеграции, так это крестьяне. Возможно, малоземельные, которым нечего продавать, и не выиграли, но те, что побогаче, владельцы птицеводческих ферм, больших стад крупного рогатого скота и свиней, а также производители молока, выиграли наверняка. Закупочные цены на крупный рогатый скот и свиней сегодня на 30 с лишним процентов выше прошлогодних, птицы — на 14%, а молока — почти на одну пятую.

Поросенок на откорм стоит на рынке 95 злотых, а год тому назад стоил чуть больше 70-ти. Любой специалист по сельскому хозяйству знает, что цены на поросят — самый ощутимый показатель рентабельности производства свинины. А таким рентабельным оно не было уже очень давно. Это результат открытия европейского рынка.

Когда 1 мая исчезли границы, оказалось, что наши продукты значительно дешевле, а иногда и качественнее западноевропейских. Немцы, французы, датчане бросились завоевывать польское село, и, прежде чем мы поняли, что к чему, цены на продовольствие взлетели вверх.

Повышение курса акций сельскохозяйственного производства и рост цен на продовольствие сильнее всего затрагивают жителей крупных агломераций. Особенно это коснулось небогатой интеллигенции — людей, которые с энтузиазмом ожидали вступления Польши в Евросоюз. А село, прсжде настроенное скептически, празднует свой звездный час. Да так, что даже

рейтинг партии «Самооборона» пополз вниз в тех регионах, где прежде сильнее всего поддерживали Леппера. Вероятнее всего, на предстоящих выборах поддержка его партии на селе ослабнет.

Среди тех, кто не был убежден, что благодаря вступлению в ЕС что-то изменится к лучшему, был и знакомый Зигмунта Жомпа, крестьянин Станислав Цеберек. Незадолго до 1 мая он, как обычно весной, продал 22 быка (каждый весом в несколько сот килограммов) по 4 злотых за кило. Сегодня он бы мог получить за килограмм около 7 злотых, а потому сожалеет, что потерял довольно много.

— До вступления в ЕС занятие животноводством рассматривалось почти как хобби, так как жить за счет него было невозможно. Но при нынешних ценах оно уже окупается. За счет скота уже можно прожить, — подсчитал Цеберек и теперь раздумывает над увеличением стада.

Но для этого ему придется прикупить земли далеко от дома. Даже очень далеко, ибо и сейчас он перегоняет скот на пастбища, расположенные за несколько километров от дома. У Станислава Цеберека с сыном и зятем что-то вроде сельскохозяйственной фирмы. Они выращивают шампиньоны, у них 50 голов крупного рогатого скота мясной породы и около 200 свиней, на которых уже после вступления Польши в Евросоюз им удалось заработать. Три недели назад 40 штук свиней сальных пород Цеберек продал по 5 зл. за килограмм, то есть на 2 зл. дороже, чем перед Пасхой.

Когда-то Евросоюз Цеберека не интересовал, теперь — радуется.

— Нельзя нам выходить из ЕС. Лишь бы только эти положительные тенденции сохранялись, — говорит он, закуривая тонкую сигарету.

Интеграция не интересовала и Дариуша Кучевского, который живет на хуторе вдаль от деревни и ведет хозяйство на 25 гектарах земли. Они с женой Юстиной даже не ходили на референдум: дескать, зачем? Что от этого изменится?

Но сегодня Кучевский полон энергии.

— Как пошли наши дела в рамках Евросоюза? Сейчас покажу! — смеется 29-летний хозяин.

Молочное стадо, на котором семья зарабатывает на свое содержание, после 1 мая стало невероятно прибыльным. Три года назад, когда молодые получили это хозяйство в наследство от отца, за литр молока им

платили 50 грошей, в начале этого года — более 70-ти, а в последние несколько недель платят по 1,12 злотых. Каждый второй день они поставляют на молокозавод 700 литров молока.

Молодые хозяева Юстина и Дариуш Кучевские не хотят превышать предел своих возможностей, поэтому они не будут увеличивать стадо. В их намерения входит лишь повышение его производительности. Одна дойная корова у них дает в среднем 6 тыс. литров молока в год, а от рекордисток в их регионе надаивают по 10 тысяч. Выходит, телкам надо давать корма получше. Дарек пять лет, до 1999 г., работал в одном хозяйстве в Германии и там увидел, что хозяева выращивают на корма кукурузу. Это снижает себестоимость: ежегодно Кучевские расходуют на эти цели 6 тыс. злотых, а готовые корма стоили бы в несколько раз дороже.

Ольшины уже напоминают небольшой городок, в котором вдоль главной улицы вытянулась сотня домов, тесно прижавшихся друг к другу. Улица прямая и ухоженная, а каждый дом окружен маленьким, но очень опрятным двориком. Село расположено на территории прежней Восточной Пруссии, поэтому после 1 мая тут началось настоящее нашествие туристов из Германии, в первую очередь потомков прежних жителей этих территорий.

Староста как раз и хочет привлечь сюда как можно больше туристов, а как это сделать, он уже знает. Он начал устраивать концерты. В марте во дворе его дома выступали музыканты-клезмеры — некоторые приехали даже из Америки и Израиля. В июне Зигмунт Жомп сколотил у себя за сараем сцену из досок. Выступать приехали народные ансамбли. Оба концерта собрали сотни слушателей, поэтому скоро состоится следующий — концерт цыганской музыки. Староста Жомп помнит еще те времена, когда через село проезжали цыганские таборы.

Три недели тому назад в Ольшинах побывали немецкие фоторепортеры — они сделали снимки для альбома об интересных местах.

— Вот и реклама будет. Люди боялись немцев, а я говорю: пусть немцы меня боятся! — радуется староста.

Теперь он ждет одного немца, который обещал ему, что выкупит большую часть его старой мебели.

Социолог Барбара Федышак-Радзеёвская, занимающаяся проблемами села, отмечает, что уже сейчас, всего через несколько недель после вступления в Евросоюз, польские крестьяне начинают относиться к своему хозяйству не просто как к работе на сельхозпроизводстве, но как к семейной фирме, которая может приносить дополнительную прибыль:

— Как только их финансовое положение окрепнет, они поймут, что можно жить не только за счет того, что дает земля; можно ведь и кабачок открыть, и пансионат, или завести конный завод. Они превратятся в крестьян-предпринимателей.

Парадокс, но сегодня крестьяне меньше всего верят в ту выгоду от интеграции, о которой громче всего говорилось до 1 мая, т.е. в прямые дотации. Проходит неделя за неделей, а крестьяне всё еще не знают, сколько денег они получат.

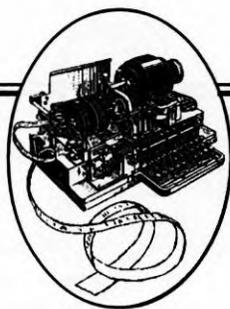
Павел Глажевский из Роготурска не верит заявлениям, что деньги заложены в бюджет:

— Я боюсь, что от ЕС поступит лишь 25%, то есть около 180 злотых. А та часть выплат, которую обещало от себя польское правительство, остается под вопросом. Эти 500 злотых за гектар, о которых говорит министр сельского хозяйства, нереальны.

У этого 36-летнего крестьянина — новый дом с зеленой крышей прямо возле шоссе, ведущем в Торунь, недалеко от Варшавы. И хотя он тоже зарабатывает на торговле с Германией, тем не менее настроен более скептически, чем жители Ольшин. Говоря о росте цен после 1 мая, он кратко подытоживает: «Дикие времена».

— Крестьяне будут радоваться недолго, года через два они плакать будут. Евросоюз скупает телят по хорошим ценам, но когда мы продадим их слишком много, то молодняка для восстановления стад просто не останется. И поляки будут покупать голландских телок, которые стоят в три раза дороже, — опасается Глажевский. И подсчитывает потери, которых, по его мнению, не замечают другие: наряду с закупочными ценами, возросли расходы на топливо, да и удобрения подорожали на 40%, введен также НДС на средства защиты растений.

Но профессор Федышак-Радзеёвская убеждена: возросшая прибыль от сельхозпроизводства и другой деятельности, дающей заработок крестьянам, за несколько лет поправит положение польского села. Однако помогут крестьянам прежде всего прямые дотации, ибо они гарантируют стабильность и постоянный доход. Банки, для которых крестьяне до сих пор были сомнительными клиентами со слабой кредитоспособностью, теперь начинают за них бороться. Ставка тут — те 1,3 миллиона счетов, на которые буду поступать деньги из Брюсселя.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ Чеслав Белецкий, бывший сенатор, политзаключенный во времена ПНР: «То, что произошло в августе 80-го [забастовка на Гданьской судовой верфи и возникновение «Солидарности»], напоминало прекрасный сон наяву. Это стало неожиданностью и для властей, и для общества (...) И так радостно и открыто все это было выкрикнуто и спето, что мы, люди из оппозиции, называли потом эти 16 месяцев свободы не иначе как карнавалом (...) Лидеры августовских забастовок редко представляли себе, как будет выглядеть нынешняя свобода, но они предчувствовали ее. Поэтому их дни, недели и месяцы дали шанс свободе, которой мы сегодня пользуемся и которую, увы, так часто и безнаказанно растрчиваем впустую». (*«Ньюсуик-Польша», 29 авг.*)

■ «Галопирующая инфляция, гигантские долги и призрак экономической катастрофы, а вдобавок ко всему практически нетронутый аппарат власти ПОРП — вот в каких условиях 15 лет назад Тадеуш Мазовецкий вступал в должность премьер-министра (...) Совершенная Лешекком Бальцеровичем рыночная революция направила Польшу на путь развития и включила ее в систему кровообращения мировой экономики. Внешняя политика, начало которой было тогда положено, позволила нам вступить в НАТО и Европейский союз. Создание подлинных органов местного самоуправления и децентрализация государства закрепили демократию на местном уровне...» (*Ян Скужиский, «Жечпосполита», 25 авг.*)

■ «Больше всего поляки доверяют президенту Александру Квасневскому (65%) и братьям Леху и Ярославу Качинским (по 54%). Целых 52% поляков доверяют Брониславу Геремеку. Наименьшее доверие мы испытываем к Анджею Лепперу (50% недоверия) и Лешке Бальцеровичу (46%)». (*«Жечпосполита», 26 авг.*)

■ Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, в сентябре «Гражданскую платформу» поддерживали 24% поляков, «Лигу польских семей» — 16, «Самооборону» и «Право и справедливость» — по 15, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 6, крестьянскую партию ПСЛ и «Польскую социал-демократию» — по 5%. (*«Жечпосполита», 8 сент.*)

■ Збигнев Семёнковский, депутат от СДЛС, бывший начальник Управления охраны государства, а затем Агентства разведки в правительстве Леше-

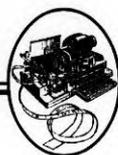
ка Миллера: «Главным грехом левых была не экономическая политика и не промахи кабинета Миллера, а взяточнические аферы с участием высших чиновников, совершавшиеся при попустительстве наших лидеров (...) К СДЛС накрепко приклеился ярлык «афералов», ранее закрепленный за гданьскими либералами. Увы, Союз заслужил такую репутацию. Самые сокрушительные удары нанесла нам не оппозиция — они сыпались на нас из наших собственных рядов». (*«Газета wyborcza», 30 авг.*)

■ «Негосударственные вузы переходят в наступление. В этом году число мест на их дневных отделениях увеличилось более чем в два раза при незначительном сокращении приема на вечерние отделения. Обратный процесс наблюдается в государственных вузах, где возможности дневного обучения уменьшаются, зато растет число мест на заочных отделениях. За заочное обучение нужно платить. Государственные учебные заведения зарабатывают на нем». (*Богумил Люфт, «Жечпосполита», 9 авг.*)

■ «Его превосходительству господину Мареку Бельке. Уважаемый господин премьер-министр! Обращаюсь к Вам в связи с проектом резкого сокращения бюджетных средств на финансирование науки в 2005 году (...) За это заплатит прежде всего талантливая молодежь, которая лишится аспирантских стипендий. Петр Слонимский». Проф. Петр Слонимский — всемирно известный генетик, с 1947 г. живет во Франции. Член Французской Академии наук, создатель Центра молекулярной генетики Национального центра научных исследований в Гиф-сюр-Иветт под Парижем. Кавалер ордена Почетного легиона, удостоившийся также высшей научной награды — золотой медали НЦНИ. (*«Газета wyborcza», 7 сент.*)

■ Премьер-министр Марек Белька подтвердил обещание министра науки: в будущем году на науку будет выделено не меньше средств, чем в нынешнем. Ранее ученые сигнализировали, что науке грозит серьезный кризис: в проекте бюджета на будущий год расходы на науку были урезаны на целых 13%. (*«Жечпосполита», 8 сент.*)

■ Польские фирмы увеличивают объем инвестиций: в первом полугодии на них было предназначено 24 млрд. злотых — на 9% больше, чем в прошлом году. С начала года наблюдается явное

улучшение экономической ситуации. Быстро растет объем продаж в промышленности и розничной торговле, увеличивается экспорт. Правда, темп роста во II и III кварталах будет меньше, чем 6,9%, достигнутые в первые три месяца этого года, однако он и дальше будет выше 5%. (*«Жечпосполита», 24 авг.*)

■ В польских магазинах все чаще платят в евро. С мая этого года в евро может расплатиться любой покупатель. В некоторые дни в евро производится до 20% всех расчетов. (*«Ньюсуик-Польша», 29 авг.*)

■ В IV квартале 2003 г. средняя зарплата в пересчете на евро составила в Польше 493, в Чехии 583, а в Венгрии — 641 евро. (*«Жечпосполита», 7 сент.*)

■ В июле годовой показатель инфляции вырос почти до 5%. Это означает, что между апрелем и июлем темп роста цен увеличился на 2,4%. Согласно опросу ЦИОМа, на рост цен после вступления Польши в Евросоюз поляки отреагировали ограничением покупок: мяса и колбасных изделий (на 29%); сахара, кондитерских изделий и фруктовых консервов (20%); лекарств (13%); растительных жиров (10%); сигарет (9%). (*«Впрост», 29 авг.*)

■ «Польское мясо весьма ценится за границей. Наш главный козырь — традиционная технология производства». (*Пшемислав Пух, «Ньюсуик-Польша», 22 авг.*)

■ Неожиданно для экономистов Совет монетарной политики (СМП) повысил процентные ставки на 0,5 процентного пункта. На протяжении последних трех месяцев СМП повышал ставки трижды — в общей сложности на 1,25 процентного пункта. По словам президента Польского национального банка (ПНБ) Лешека Бальцеровича, тем самым Совет хочет предотвратить тенденцию к повышению инфляции (в августе инфляция составила 4,6–4,9%). (*«Жечпосполита», 26 авг.*)

■ В 2003 г. в Польше удалось добыть 500 тыс. тонн нефти, что в пересчете составляет 8,61 тыс. баррелей в день. В то же самое время в Румынии добывали в день 115,6 тысяч, а в Венгрии — 27,2 тыс. баррелей. В 2003 г. в Польше было 76 нефтяных месторождений, подтвержденные запасы которых составляли 12,6 млн. тонн. По мнению геологов, это сильно заниженная оценка. (*«Жечпосполита», 8 сент.*)

■ «Согласно расчетам председателя комитета ПАН “Человек и окружающая среда” проф. Стефана Козловского, только одна Польша ежегодно спускает в Балтийское море около миллиарда литров неочищенных сточных вод. Наша страна — источник почти четверти всех нечистот, загрязняющих Балтику. Половину из них несут в море воды Вислы и Одры. Самая опасная грязь — почти не очищенные сточные воды — течет из Варшавы и Щецина. В Балтийском море появляется все больше “водных пустынь”, где сероводород уничтожил все формы жизни». (*Томаш Кишжак, «Впрост», 29 авг.*)

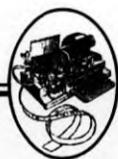
■ Из речи президента Александра Квасневского на открытии XIV Экономического форума в Кринице: «Последние 15 лет развития стран нашего региона — это история политического и экономического успеха. Нельзя забывать, что Польша и другие новые члены Евросоюза должны призывать расширенную Европу к политике открытых дверей по отношению к таким странам, как Болгария или Румыния». Александр Квасневский открыл форум вместе с президентом Литвы Валдасом Адамкусом. Их слушали более 800 представителей мира экономики, политики и СМИ. (*Мацей Кузьмеж, «Газета wyborча», 10 сент.*)

■ На экономическом форуме в Кринице говорят не только об экономике. Например, очень многочисленной оказалась делегация политиков из российских регионов. Есть и представители других стран СНГ, а также независимых республик, образовавшихся после распада СССР. Много гостей приехало с Украины. В этом году в форуме впервые участвуют представители арабских государств: Ирана, Ирака, Кувейта, Йемена, Египта, Марокко. В Кринице никто не рассчитывает на заключение контрактов, ибо эта встреча Востока с Западом имеет своей целью прежде всего установление взаимопонимания. (*Анита Блацак и Данута Валевская, «Жечпосполита», 10 сент.*)

■ В Варшаве прошла польско-французская конференция. После периода споров пришло время сотрудничать, чтобы вместе прийти к общему пониманию интеграции. Такую цель поставили перед собой министерства иностранных дел Польши и Франции, организовавшие конференцию в Бельведерском дворце. (*«Жечпосполита», 8 сент.*)

■ Начиная с 1 сентября 2003 г., когда Польша ввела визовый режим с Украиной, Россией и Белоруссией, был выдан уже миллион виз. Миллионную визу получила львовянка Ольга Сиротюк. Генеральное консульство во Львове выдало больше всего виз — почти 200 тысяч. (*«Жечпосполита», 11 авг.*)

■ В период с 2001 по 2003 г. объем польского экспорта в Калининградскую область увеличился почти в два раза, достигнув уровня 346,7 млн. долларов. После I квартала 2004 г. объем польского экспорта на Украину составил 368,5 млн. долларов, увеличившись на 33,3% по сравнению с тем же периодом 2003 года. С другой стороны, в I квартале этого года импорт с Украины в Польшу составил 195,3 млн. долларов, т.е. увеличился на 23%. Польские инвестиции на Украине к концу 2003 г. превысили 150 млн. долларов. По сравнению с 2002 г. экспорт в Литву увеличился в прошлом году почти на 40% и составил 1,3266 млрд. долларов. (*«Жечпосполита», 9 сент.*)

■ По данным посольства Российской Федерации в Варшаве, в течение года столицу Польши посещает около 300 тыс. граждан России. 1300 человек сообщили по телефону, что они проживают в Варшаве постоянно, — из них на учет встали около 500. По данным посольства Белоруссии, в прошлом году белорусско-польскую границу пересекло 3,2 млн. белорусских граждан. О постоянном проживании в Варшаве заявили 67 человек. «Жаль, что наши граждане не доверяют нам», — сказал консул Белоруссии в Варшаве Александр Береня. (*«Газета выборча»*, 11-12 сент.)

■ В Ченстохову прибыло около 300 украинцев. Их расселили по польским семьям. Вчера они шли крестным ходом из ченстоховского кафедрального собора в базилику на Ясной Горе, а сегодня участвуют в богослужении в честь праздника Матери Божией Ясногорской (Ченстоховской). Это третье такое паломничество. Из Ченстоховы украинские паломники отправятся в Корчмин — деревню, которая после войны была разделена между Польшей и Украиной. На польской стороне осталась церковь, на украинской — святой источник. Украинская группа примет участие в повторном освящении церкви. На время освящения впервые после войны будут сняты разделяющие деревню заграждения из колючей проволоки. (*Дорота Штейнхаген, «Газета выборча»*, 26 авг.)

■ Из открытого письма представителей 26 неправительственных организаций, подписанного также Владиславом Бартошевским, Брониславом Геремеком, Тадеушем Мазовецким и Адамом Михником: «Мы призываем президента, председателя совета министров, министра иностранных дел и Сейм Польской Республики создать фонд, благодаря которому польские [наблюдатели] смогли бы следить за ходом выборов на Украине». (*«Жечпосполита»*, 11-12 сент.)

■ 10,305 млн. злотых получили неправительственные организации от поляков, которые воспользовались правом передать им 1% своих налогов. (*«Жечпосполита»*, 8 июня)

■ На протяжении двух последних лет от инвестиций в Белоруссию отказались 300 польских инвесторов. (*«Жечпосполита»*, 10 авг.)

■ Из постановления Сейма, принятого большинством в 197 голосов против 99 при 51 воздержавшемся: «Сейм Польской Республики с беспокойством наблюдает за последними событиями в Белоруссии, которые свидетельствуют о нарушении прав человека и ограничении гражданских свобод». (*«Жечпосполита»*, 11-12 сент.)

■ 40 тыс. паломников прибыло на святую гору Грабарку в православный праздник Преображения Господня (19 августа). 7 тысяч из них пришли туда пешком в 15 группах. Литургию совершил глава Польской Ав-

токефальной Православной Церкви архиепископ Савва. Епископы призвали оказать финансовую помощь монастырю на Грабарке, долги которого достигли 100 тыс. злотых. (*«Тыгодник повсехный»*, 29 авг.)

■ Российские ветеринарные службы задержали в Москве пять польских рефрижераторов с молочными продуктами фирмы «Данон». Вчера были задержаны еще четыре рефрижератора, полные сыров и йогуртов «Данон». Стоимость груза — около 1,5 млн. злотых. Только после вмешательства трех польских министерств российские власти согласились провести таможенный досмотр грузовиков. Однако решение касается только этого транспорта — следующие могут быть снова задержаны. (*«Газета выборча»*, 7 сент.)

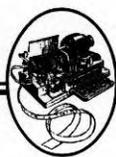
■ «Вне зависимости от углубляющегося кавказского кризиса поляки не доверяют России, а особенно ее политике по отношению к Польше. Начиная с 1994 г. люди, участвующие в опросах ЦИОМа, неизменно приписывают России стремление к гегемонии (...) Сейчас почти половина опрошенных (48%) считает, что в ближайшем будущем Россия будет стремиться восстановить свое влияние в нашей части Европы. Четверть (26%) придерживается противоположного мнения (...) 40% поляков считают, что Россия идет в сторону диктатуры; по мнению 25%, она склоняется к демократии». (*«Политика»*, 11 сент.)

■ После трагедии в Беслане. «Это могли быть наши дети», — повторяли варшавяне, которые вчера весь вечер приносили цветы к российскому посольству и зажигали перед ним свечи. Приходили люди разного возраста, с детьми и внуками. Их привела туда трагедия невинных жертв. (*«Газета выборча»*, 4-5 сент.)

■ Между свечами кто-то положил бумажку с криво, как будто детской рукой, выведенной надписью: «Террор над детьми запрещен». Кто-то другой написал по-английски, что сочувствует жертвам терроризма и всем, кто ежедневно гибнет в Чечне от рук российских солдат. (*«Газета выборча»*, 6 сент.)

■ Вчера все уроки в польских школах начались с минуты молчания. В одно и то же время замолкли все польские радиостанции. Перед воротами российского посольства еще с пятницы горят сотни свечей, лежат цветы: хризантемы, гладиолусы, вереск. Цветы к ограде посольства принесли супруга президента Польши Иоланта Квасневская и супруга президента Армении. «Польская гуманитарная акция» и «Каритас» готовят помощь для переживших трагедию в Беслане. (*«Жечпосполита»*, 7 сент.)

■ Пресс-секретарь МИДа Богуслав Маевский: «Общественный отклик превзошел все наши ожидания. Нам звонят частные лица и фирмы, предлагают конкретную помощь. Пока мы собираем все предложения и договариваемся с российской стороной, как ими воспользоваться». (*«Газета выборча»*, 9 сент.)

■ Янина Охойская, основательница «Польской гуманитарной акции» — организации, которая уже много лет помогает жителям Чечни: «В Чечне действуют группы фундаменталистов, которые в борьбе за власть не гнушаются никакими средствами. Но большинство жителей — это такие же люди, как мы (...) Все известные мне чеченцы так же, как и мы, осуждают теракты (...) У большинства чеченцев два врага: российские оккупанты и фундаменталисты (...) Теперь чеченский народ оказался между молотом и наковальней (...) я призывала людей не ставить знак равенства между чеченцами и террористами». (*«Жечпосполита», 4-5 сент.*)

■ «Газета "Известия" критикует польские СМИ за статьи о Беслане. В качестве доказательства автор комментария Евгений Шестаков ссылается на то, что на нашем [«Газеты выборчей»] читательском форуме «страница, посвященная Беслану, называется «Солидарность с Чечней»». Шестаков лжет и знает об этом. Газетная рубрика о трагедии в Беслане называется «Нападение на школу в Северной Осетии». На нашем открытом читательском форуме нет страниц. Там есть дискуссионные темы, которые читатели предлагают нам и друг другу. Ни одна из этих тем не называется «Солидарность с Чечней»». (*Вацлав Радзивилевич, «Газета выборча», 8 сент.*)

■ «Польские СМИ, информировавшие о ситуации в Беслане, показали себя с лучшей стороны. В большинстве случаев нам удавалось сохранять критическую непредвзятость и задавать уместные вопросы (...) Что касается российской политики, то поляки обладают уникальным историческим опытом, который позволяет нам видеть опасности раньше и яснее других». (*Агнешка Ромашевская-Гузы, «Жечпосполита», 11-12 сент.*)

■ Группа подонков совершила нападение на чеченский центр беженцев в Мошне близ Прушкова под Варшавой. Кто-то бросил в здание центра бутылку с керосином. Пожар потушили сами чеченцы. Ежегодно в Польшу приезжает около 5 тыс. чеченцев, которых война выгнала с родины. В Польше существует 12 центров беженцев. Один из них находится в Мошне. (*«Газета выборча», 23 авг.*)

■ «Польская гуманитарная акция» Янины Охойской устанавливает фильтры на водозаборах Грозного. Начиная с 2000 г. ПГА установила четыре фильтра, а вскоре введет в действие очередной. «Благодаря поддержке ЮНИСЕФа мы ежедневно развозим 550 тыс. литров воды в 180 точек — в больницы, школы и туда, где живут люди», — говорит Охойская. Кроме того совместно с Бюро по гуманитарной помощи Европейской комиссии ПГА осуществляет санитарную программу, благодаря которой в Грозном, Гудермесе, Шали, Старых Атагах

и Ачхой-Мартане при больницах и школах построено уже 157 туалетов, а территории этих объектов очищаются от мусора. Запущено также 17 больничных установок для сжигания медицинских отходов. «Чеченцам стоит помогать, так как они не сидят сложа руки: учительницы сами выгребают из руин кирпичи, чтобы отремонтировать еще одно школьное помещение», — говорит Охойская. (*«Жечпосполита», 9 авг.*)

■ В Ираке погибли старший рядовой Гжегож Русинек и рядовой Сильвестр Кутшик. До сих пор там погибло десять польских военнослужащих. Потери международной дивизии под польским командованием составляют 32 человека. (*«Жечпосполита», 20 авг.*)

■ В субботу под Хиллой погиб польский санитар — старший рядовой Кристиан Анджейчак. Среди шести раненых — врач и второй санитар. (*«Газета выборча», 23 авг.*)

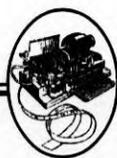
■ Государства, пославшие своих солдат в Ирак в составе международной дивизии под польским командованием, не изменят численности своих контингентов. Об этом заявил заместитель начальника Генерального штаба генерал Мечислав Тенюх, председательствовавший на двухдневной конференции, в которой участвовали представители всех 15 государств. (*«Газета выборча», 4-5 сент.*)

■ «Армения пошлет своих солдат в польскую зону в Ираке», — заявил президент Армении Роберт Кочарян во время визита в Польшу. В присутствии президентов Польши и Армении министры обороны Ежи Шмайдинский и Серж Саркисян подписали договор о военном сотрудничестве. (*«Газета выборча», 7 сент.*)

■ В Багдаде террористы напали на польское посольство. В результате теракта здание получило повреждение. (*«Жечпосполита», 26 авг.*)

■ Самолет, вторгшийся в польское воздушное пространство, можно сбить, если государственный орган, отвечающий за воздушное движение, придет к выводу, что он используется террористами или нарушает закон, угрожая безопасности. Это касается даже гражданских самолетов с пассажирами на борту и летательных аппаратов, имеющих право находиться в воздушном пространстве Польши. Таковы предписания дополненного закона об охране государственной границы, вступившего в силу 19 августа этого года. (*«Жечпосполита», 19 авг.*)

■ Леопольд Унгер: «Заложниками в Ираке стали не журналисты [Кристиан Шено и Жорж Мальбрюно], но все мы. Речь идет не о войне с Ираком, но — что бы ни думали об этом профессионально осторожные политики — о войне цивилизаций». (*«Газета выборча», 31 авг.*)

■ В этом году главные траурные торжества по случаю 65-й годовщины начала II Мировой войны прошли в Велюни. Президент Александр Квасневский открыл мемориальную доску жертвам налета Люфтваффе. 1 сентября 1939 г. в 4.40 утра Велюнь стала целью первой немецкой бомбардировки. 380 бомб общей массой 46 тонн полностью разрушили город. Погибло не меньше 1200 человек. (*«Жечпосполита», 2 сент.*)

■ В Нешаве открылась мемориальная доска в память о немецких жителях этого города, убитых в 1945 году. В ночь с 7 на 8 апреля сотрудники милиции и госбезопасности бросили интернированных немцев — главным образом стариков, женщин и детей — в ледяные воды Вислы. «После стольких лет [молчания] нужно наконец сказать: простите. [Немцам] было причинено огромное зло», — сказал бургомистр Нешавы Анджей Навроцкий. (*«Жечпосполита», 30 авг.*)

■ Во дворце президента Литвы была подписана декларация примирения между бывшими бойцами Армии Крайовой и солдатами литовской «Местной сборной» («*Vietine Rinktine*»), сражавшимися друг против друга в годы II Мировой войны. Это стало возможным только после регистрации Клуба ветеранов АК в Литве, которую литовские власти оттягивали целых 14 лет. Декларация была подписана в присутствии президента Литвы Валдаса Адамкуса, премьер-министра Альгирдаса Бразаускаса, представителя президента Польши Анджее Майковского, послов Польши и Германии, а также польских и литовских историков и общественных деятелей. (*Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 3 сент.*)

■ 60 лет тому назад, 29 августа 1944 г., в Освенцим отправился последний эшелон с лодзинскими евреями. В довосенной Лодзи, насчитывавшей 650 тыс. жителей, жило 250 тыс. евреев. На траурные торжества должны были приехать 405 бывших узников лодзинского гетто, включая членов семей, но в результате их прибыло в три раза больше. Всего в Лодзь приехало 5,5 тыс. гостей. Среди них были, в частности, премьер-министр Марек Белька, бывшие премьеры Ежи Бузек и Лешек Миллер, бывший президент Польши в изгнании Рышард Качоровский, а также послы Чехии, Германии и Австрии, маршал Сената Лонгин Пастусяк, мэр Тель-Авива Рон Хульдаи, президент Лодзи Ежи Кропивницкий и представители еврейских общин. В Лодзи находится крупнейший в Европе еврейский некрополь. На основанном в 1892 г. кладбище сохранилось 180 тыс. надгробий. (*«Газета wyborча» и «Жечпосполита», 30 авг.*)

■ Специальный комитет иерусалимского Института национальной памяти «Яд-Вашем» посмертно присудил медали и дипломы «Праведный среди

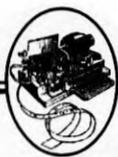
народов мира» полутора десяткам поляков. Награды вручил их семьям посол Израиля в Польше Давид Пелег. Поляки — самая многочисленная группа среди «Праведных»: их около 6 тысяч. «Это истинное свидетельство польского мужества», — сказал израильский посол. (*«Жечпосполита», 10 сент.*)

■ 4 сентября свое 80-летие отпраздновал Ежи Фицовский — поэт, в чьем творчестве доминируют две темы — цыганская и еврейская. Фицовский был бойцом Армии Крайовой, участником Варшавского восстания, узником немецких концлагерей, а в 70-80-е гг. членом Комитета защиты рабочих (КОР) и деятелем демократической оппозиции. Сам поэт говорит: «Мое поколение перестреляли смолоду». (*«Жечпосполита», 4-5 сент.*)

■ Проф. Ежи Помяновский: «Я усматриваю некую связь между Катынью и [Варшавским] восстанием. [В обоих случаях] речь шла не об истреблении населения или уменьшении численности поляков, но об уничтожении динамичного, образованного слоя, способного к самостоятельному мышлению (...) Этот план ползучего геноцида был одинаков по обе стороны тогдашней линии фронта. Правда, план этот был глобальный, его не придумали исключительно ради поляков и испытывали на русских со всем сталинским размахом. Пусть в таком случае [российские юристы] не препятствуют нам в окончательном расследовании катынского дела — ведь это в их собственных интересах...» (*«Впрост», 15 авг.*)

■ Томаш Наленч, бывший вице-маршал Сейма: «Трудно понять, почему российские власти столь упорно защищают такого безжалостного убийцу, как Сталин. Ведь тем самым они берут на свою совесть его преступления. В первую очередь такая позиция вредит самой России. До сих пор только худшие враги ставили знак равенства между бесчисленными сталинскими преступлениями и российским государством. Это бессмысленно — ведь самым тяжким испытаниям жестокий грузин подверг русских. Однако если российские власти не желают сказать правду, то тем самым они отводят себе роль наследников преступлений. Невозможно смотреть в будущее без честного сведения счетов с прошлым — особенно отмеченным такими преступлениями, как пакт Риббентропа—Молотова, катынское убийство, преследование солдат Армии Крайовой (...) или фактическое согласие на уничтожение Варшавы Гитлером. Своим отношением к сталинскому прошлому Россия загоняет себя в тупик». (*«Впрост», 29 авг.*)

■ Пакт Риббентропа—Молотова был подписан по вине поляков — таков смысл российской программы «Тайны века», показанной на канале ПБК, транслирующей передачи ОРТ в страны Балтии. «Спустя 13 лет после распада Советского Союза головы россиян, управляющих массовым сознанием с трибуны общественного телевидения, все еще

полны великодержавного, имперского, красно-коричневого месива. При Ельцине такого не было». (Мацей Стасинский, «Газета выборча», 2 сент.)

■ «Генеральная прокуратура Украины не занимается поиском материалов, связанных с катынским делом, так как российская сторона ни о чем подобном нас не просила», — сказал начальник пресс-службы Генеральной прокуратуры Украины Сергей Руденко. Ранее представители российской прокуратуры заявили, что следствие по делу о катынском преступлении затягивается ввиду отсутствия документов с Украины. («Газета выборча», 10 авг.)

■ «Военные прокуроры, которые в середине 90-х начинали вести следствие по делу о катынских расстрелах, проводили эксгумации вместе с польскими специалистами, сдружились с ними и принимали это дело близко к сердцу, руководствуясь своей совестью и принципами законности, не сделали карьеры. Они стали чужими среди своих. В России все еще нет атмосферы, способствующей историческому испытанию совести». (Витольд Лясковский, «Впрост», 15 авг.)

■ В Москве побывала с визитом делегация польского Института национальной памяти (ИНИП) во главе с его директором проф. Леоном Кересом. Россия не признаёт катынское преступление геноцидом, поэтому никому не будет предъявлено обвинение в его совершении, однако польская сторона получит доступ к документам следствия. («Тыгодник повсехний», 15 авг.)

■ «Виновники катынского преступления уже давно осуждены, приговорены и казнены — еще во времена СССР (...) Первый процесс состоялся в Мариуполе на Азовском море. Было вынесено четыре смертных приговора. Все они были приведены в исполнение. В Смоленске за катынскую резню к смерти приговорили семерых немецких офицеров (...) В 1945 г. — тоже в Смоленске — за соучастие в катынском преступлении к смертной казни были приговорены 85 немецких офицеров, в т.ч. 18 генералов. Казнь была публичной (...) Съемки казни нашел в московском архиве берлин-

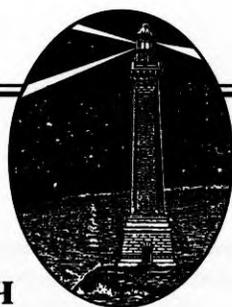
ский историк Бенгт фон цур Мюлен. Я видел эти съемки (...) Ни один из этих приговоров — а я перечислил далеко не все — не был пересмотрен. А это значит, что с сегодняшней точки зрения они были и остаются справедливыми». (Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 10 авг.)

■ «А ведь все начиналось совсем по-другому. Десять лет тому назад Ельцин (...) и глава президентской администрации Сергей Филатов открыто говорили о преступлениях режима, в т.ч. в отношении поляков. Российская прокуратура начала собирать материалы, было создано три мемориальных кладбища поляков, расстрелянных весной 1940 года. Казалось бы, государство начало сводить счеты с мрачным советским прошлым. Сегодня, при Путине, от этого не осталось и следа. Не сведя счеты с самой собой, Москва пытается спрашивать с других». (Эрнест Скальский, «Газета выборча», 26 авг.)

■ Конинский районный суд признал четырех бывших сотрудников госбезопасности виновными в том, что в 1981-1985 гг. они подвергали физическим и психическим пыткам активистов «Солидарности». Суд приговорил их к 2,5 годам лишения свободы. («Жечпосполита», 4-5 сент.)

■ Эльблонгская полиция подвергла взысканию свыше ста человек за употребление нецензурных слов в общественных местах. Лица, употребляющие подобные слова, могут быть наказаны ограничением свободы, штрафом до 1500 злотых или выговором. («Жечпосполита», 30 авг.)

■ «Транспаранты, лозунги, бело-красные флаги, свечи — так жители маленькой деревушки Камица близ Колобжега выражают свой протест против вырубки нескольких десятков старых деревьев, растущих в самом сердце деревни. Они даже несут дежурства возле деревьев — днем и ночью, целыми семьями (...) «Камица, а стало быть, и наш двор, находится на высоте 300 метров над уровнем моря. Эти деревья защищают деревню от ветра. Им по меньшей мере 103 года», — говорит один из жителей». («Жечпосполита», 19 авг.)

Лешек Бальцерович

ВО СКОЛЬКО НАМ ОБХОДИТСЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВЛАСТЕЙ

*Умножение административных запретов и предписаний
усиливает коррупцию и теневую экономику*

Ограничения экономической свободы всегда вводятся во имя возвышенных официальных целей: повышения социальной защищенности граждан, укрепления позиций более слабой (по мнению государства) стороны в трудовом соглашении, охраны окружающей среды или интересов всего общества — в том или ином их понимании. Эти цели прекрасно годятся для лозунгов, которые обращаются к нашей жажде безопасности или к чувству моральной справедливости и тем самым затрудняют объективную оценку социальных последствий государственного регулирования в различных его проявлениях. Например, какова будет типичная первая реакция на распространяемое в СМИ сообщение, что некое туристическое агентство обмануло своих клиентов? Люди скажут: пусть государство введет лицензирование этого вида деятельности, чтобы мошенники не могли туда проникнуть. Среди политиков всегда найдутся желающие подхватить подобного рода «требования масс». Однако за ростом регулирования кроются не только эмоции или недоразумения, но и вполне корыстные побуждения. Ограничивая свободу своих сограждан, можно заполучить значительные выгоды в виде властного произвола, спокойной жизни или дополнительных доходов. Таким образом, лозунгом защиты общественных интересов нередко прикрываются самые заурядные материальные амбиции. Именно поэтому, оценивая различные регулирующие меры, следует всегда обращать внимание не на сопровождающие их лозунги, а на социальные последствия. Даже особо тщательно продуманные административно-правовые ограничения вызывают отрицательные последствия, а многие действующие сегодня административные правила разительно отличаются от оптимальных, проистекая из запутанного сплетения недоразумений, корыстных интересов, оппортунистических расчетов и дремучего невежества.

«Тигры» обходятся без социальных выплат

Государственное вмешательство неизбежно влечет за собой социальные издержки, так как оно отрицательно сказывается на определенных видах поведения людей. Например, повышение уровня безопасности приводит к тому, что люди становятся менее осторожными. Введение государственного страхования вкладов позволяет вкладчикам неразборчиво вкладывать свои деньги в первые попавшиеся банки, а не только в самые надежные, и таким образом ослабляет рыночную дисциплину рынка. Дисбаланс, возникший в результате этого вмешательства, должен быть скомпенсирован следующим вмешательством — вводимыми для банков регулирующими правилами осмотрительного функционирования, за соблюдением которых следит государственный надзор. Исследования, проведенные Всемирным банком, показали, что сильная и надежная защита вкладов лишь увеличивает опасность возникновения банковского кризиса там, где государственный надзор за банками слаб. Другой пример: выплачиваемые государством социальные пособия снижают склонность откладывать деньги «на черный день» и в результате уменьшают общий объем сберегательных вкладов в стране, тогда как эти сбережения весьма существенны для реализации инвестиций. Неслучайно всем интенсивно развивавшимся азиатским странам («тиграм», к которым относились Тайвань, Южная Корея и др.) были присущи весьма высокий уровень капиталовложений и чрезвычайно ограниченные государственные социальные выплаты. Бедная страна с развитой системой социального обеспечения никогда не достигнет благосостояния.

Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен

Множество регулирующих запретов ограничивает конкуренцию, а это в свою очередь замедляет технический прогресс и снижает эффективность. Конкуренция между поставщиками представляет собой самый мощный и незаменимый стимул внедрения новых оптимальных решений. Именно поэтому социализм, который заменил этот фактор государственной собственностью на средства производства и центральным планированием, так позорно проиграл соревнование с капитализмом. В течение нескольких последних лет Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирный банк проводили исследования, касающиеся сравнения раз-

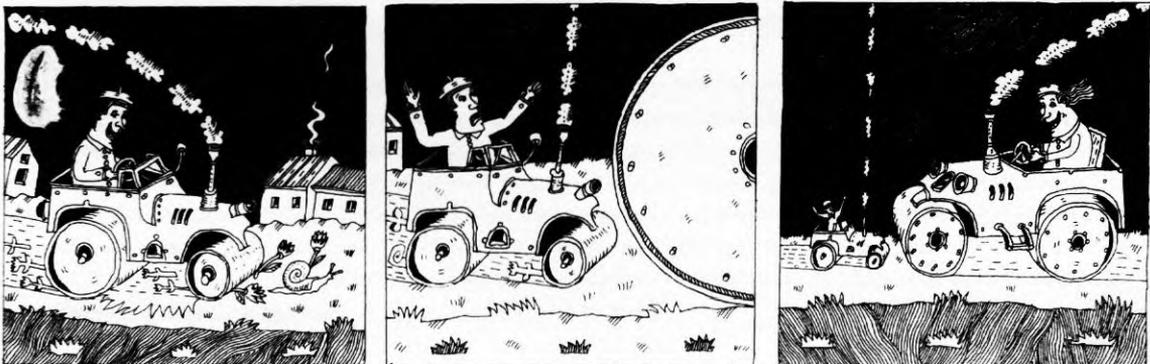

личных мер, направленных против конкуренции, — таких, как государственный (политический) контроль экономики и административные барьеры, затрудняющие доступ на рынок. Полученные результаты демонстрируют, что более обширная сфера государственной собственности и более жесткие ограничения доступа на рынок замедляют рост производительности труда и процесс приближения к уровню технологических лидеров. Подобные регулирующие ограничения особенно вредны в странах, характеризующихся значительным технологическим отставанием; а именно такой балласт достался нам в наследство от социализма. В свете этих исследований препятствовать приватизации — то же самое, что поддерживать отсталость страны.

Затруднение доступа к определенным областям хозяйственной деятельности обычно находит поддержку среди поставщиков, которые там уже находятся, так как позволяет им ограничивать конкуренцию и добиваться более выгодного соотношения вложенных усилий и полученных доходов. В официальной идеологии этих групп обычно на первый план выставляются высшие соображения, особенно забота о поддержании высокого качества услуг — так, как будто это качество не зависит именно от конкуренции между поставщиками. Весьма знаменательно, что профессии, к которым нет открытого доступа, называются в Польше «свободными» (так, к представителям «свободных профессий» относятся нотариусы, адвокаты, юрисконсульты и др.)! Все любят быть свободными от конкуренции, так что следует сохранять особую бдительность по отношению к всевозможным законопроектам, касающимся правового регулирования очередных профессий.

Регулирование повышает безработицу

Практически каждое регулирующее предписание — сколь бы благородны ни были его цели — означает дополнительное бремя для предприятия и тем самым сдерживает его развитие и создание рабочих мест. Таким образом, в странах с более жесткими регулируемыми ограничениями для фирм будет наблюдаться более низкая динамика экономического роста, а также меньший прирост рабочих мест и более высокая безработица. Вопреки расхожим представлениям, высокий уровень безработицы — следствие не законов свободного рынка, но как раз государственного регулирования, которое вытесняет рыночные отношения. Среди стран ОЭСР более высокий уровень безработицы наблюдается там, где государство больше вмешивается в экономическую жизнь, а не там, где регулирующие административные меры распространены менее широко. Иначе как горькой иронией нельзя назвать тот факт, что особенно способствуют росту безработицы именно те предписания трудового права, которые официально обосновываются защитой «более слабой» стороны в трудовых отношениях, то есть наемного работника по отношению к предпринимателю. В соответствии с этой доктриной заинтересованные стороны добиваются установления в законодательном порядке все более и более высокой минимальной заработной платы, а также жестких ограничений возможности как принимать, так и увольнять работников. В конечном итоге это ослабляет стремление и возможности фирм повышать занятость и приводит к росту безработицы как раз среди более слабых групп работников, то есть женщин и молодежи. Исследования, проведенные ОЭСР, показали, что эти социальные группы в первую очередь становятся жертвой тех регулирующих положений трудового права, которые призваны «защищать» их права. И как же тут можно сидеть сложа руки и спокойно смотреть на тех, кто — под лозунгом борьбы против либерализма или во имя «социальной ответственности» — всячески проталкивает антилиберальные и в результате антиобщественные меры? Им-то мы и обязаны высоким уровнем безработицы в нашей стране. Не стоит ли задуматься над тем, что эти всплески проявлений «социальной ответственности» возрастают по мере очередных выборов?

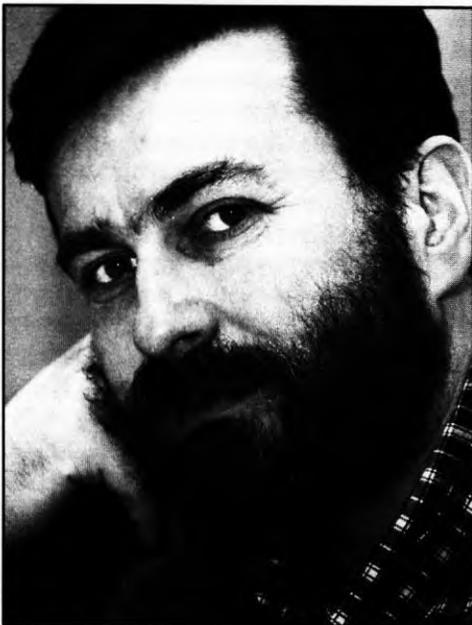

Ignacy Czwartos

Кшиштоф Козловский

ПАМЯТИ ДРУГА *Марек Карп (1952-2004)*

12 сентября скончался Марек Карп, создавший в 1990 г. варшавский Центр восточных исследований — лучшее в Польше, если не во всей Европе, учреждение, занимающееся анализом политического, социального и экономического положения в Восточной Европе.

Умер друг. Умер в тот момент, когда все как будто обещало, что после тяжелой автомобильной аварии дело идет к лучшему, когда мы уже вздыхали с облегчением.

Он был воистину необычайным человеком. Историк по образованию, влюбленный в Литву и Белоруссию — да и в любой городок, любую усадьбу Подлесья или Мазовии. Государственные границы по сути дела никогда не были для него чем-то важным.

Он любил Восточную Европу и понимал ее, как мало кто. Поэтому в момент перелома 1989-1990 гг. его знания в этой области стали неоценимы. Когда рухнула коммунистическая ПНР, внезапно оказалось, что вопреки всей пропаганде периода до 89-го мы, поляки, принявшие тогда ответственность за Польшу и ее новое место в Европе, на самом-то деле почти ничего не знаем о странах, людях и процессах, идущих за нашей восточной

границей. Не знали этого и наши новые западные союзники (их дипломаты за пределы Москвы практически не выезжали).

Новая польская восточная политика должна была опираться на добросовестные предпосылки и проверенные факты. Но их-то как раз и не хватало. Марек Карп первым забил тревогу, собрал вокруг себя группу молодежи и с характерной для него решимостью объяснял нам, тогда министрам в первом некоммунистическом правительстве, что затягивать ожидание нельзя, — и в конце концов добился создания Центра восточных исследований, правительственного учреждения (при министерстве экономического сотрудничества с заграницей, затем при министерстве экономики), занимающегося анализом всего, что происходит за Бугом, на основе всех возможных источников, доступных открыто и гласно.

Затем почти полтора десятка лет Марек был директором ЦВИ, которым гордились все сменявшие друг друга правительства независимо от своей политической окраски. Марек Карп создал учреждение, снискавшее международный авторитет (Интернет-сайт: www.osw.waw.pl), первый полностью современный «банк данных» о Восточной Европе с коллективом из нескольких десятков аналитиков. Точный инструмент, необходимый польской политике и экономике. Не вина Марека, что из этого источника, может быть, недостаточно черпали: политики обычно всё сами лучше знают... К счастью, Марек был не только предан своему детищу, но и упрям, и его упрямству Польша многим обязана.

Был он и верным другом — нам будет его не хватать.

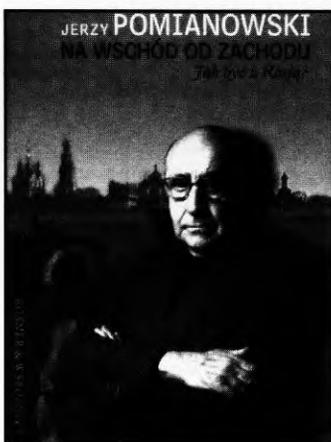
TYDNIK POWSZECHNY

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА

Из последней беседы Марека Карна с Ежи Помяновским

— Вы эмигрировали в 1969 году. Возвращались вы уже в другую Польшу. Каковы были мотивы вашего решения вернуться?

— Кроме того, что нуждаются в высоких словах, мотивом была своего рода скука. Прожив двадцать с лишним лет в эмиграции и достигнув в 1992-м, в Пизанском университете, пенсионного возраста, я внезапно осознал, что в Польше происходит —

как бы это сказать? — нечто, к чему стоит приложить усилия, чтобы оно стало необратимым. Пожалуй, я стал одержим идеей нехватки времени, страхом, что не успею. Ежи Гедройц доказал, что старость — не причина бездеятельности, а следствие ее. Тогда я погрузил в автофургон с прицепом (вместе они были длиной метров в 18) книги, набитые в ящики из-под бананов, два шкафа и две кровати, сел за руль старой «Мазерати», рядом — жена, за спиной — стиральная машина, и поехал в Польшу. И до сих пор об этом не жалею.

— Можно ли уже сказать, что мы лучше знаем Россию? Вы выдвигали это требование со времени возвращения из-за границы, с начала 90-х; взаимному познанию поляков и русских вы служили своей публицистикой, очередной сборник которой только что вышел, — служите этому и как главный редактор журнала «Новая Польша», существующего уже пять лет. Каков, по вашему мнению, уровень знаний о России в Польше и о Польше в России?

— Мы обязаны знать Россию лучше, чем другие. Учитывая, что с 1717 г. с Немого сейма*, и по вчерашний день через Польшу без серьезных препятствий с нашей стороны прошли и проехали миллионы русских, главным образом в военной форме, и учитывая, что мы сталкивались с Россией больше, чем другие народы Европы, наши знания о России и русских обширны, но поверхностны, ибо мы смотрели на них с неоправданным, легкомысленным высокомерием. Для польской интеллигенции Россия долго была вопросом, в котором она предпочитала не разбираться: он был связан с нестерпимым ощущением гнета. Тот, кто мог, отворачивался от России, ибо она была оккупантом большей части польских земель и представляла постоянную угрозу национальному бытию. Бжозовскому пришлось чуть ли не криком кричать, напоминая, что потому-то для Польши и важнее всего русский вопрос, вопрос нашего нелегкого, но неизбежного соседства. А знание наших дел у русских было подпорчено нечистой совестью: они чувствовали, что отношения с поляками отравлены насилием одной стороны и двуличием — другой.

Генерал Лебедь, о гибели которого не я один сожалею, патриот, ну пусть даже националист, одновременно был демонстративным антиимпериалистом; он уже знал, что продвигаться по карте, расталкивая локтями, — в наш век анахронизм; однажды он написал, что «польский вопрос [на протяжении всего XIX и половины XX века] был самым страшным русским кошмаром», — и был прав. Для российских политиков угроза польских восстаний и бунтов была причиной постоянной напряженности и источником пресловутого «ложного сознания». Им приходилось это внутренне уравнивать (как это, например, про-

* Однодневный сейм, утвердивший договор шляхты с королем Августом II Сильным. Договор ограничивал влияние саксонской династии и уменьшал королевские полномочия. Посредником, а затем гарантом привилегий шляхты был Петр I, что положило начало вмешательству России во внутренние дела Польши. — *Здесь и далее прим. пер.*

изошло с Достоевским) обвинениями против поляков, чтобы оправдать несомненный ущерб, нанесенный польскому народу во имя государственных имперских соображений. Сегодня тот же мотив повторяется в претензиях многих русских, искренне убежденных, что заключение Польши в соцлагерь было для нас благодеянием, за которое мы платим им неблагодарностью. Невежество — наш общий враг.

— В «Русском месяце с гаком», книге, вышедшей в 1996 г., вы убеждали в необходимости польско-русского и польско-российского диалога, активной восточной политики Польши. В новой книге вы посвящаете много места вопросу, поставленному в ее подзаголовке: как быть с Россией? Как вы считаете, придерживается ли польская политика по отношению к России какого-то главного направления?

— Многие считают, что никакой особой восточной политики Польше проводить не надо, что в восточной политике достаточно действовать так же, как в западной, соблюдая принципы создателя международного права Гроция... Но тут нужно видеть еще, во-первых, к какой цели ты сам стремишься и, во-вторых, не предпочитает ли твой партнер право сильного — посильнее законов Гроция. За отсутствием сведений ты обращаешься к истории, но она подсказывает обеим сторонам пагубные аргументы. Иногда все-таки следует признать, что история — *magistra vitae*, хотя учит она только одному — как избежать ее повторения.

В «Русском месяце» я напоминал, что два жернова, которые перемалывали Польшу — и несколько раз смололи ее в чужую муку, — после II Мировой войны перестали нам угрожать. Один из них вынужденно перестал вращаться против Польши. Другой же распался на несколько самостоятельных осколков во главе с Украиной. Элементарная задача польского правительства — изо всех сил стараться, чтобы наша страна никогда больше не оказалась между таких жерновов, чтобы ее геополитическое положение не вернулось к состоянию *quo ante*. Как этого не допустить?

Я утверждаю, что концепция, выработанная парижской «Культурой», — это и есть то «главное направление», о котором вы спрашиваете. Она была и остается под рукой, хотя и не вошла в программу ни одной партии, ни одной силы, имеющей исполнительную власть и экономические инструменты. Это сказочки, что все учились у Гедройца. Кто воспринял его всерьез кроме Квасневского, Бартошевского, Геремека? Первый прин-

цип концепции Гедройца, сформулированный Юлиушем Меровским, таков: наши важнейшие союзники — литовцы, белорусы и в первую очередь украинцы. Борьба за господство над ними стала причиной кровавого противостояния, выигранного в конечном счете царской Россией. Одна лишь память об этом тяготит над взаимоотношениями всех участников былой борьбы. Ликвидировать источник конфликтов можно лишь при обретении этими народами независимости от обеих соседей. Эта простая мысль, на мой взгляд, остается основой восточной политики Польши и самым простым рецептом на обеспечение мира в нашей части Европы. В книге я стараюсь доказать, что ее усвоение пойдет на пользу самой России.

— Польша сегодня не в таком политическом положении, как была тогда, когда вы по горячим следам писали свои тексты. Она уже несколько лет член НАТО, несколько месяцев — член Евросоюза. Мы приобрели влияние на формирование европейской политики по отношению к России. Как вы считаете, есть ли на Западе концепция отношений с Россией? Что сделало и что должно сделать польское правительство на международном форуме, чтобы защищать наши государственные интересы и в то же время не возбуждать в России опасений, что ее сталкивают на обочину?

— НАТО — это «скорая помощь», к которой можно прибегать лишь в крайнем случае. А Евросоюз — организация повседневного употребления, которая должна давать своим членам чувство локтя. Положение Польши станет теперь важным критерием солидарности государств-членов ЕС. Более того — тестом, показывающим, насколько в Брюсселе понимают, что по отношению к России нужна общая политика. До сих пор я не вижу новой концепции сосуществования — кроме реликтов «холодной войны», ныне выворачиваемых наизнанку, словно за Бугом по-прежнему находится СССР.

Кстати, известный российский политолог Станислав Белковский открыто говорит, что Россия всегда была империей и должна такой оставаться, а империя не выживет, если не будет расширяться, но сочтем это запоздалым отголоском рева политических динозавров из «Парка юрского периода».

Стремясь сделать новые выводы из концепции «Культуры», в своей книге я подчеркиваю необходимость вовлечь Россию в международные структуры, которые требуют от своих *равноправных* участников мирного разрешения конфликтов

на основе протокола о расхождениях, а не путем «горячих» или «холодных» войн. Если Россию наконец примут во Всемирную торговую организацию, она будет подчиняться в торговле тем же правилам, что и другие. Одновременно исчезнет предлог жаловаться, что ее сталкивают на обочину.

Как вы видите из этих моих «если», все теперь зависит от солидарности членов Евросоюза. Другой надежды я не вижу.

Ее не дает ни утопическая концепция польской автаркии, ни возвращение в нечто подобное СЭВу. Таким образом, первая забота любого польского правительства — требовать от Евросоюза проведения общей восточной политики, исключаяющей чью бы то ни было гегемонию. Так, как это происходит в честной торговле.

— *В области энергетики интересы государств Европы не совпадают. Есть два противоположных вида интересов. Статистика показывает, что государства Восточной Европы от 80 до 100% своих потребностей в энергии удовлетворяют за счет поставок из России и других возможностей не имеют. На Западе же российское сырье составляет около 20% предложения, и там оно просто необходимо, чтобы не впасть в зависимость от арабских поставок. Можем ли мы при таком расхождении реально мыслить о созидании общих европейских интересов? Мы же видим, что национальные интересы старых и новых членов ЕС так резко расходятся.*

— Не думаю, чтобы эти расхождения были вечными и не могли быть сглажены путем переговоров. Миру и особенно Европе — включая Россию! — сегодня угрожает коалиция нигилистического интернационала с исламским фундаментализмом. Обе эти силы на Западе представлены, с одной стороны, полезными дураками (как называл их Ленин), т.е. антиглобалистами и мюнхенцами с любой географической широты, добродушными пацифистами и отнюдь не добродушными антиамериканцами, а с другой — типами, живущими на нефтедоллары и стремящимися к господству под знаменем ислама. Это знамя, которым злоупотребляют, избрано для удобства — как когда-то крест, под которым разбойники грабили Константинополь по пути в крестовый поход. Эти интересы и их связь с наступлением террористов против Запада видны невооруженным глазом. Поэтому желание уменьшить зависимость от арабских стран путем поставок российской нефти и газа понятно. В конце концов, у Евросоюза есть

строгие правила, согласно которым стратегическое сырье от одного поставщика не может превосходить 33%. Но этого слишком мало, чтобы уберечь ЕС (и нас) от замены монополии ОПЕКа монополией «Газпрома».

Настоящая проблема состоит не в том, что поставок топлива из России Запад ждет, как манны небесной, и что Россия на этом зарабатывает. Пусть зарабатывает сколько угодно! Но Россию интересует не только прибыль. Фокус в том, что то, что я называю политикой «Газпрома», состоит в установлении политической зависимости государств-клиентов от государства-поставщика. Это ползучий колониализм. А если он применяется к стране, входящей в ЕС и НАТО, то становится помехой для обоих этих союзов. На этом я и основываю надежду, что то расхождение интересов, о котором вы говорили, уменьшится, уступая требованиям государственных соображений всего сообщества. Вопрос только в том, насколько быстро наши союзники поймут, что никакая прибыль не оправдывает заталкивания России на старые тупиковые пути.

Необходимым выводом из концепции «Культуры» я считаю тезис, согласно которому экспансионизм, как царский, так и советский, вредил не столько Польше и Западу, сколько самой России. Я в этой книге утверждаю, что Европа во второй половине XX века пережила тихую революцию, смысл которой до сих пор не поняли только в России. Оказалось, что все государства, отказавшиеся — даже с сожалением — от своих колоний, не проиграли на этом, а выиграли. Они лишились своих Индий и Алжиров и не только испытывают облегчение, но благодаря этому достигли крупных экономических успехов. Так произошло в Англии, Франции, Голландии, Италии, даже в Японии. Пример Германии тут особенно красноречив. И вот немецкая теория «жизненного пространства» нашла себе прибежище среди российских национал-большевиков. Горе, если ею проникнется государственная доктрина в согласии с вышеприведенными словами Белковского. Я старюсь быть оптимистом, говоря о политике Путина, главным образом потому, что он включил в свое правительство видных реформаторов, ставящих на интенсивное, а не экстенсивное развитие, а оно не требует экспансии — матери агрессии.

— *Несмотря на зигзаги своей восточной политики, в которых вы укоряли одно правительство за другим, Польша выполняет приоритетную задачу поддерживать независимость Ук-*

раины и Литвы (Белоруссия — дело особое). Понимание необходимости существования этих государств как условия мира в нашей части Европы стало в Польше свершившимся фактом. Не возрождаются ли там сегодня имперские амбиции России, принимая формы экономического нажима на эти страны?

— Согласен. Повторяю: это идет во вред самой России. Фридрих фон Хайек утверждал, что есть только два способа поведения: или как в торговле, или как на войне. *Tertium non datur*. Тот, кто применяет сегодня «смешанные» методы, производит взрывчатую смесь.

Что касается нашей поддержки независимых Украины, Литвы и Белоруссии, то у меня есть сомнения. Прежде чем мы станем обращать к России претензии в алчности, а к ЕС — в отсутствии концепции, посыпем пеплом собственную голову. Как можно укорять Украину в том, что по нефтепроводу Одесса—Броды потечет российское сырье, если в Польше никто и пальцем не шевельнул, чтобы довести этот трубопровод до Гданьска? У нас, а не где-нибудь, «газпромовское» лобби хотело продать «Лукойлу» даже Гданьский нефтепорт, т.е. «горло» нашей системы поставок и экспорта нефти и газа. Даже желая России всего самого лучшего, нельзя наносить ущерб суверенитету собственного государства, не правда ли? Тактику «поддержки независимости» вытеснила теория минимализма, т.е. максимального ограничения всяческой польской активности к востоку от Перемышля. Не было сил и средств для Украины? Нашлись же они на загубленные капиталовложения в Конго. А теперь, когда мы можем рассчитывать на средства и дипломатию ЕС, я читаю в левом «Пшеглэнде» (2004, 27 авг.), что «польские политики оставляют за собой право формировать восточную политику ЕС, и если бы это случилось, война стала бы неизбежной». Автор этого увлекательного тезиса считается идеологом пророссийских кругов в Польше. Что же такое этот тезис, если не попытка шантажа и акт веры в Россию из страшной сказки — захватническую и неспособную на партнерские соглашения.

— *Какие силы в России в состоянии избрать направление интенсивного, не имперского развития?*

— В России, несомненно, есть круги, заинтересованные в мирном международном сотрудничестве и реформах. Во-первых, многочисленные, но раздробленные круги предпринимателей-производителей. Они ждут реформ и со-

трудничества с Западом. Своими доходами Россия (большая часть растущего — в этом году выросшего более чем на 7% — ВВП) обязана не газу и нефти, а деятельности мелких и средних предприятий. Но дальнейшее развитие требует капиталовложений, а они нуждаются в благоприятном инвестиционном климате. Репрессии против капиталистов, вся эта борьба аристократии (родом из КГБ) с отечественной буржуазией атмосферу не улучшает.

Серьезные надежды порождает участие в работе правительства видных российских экспертов. Однако милость Господня сегодня есть, а завтра ее нету. Тенденция к ренационализации предприятий и вообще явная склонность к авторитарному правлению противоречат деятельности либеральных реформаторов. Всякая власть вмешивается в свободный рынок, выдвигая вперед не тех, кто производит товары лучше и подешевле, а тех, кто тайком откупается от нее. Тем более охотно вмешивается в рынок авторитарная власть.

На реформы рассчитывают также либеральные лидеры регионов, которые хотят использовать свои резервы на местные нужды. Кремль, однако, это учитывает и навязывает регионам надсмотрщиков-назначенцев.

Боюсь, что у вас возникнет впечатление, будто бы все надежды на спокойное развитие России и ее отношений с Польшей я возлагаю на экономические факторы. Я же рассчитываю на силу, которую кое-кто считает обломком прошлого, в то время как она гарант будущего; без нее можно только подражать иностранцам и завидовать, что у них появляются новые идеи. Я говорю об интеллигенции.

Конечно, как группа политического нажима она сегодня почти ничего не значит. Политические партии, которые должны были представлять «четвертое сословье», славную русскую интеллигенцию, раздробились и перессорились. Лучшие люди принуждены к молчанию, многие уехали за границу. Страшно не хватает незабвенной Галины Старовойтовой, Лихачева, Сахарова. Но ничто не изменит основного факта: нужно лишь время (и терпение), чтобы стало ясно, что советский эксперимент, состоящий в исключении интеллигенции из процесса принятия решений, не поддается повторению. Интеллигенцию пытались заменить т.н. узкими специалистами, *образованцами*, т.е. поставщиками сырья для решений, принимавшихся правящими дилетантами. Это кончилось отставанием и проигрышем в гонке с

Западом — даже в области *обороны*. Пока что о значении и будущем интеллигенции свидетельствуют лишь нажим и репрессии, которым то и дело подвергаются ее представители. И такие шаги продолжают, о чем свидетельствует ограничение масштабов *гласности* в СМИ. Однако необходимость сотрудничать с Западом, сравняться с ним в области науки и, наконец, невозможность монополии в сфере информации — все это должно сделать свое дело, если Путин действительно прагматик.

— *Вы по-прежнему цените Солженицына, защищаете его достижения в области мысли и его роль в раскрытии миру облика ГУЛАГа — можно сказать, вопреки сегодняшнему восприятию Солженицына в России и Польше. Откуда такая верность?*

— То, что он сделал, эпохально: «Архипелаг ГУЛАГ» — главное доказательство расточительства, жестокости и бесцельности коммунизма. Меня не волнуют отклики на его сегодняшние высказывания. Меня не беспокоит односторонность его мнений о 200-летнем сосуществовании евреев с русскими. Солженицын имеет право говорить о внутренних делах России все что хочет, раз он постоянно подчеркивает, что неизменно остается врагом советского коммунизма и советского империализма. Самое важное, что было сказано, в истории интеллектуальных революций нашего века, — это его слова: *жить не по лжи* — достаточно не принимать участия во лжи, чтобы свергнуть любую тиранию.

— *Вы встретились с Россией и в жизни, и через литературу. Перевод почти всей прозы Исаака Бабеля — главное основание, чтобы прославить вас (как пишет Леопольд Унгер в предисловии к вашей книге). Но вам принадлежат и выдающиеся переводы Чехова, Льва Толстого, писателей «другой России» — Булгакова, Солженицына, Ахматовой, Мандельштама, Михаила Геллера. Какие чувства связывали вас с этой литературой?*

— Я уже не хочу заниматься переводами. Полжизни я провел, эгоистически знакомя польских читателей со всеми своими русскими любимцами. Только Гедройц заставил меня относиться к тому, чем я занимался в свободные минуты, как к

долгу. Мою жену-мученицу я заставил под диктовку выстучать на «Оливетти-22» в течение четырех лет пять с половиной тысяч страниц — не только Солженицына, но и Геллера, и Сахарова, и Шаламова, и других русских мятежников. Она печатала целыми днями, вечером я правил черновик, в то время как Александра три-четыре часа спала. В полночь я будил ее, и до самого рассвета она переписывала черновик начисто. В восемь утра я уже был на римском вокзале, чтобы выслать очередные страницы в Париж с проводником поезда. Кроме нас двоих, только Гедройц и три его сотрудника знали, кто такой Михал Канёвский. Даже редакция «Свободной Европы» (а «Архипелаг» передавали по радио изо дня в день) получала перевод — ради конспирации — из Парижа.

— *И вот сакраментальный вопрос: какие у вас планы?*

— Как вы знаете, я главный редактор журнала «Новая Польша». Меня уговорил заняться этим Гедройц, и в последний год своей жизни он еще смог увидеть, что происходит по его инициативе. Это дело меня втянуло; журнал выходит уже пять лет, выпущено 60 номеров (в том числе два спецвыпуска: один по-украински и два — по-грузински), распространяется вплоть до Сахалина и есть в любой районной библиотеке всей Российской Федерации. Журнал ведет полемику, представляя аргументы польской стороны в спорных вопросах, в последнее время — в катынском деле или в дискуссии о судьбе советских военнопленных 1920 года. Но самое главное — это орган первого искреннего диалога поляков с теми русскими, которые не хотят и уже не могут считать нас вассалами. Почти на полтысячи наших авторов свыше 130-ти — писатели, публицисты и переводчики из России.

— *И это всё?*

— Ах да, верно — я берусь наконец за собственные писания. Может, еще успею написать две книжечки, которые временно лежат в коробках под письменным столом в виде беспорядочных заметок. Тему первой я держу в секрете даже от самого себя, вторая будет сборником рассказов о тех талантливых и умных людях, которых мне удалось встретить, но с которыми не удалось сравняться.

Варшава, 16 июля 2004

Анатолий Найман

14 АВГУСТА 2004

Когда Иосиф переехал в США,
приветственный мессаж он получил от Чеслава —
прибыть чье теперь за Стикс его душа,
освоившаяся в том крае, чувствует.

Сиренная их речь, словно из зала в зал,
из мира в мир эфир переходя, как посуху,
для нас — лишь эха тембр. А знать бы, что сказал
Иосиф Чеславу и Чеслав что Иосифу!

Возможно, и без слов. Подняв аперитив
на свет и медленно сухим печеньем хрустя.
Забыв, как говорят, забыв язык, забыв,
где польская тоска о прожитом, где русская.

Изящество и ум — на бешенство и нерв.
Догадка, что тот свет уже чуть-чуть Америка.
Что всё херня — не так? — Не, всё, что не пся крев.
Что срока в самый раз судьба отмерила.

ИЗ (НЕ СОВСЕМ) РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Из переписки Нины Горлановой с Натальей Горбаневской

Кончина Чеслава Милоша неожиданно дала мне новых друзей: Борис Дубин, московский литературовед, социолог и переводчик (в частности, с польского), с которым я познакомилась по электронной почте и которому еще до публикации послала свою ста-

Наби Балаев
ПАМЯТИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

1.
Чеслав Милош, милый друг,
по Земле прошли слухи,
будто знаешь мертвых круг
и с тобой разговаривают духи.
Словно Дант, внимаешь их стонам,
сравнивая портреты,
и спокойно, классическим тоном,
передаешь приветы.
Десятую песнь вспоминая,
в раздумьях узнаешь ты вновь:
мир не изменился, уповая,
проливает свою старую кровь.

2.
Скажи, какие грезы снились наемни?
Какие слезы проливались во время обедни
и, как фонарь известной печали,
светили всем впотьмах...
Дабы первородный грех обнажить
и слыть стариком, подвязывающим помидоры,
которому нечего нажать,
кроме своей духовной агоры.

3.
Ты, Чеслав Милош,
дитя той Европы,
из которой — все сплошь —
рождались поэты.
И память, помня смертных,
в сонливом берегу,
обнажает бессмертных,
полюбивших тоску.

тью памяти Милоша (см. «Новую Польшу», 2004, №9), спросил, можно ли послать ее Нине Горлановой и Вячеславу Букуру, его друзьям, пермским писателям. Они с большой скорбью пережили смерть поэта, а в свое время (писал мне Дубин), устраивали у себя праздник в его 90-летие. Позже я нашла упоминание об этом вечере в романе Нины Горлановой «Нельзя. Можно. Нельзя»:

«— У нас все можно провести, но В СКЛАДЧИНУ! (И проводили: презентацию книг Власенко и Лины, вечер Флоренского, юбилей Милоша... приезд московских литераторов — с большим удовольствием и часто)...»

Я, конечно, сказала, что статью послать можно, тем более что прозу Горлановой и Букура знаю (когда-то читала их «Роман воспитания» и даже была среди тех «номинаторов», которые выдвинули его на Букеровскую премию, где они дошли до «шорт-листа», а недавно в Интернете прочла их рассказы в «Урале»), и одновременно послать им мой электронный адрес. И вот с тех пор мы переписываемся практически каждый день, да и не по одному разу. (Не говоря уже о том, что теперь я прочла почти всю их прозу — как Горлановой и Букура вместе,

так и Горлановой отдельно.) В одном из первых писем Нина сообщала мне, что они отмечали девятый день кончины Милоша и что их друг, поэт Наби Балаев читал посвященные Милошу стихи. И вслед написала:

Тут меня осенило, что я должна Вам прислать стихи о Милоше моего друга Наби Балаева.

Наш Наби, хоть и полностью породнился с русской культурой, пишет слегка ориентально. Нам кажется это нормальным, а Вам, может быть, это будет странным...

В следующем письме, в ответ на мою просьбу прислать стихи:

Наташа, с волнением шлю стихи Наби Балаева: если не понравятся, то на меня не сердитесь Бога ради — он ведь пишет на чужом языке (и нас трогает, что пишет на нем).

В сентябре я послала Нине и Вячеславу переводы из книги «Хроники» (публикующиеся в этом номере).

Переводы Милоша — очень понравились! Прозрачные, словно так и были написаны эти стихи — по-русски! Вначале повеяло японским воздухом («Река текла, ни огня по другую сторону»), а потом это вдруг ушло, и стал тот Милош, которого я люблю! Как они вообще себя осознают — европейцы: «потомок стрельчатых актов, золоченых скульптур» (а мы про архитектуру старую как можем вспоминать, если у нас в Перми ее вообще и нет?!)...

И, наконец, последнее письмо — о том, как в Перми отмечали сороковой день кончины Милоша:

...Вчера позвонил Наби: надо помянуть Чеслава. И они с женой приехали — с водкой, пельменями, колбасой, сыром, потом, уходя, еще дали тысячу рублей! Мы долго сидели, Милошу налили, Наби новые стихи о нем читал.

Слава хорошо говорил, что если б роща сама выбирала, на чью книгу свою древесину отдать, то плохие писатели бы подползали с удобрениями, обещали, что быстро вырастят новую рощу, чтоб только она дала им древесины на книгу (бумагу). А вот Милошу бы роща сама дала древесину — махала бы ему ветвями: сюда-сюда, дорогой Чеслав!

Потом, в конце, Наби перечислил всех переводчиков, и мы отдельно выпили за Вас, отдельно за Борю Дубина! А поскольку я остальных плохо знаю, то этим ограничились.

Там такая была формулировка: чтоб переводчики долго жили, были здоровы и чтоб больше перевели (еще лучше звучало, но я записывала кратко, потому что бегала варить пельмени, заваривать чай и пр.)...

Чеслав Милош

Переводы
Натальи Горбаневской

ИЗ КНИГИ «ХРОНИКИ»

(Париж, «Институт литеpaцкий», 1987)

От переводчика:

Я стараюсь не переводить то, что уже переводилось: русского Милоша, как я уже писала (см. «Новую Польшу», 2004, №9), у нас не так много, чтобы позволять себе роскошь переводить заново. К сожалению, у меня нет антологии В.Британишского и Н.Астафьевой, так что я не могла сверить, что из книги «Хроники» раньше перевел Владимир Британишский. Уже переведя ряд стихов, я нашла на сайте «Журнального зала» небольшую подборку переводов Британишского из Милоша и обнаружила, что одно стихотворение («Родословная») я пере-перевела, а путем электронной переписки с московским

коллегой выяснила, что в антологии есть и стихотворение «Тревога-сон». Но уж раз дело сделано, решила напечатать и эти переводы. В подборке Британишского («Старое литературное обозрение», 2001, №1/277) есть еще одно стихотворение из «Хроник» — «1911 год».

Несколько переводов из сборника «Хроники» читатель может найти в единственном русском избранном Милоша — «Так мало и другие стихотворения» (М., «Вахазар», 1983): «Только это» и «Признание» (пер. М.Осмоловской), «Мария Магдалина и я» (пер. А.Гелескула), «Те голоса, которые мной говорили...» (пер. Г.Ефремова), «За Уралом» (пер. С.Свяцко). Одно стихотворение из той же книги («Из записной книжки офицера Рудольфа Грёте») в моем переводе напечатано в

Наталья Горбаневская

предыдущем номере «Новой Польши» к годовщине Варшавского восстания.

Книга «Хроники» принадлежит к тем формам или жанрам, о которых я писала в вышеупомянутой статье: стихи нередко выходят за рамки собственно стихов (тут характерен конец стихотворения «За Уралом» — верлибр сменяется драматургической прозой диалога и завершается чисто прозаической концовкой, выдержанной в духе сухого комментария, но притом трагической), перемежаются «стихотворениями в прозе» и «прозой в прозе». То, что остается стихами и написано, как правило, верлибром, нередко тяготеет к польской силлабике, вводя то еле, а то и отчетливо слышную цезуру, становясь почти или вполне белыми стихами (что замечательно получилось у Анатолия Гелескула в переводе стихотворения «Мария Магдалина и я» и что я как раз попыталась сделать в переводе «Родословной»).

Мне хотелось бы, чтобы читатель этой подборки не только прочел неизвестные ему стихотворения, но и слегка ощутил характерную для Милоша структуру книги. Я же надеюсь продолжить работу над переводом этой книги и, главное, перевести «Шесть лекций о поэзии» — поэтический вариант лекций, прочитанных Чеславом Милошем в Гарварде осенью 1982 года.

НГ

ВРЕМЯ ГОДА

В тишине безграничной моего любимого месяца
Октября (багрянец кленов, бронза дубов, на березах
Еще там и сям светло-желтый лист)
Праздновал я остановку времени.

Обширное царство мертвых начиналось повсюду:
За поворотом аллеи, за газонами парков,
Но я не обязан был входить — оттуда меня не звали.

Моторные лодки на берегу, тропинки в хвое,
Река текла в темноте, ни огня по другую сторону.

Я собирался на бал духов и чародеев,
Куда является делегация в париках и масках
И танцует неопознанной в хороводе живых.

*

О безграничный, о неисчерпаемый, о несказуемый мир форм. Как же я шел бы к тебе с философией, если ее силлогизмы взаимно опровергались, и я остался столько же умным, как был, прежде чем углубился в ее тома. Как же я шел бы к тебе с нравственностью, если это значило бы, что я вопрошаю о нравственности или безнравственности дерева или камня. Когда-то я воображал, что в старости мы размышляем над тем, что вечно, вознесено над преходящим, но вижу, что всё иначе, что все мое внимание обращено к мимолетному. На упрек, что я не умею постепенно возноситься к трансцендентности, отвечаю, как классики дзэна: мимолетное и вечное — это, быть может, две стороны одного и того же листа.

О безграничный, о неисчерпаемый, о несказуемый мир форм. Предстояло разодраться завесе, а мне тогда — познать тайну. Но поздно уже, и всё открыто или никогда не откроется. А я стараюсь день за днем избавиться от слов, которые до сих пор употреблял, и назвать то, что теперь я мыслю и чувствую — что ускользает от моих прежних слов. И кажется мне временами, что вся моя жизнь состояла в таком стремлении проникнуть по ту сторону слова, но по той же причине мои книги — всего лишь след движения вперед, или, по мне, всегда недостаточно голы. Новые упражнения в стиле, готовые окончательный вариант, который не наступит.

1985

РАЗГОВОР О СЛАВЕ

— Читали они, учили же о зрелище тщеславия.
И попусту: отнюдь их это не исцелило.
Готовы за грохот хвалы отдавать наслажденье
Кровавым бифштексом, и женским лоном, и даже
Отдачей приказов другим. Отрекаясь,
Лишь бы им остались: имя, венец, память.

— Тебе-то хорошо, ты-то этим сыт,
Лавры засушил, почести собрал,
Доброе, дурное ли скажут — а тебе все равно,
Потому что ты и так торжествуешь.

— Нет, не поэтому. Вечно, что ни день, что ни час,
Со мной недружелюбное и острое сознание.
Не оставляет ночью, истерзывает сны.
То есть я знаю столько, что лучше бы закрыть лицо.

ДОВОД

Тот, кто долго живет, размышляет о временах года,
О том, что их так много, каждый раз других.
Угадать пытается, кем он был в такой-то год и месяц,
Как тогда он видел мир и что понимал.
Особое, невозвратимое каждый раз понимание,
Хотя прибавляется разве что по одной линии, тени.
Отсюда — серьезный довод в пользу бытия Божия,
Ибо только Он способен составить перечень боли,
Смирения, блаженства, ужаса и экстаза.

МОНАРХИ

Монархи выбрали остров тюрьмой Наполеону, поделили страны и установили свой порядок, обещая взаимную вооруженную помощь против заговорщиков и бунтарей. Добывали руду и каменный уголь, строили дороги и мосты, железные дороги соединили столицы. Паровозы, извергавшие пар, пробегая по лесам с ревом и грохотом, были предметом страха и поклонения, так же, как котлы, клапаны, колеса, приводные ремни в машиностроительных цехах. Керосиновая лампа под зеленым стеклянным абажуром начала заменять свечи и лучины, по улице большого города вечером шел человек с длинным металлическим прутом и зажигал газ в фонарях. Неисправимые мечтатели призывали народы восстать против подлой тирании сильных мира сего, предержащих власть и всяческие богатства. Наступал год, когда сражались на баррикадах, но отголосок сразу утихал, и дальше тянулся век империй на всем континенте от Атлантического до Тихого океана. Каждую зиму тысячи мастерских на чердаках или в подвалах готовили бальные платья, закальваемые перед зеркалом портнихой, которая стояла на коленях с булавками во рту. Поверили в Прогресс и открыли, что человек происходит от обезьяны. Все больше развивались неизвестные предкам гуманные чувства, все выше становилось просвещение, искоренявшее предрассудки и суеверия, в библиотечных залах загорелось электричество, по дну моря укладывали кабель для разговоров между материками, право и независимые суды защищали граждан, земля шла к победе парламентов и всеобщему миру.

ПЕРВОЕ ИСПОЛНЕНИЕ (1913)

Оркестр настраивал инструменты, чтобы играть «Весну священную».
Слышите шествие свистулек, грохот барабанов и меди?
Дионис наступает, из долгого изгнания возвращается Дионис,
Кончилось царствование Галилеянина.
А Он, все бледнее, бесплотнее, луннее,
Развеивается, оставляя нам темные соборы
С цветною водой витражей и звонком к Пресуществлению.
Благородный Равви, объявлявший, что будет жить вечно
и спасет Своих друзей, пробуждая их из праха.
Дионис наступает, сияет оливковым золотом в развалинах неба.
Крик его, наслажденья земного, разносит эхо во славу смерти.

РОДОСЛОВНАЯ

*Яну Лебенштайну**

У нас наверно много общего друг с другом,
У всех, что выростали в городах барочных,
Не вопрошая, а какой король построил
Костел соседний и княжны какие жили
Вон в том дворце, как звали скульпторов и зодчих,
Откуда прибыли, чем стали знамениты.
А мы футболили под стройной колоннадой,
Носясь вдоль эркеров и мраморных ступеней.
Потом милее стали нам скамейки в темных парках,
Чем чаща ангелов лепных над головами.
А все ж мы сохранили что-то: страсть к изгибам,
Огнеподобную спираль противоречий
Да женщин ряженье в богатство драпировок,
Чтобы скелет прибавил блеску пляске смерти.

* Ян Лебенштайн — польский художник (1930-1999), с 1959 жил в Париже. Ему принадлежат, в частности, иллюстрации к Книге Иова в переводе Чеслава Милоша, а также витражи на тему Откровения Иоанна Богослова в католическом «Центре диалога», где всегда выступал Милош, приезжая в Париж, и в чьем издательстве выходили его библейские переводы. — НГ.

ТРИТОНЫ (1913-1923)

Узнаю их. Стоят на палубе
Парохода «Соггест», вошедшего в устье Енисея.
Этот чернявый, в автомобильной кожаной куртке, —
Лорис-Меликов, дипломат. Этот толстый, Востротин, —
Владелец золотых приисков и депутат Думы.
Рядом тощий блондин, мой отец. И костлявый Нансен.
Фотография висит в нашем виленском доме
На Подгорной улице, 5. Рядом с моими
Тритонами в банках. Что может случиться
За десять лет? Начало? Конец? мира.
Мой отец, времен до. Не знаю, зачем он ездил
Летом девятьсот тринадцатого в унылые пустоши
Северного сияния. Какое смещение
Времен. И мест. Я здесь, беспокойный,
Посреди калифорнийской весны: не складывается целое.
Чего я хочу? Чтоб было. Что? Чего уж нету.
Даже твои тритоны? Даже тритоны.

ТРЕВОГА-СОН
(1918)

Орша — дурная станция. В Орше поезд может простоять и сутки.
И, может быть, в Орше я, шестилетний, потерялся,
А поезд с репатриантами тронулся, оставляя меня

Навсегда. И я будто понял, что стану кем-то другим,
Другого языка поэтом, с другой судьбою.
Будто угадывал свой конец на берегах Колымы,
Где бело дно моря от человеческих черепов.
И нашла на меня тогда великая тревога,
Та, которой предстояло быть матерью всех моих тревог.

*Трепет малого перед большим**. Перед Империей.
Той, что идет и идет на запад, вооруженная луками, секретами, автоматами,
Подъезжая коляской, лупя кучера по спине,
Или джипом, в папахах, с картотекой занятых краев.
А я убегаю да убегаю, сто, триста лет,
По льду и вплавь, днем и ночью, лишь бы подальше,
Оставляя над родною рекой дырявый панцирь да сундук королевских грамот,
За Днепр, потом за Неман, за Буг, за Вислу.

Пока не добегаю до города высоких домов и длинных улиц,
И тревога меня терзает, ибо куда мне, деревенщине, до них,
Ибо я лишь притворяюсь, что понимаю, о чем они рассуждают так живо,
И стараюсь утаить от них свой стыд, свое поражение.

Кто меня накормит, когда иду на пасмурном рассвете
С мелочью в кармане, на чашку кофе, не больше?
Беженец из призрачных государств, кому ты будешь нужен?

Каменные стены, равнодушные стены, ужасающие стены.
Не моего ума порядок, а ихнего.
Теперь уж соглашайся, не дергайся. Дальше не убежишь.

* Курсивом — по-русски в тексте. — НГ

1945 ГОД

— Ты, последний польский поэт! — обнимал меня, пьяный,
Авангардист-коллега*, в длинной армейской шинели,
Что пережил войну на востоке и там всё понял.

Не мог обучить его этому ни Гийом Аполлинер,
Ни манифесты кубистов и ярмарка улиц парижских.
Против иллюзий лучше всего — голод, терпенье, смиренность.

Воображали себе. А шел двадцатый век.
Слова в их прекрасных столицах всё те же с Весны Народов.
Но не они отгадали, что же будут отныне значить.

В степи, кровоточащие ноги обматывая онучей,
Осознал он пустую гордыню высокопарной мысли.
До горизонта — земля, плоская, неискупленная.

Над всяким народом и племенем становилась серая тишь.
После звона в барочных церквях. После руки на сабле.
После диспутов о свободной воле и парламентских соображеньях.

Я только моргал глазами, смешной и мятежный,
Один с Иисусе-Марией против нерушимой силы,
Потомок стрельчатых актов, золоченых скульптур и чудес.

И я знал: говорить я буду речью побежденных,
Что не прочнее реликтов, домашних обычаев,
Елочных игрушек и раз в году забавных коляд.

* Согласно сообщению Милоша в одном из его интервью, это был Адам Важик (1905-1982), до войны один из ведущих авангардистов, последователь французского сюрреализма, в послевоенные годы он стал одним из проводников соцреализма в польской поэзии, а затем первым «ревизионистом» — автором знаменитой «Поэмы для взрослых». — НГ

**Мариан Камиль
Дзевановский**

ПОЛЬСКИЙ ПРОФЕССОР ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Леон (Лев Иосифович) ПЕТРАЖИЦКИЙ

Корни этого очерка уходят в начало моего студенчества в Варшаве и Кракове, т.е. в 1930-е годы. На юридических факультетах обоих университетов молодые преподаватели находились под влиянием психологической теории, почерпнутой из лекций недавно скончавшегося профессора Леона Петражицкого. Слушая в Кракове, в Ягеллонском университете лекции Ежи Ланде, восторженного ученика Петражицкого, я, так сказать, заразился этой теорией и стремился открыть тайну ее обаяния. Оказалось, что это вовсе не так просто. Трудности были немалые: научное творчество учителя исключительно богато и охватывает различные области: теорию и философию права, социологию, экономику, частное, торговое и международное право, а также многие другие науки, лишь косвенно связанные с юриспруденцией. Словом, я вошел в мир, который начинающему студенту нелегко было объять. Но увлечение этой необычной личностью сохранилось у меня по сей день.

Леон (Лев Иосифович) Петражицкий* родился 13 апреля 1867 г. в родительском имении Коллонтаево близ Витебска. Его отец, польский патриот, принимал активное участие в восстании 1863-1864 гг. Леон окончил гимназию в Витебске с серебряной медалью, после чего поступил в Киевский университет Святого Владимира, где сразу же выделился высоким уровнем подготовки. Еще будучи студентом-юристом, он перевел с латыни на русский «Пандекты»**, в то время читавшиеся в оригинале как обязательный текст. После этого успеха он без труда получил стипендию, чтобы продолжать юридическое образование в Берлине, где участвовал в семинаре профессора Генриха Дернбурга. Из Берлина Петражицкий вскоре перебрался в Гейдельберг и Париж,

чтобы пополнить свое образование, слушая лекции по истории и философии, но не оставляя и права. С небывалой для начинающего ученого смелостью он выступил с критикой подготовленного в то время экспертами проекта немецкого кодекса гражданского права (известного как BGB). Он считал, что проект некритически исходит из слишком догматических традиций, оставляя в стороне социологические и психологические аспекты. Молодой Петражицкий доказывал, что каждый раздел права должен опираться на эмпирический, психологический и социологический анализ человеческих мотивировок и только на основе этого анализа формулировать правовые нормы, регулирующие поступки живых существ. Как первооткрыватель в этой области, он предлагал создание нового раздела права: Трудового кодекса (Arbeitsrecht). Не будучи социалистом, Петражицкий призывал к тому, чтобы альтруизм стал одним из стимулов в этой сфере, которая должна затрагивать огромные массы трудящихся, расширяющийся слой городского пролетариата. Этот революционный для конца XIX века призыв молодого ученого вызвал оживленную дискуссию, и не только в Европе.

* Описание творчества Петражицкого можно найти в работе Ежи Лицкого «Жизнь и труды Леона Петражицкого» (Варшава, 1967, на польск. яз.). Полезным в этом может быть и вступительная статья Н.С.Тимашева к сборнику «Law and Morality: Leon Petrażycki» под редакцией Х.У.Бэбба (Кембридж, 1955).

** Труды древнеримских юристов по вопросам частного права, включающие выдержки из законов и других нормативных актов. Известны также под названием «Дигесты». — Прим. пер.

После возвращения в Россию Петражицкий с поразительной быстротой опубликовал целый ряд юридических и социологических трудов, за которые в 1897 г. снискал ученую степень и был назначен приват-доцентом Петербургского университета. Уже через год как обилие, так и уровень опубликованных им трудов побудили альма-матер отдать под его начало кафедру философии права. Он возглавлял кафедру на протяжении 20 лет.

В 1905 г., после манифеста 17 октября, Петражицкий был избран деканом юридического факультета. Хотя тогда, подражая немцам, считали, что профессор университета должен быть чопорным и смертельно серьезным, его лекции были живыми, колоритными и нередко иллюстрировались примерами, почерпнутыми из жизни. Поэтому они привлекали мыслящих людей столицы. Аудитория, в которой он читал лекции, обычно была переполнена. Большинство почитателей Петражицкого были далеки от изучения права — их привлекала его магнетическая личность***. Порой студенты протестовали против частого употребления лектором иностранных слов. Однажды раздраженный Петражицкий спросил громко протестовавшего студента: «Кто вы?» Студент отвечал: «Я студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета». — «Так ведь на семь слов вашего ответа только одно „я“ исконно русское». После чего лектор начал объяснять, что правовой лексикон по неизбежности не может обойтись без латыни.

1897-1919 гг., проведенные в Петербурге, были периодом самого интенсивного труда. Зародышем созревшей у Петражицкого психологической теории права была статья «Что такое право», опубликованная им в 1899 г. в журнале «Вестник права». В следующем году этот новый подход был развит в книге «Очерки философии права», которая вызвала оживленную дискуссию не только среди правоведов. В дискуссии приняли участие такие люди, как кн. Евгений Трубецкой, П.И.Новгородцев, М.Ю.Барановский, Максим Ковалевский и будущий советский министр юстиции М.А.Рейснер. Сущностью нового подхода стало укоренение основ права в нравственных ощущениях и этических инстинктах человека. Первоисточник того, что Петражицкий назвал «правовым импульсом», лежит в нашем этическом восприятии того, что хорошо, а что плохо, что нам надлежит или не надлежит делать как личностям и обществу, в котором мы живем. Таким образом, раз граждане обязаны соблюдать правовые нормы, установленные государственной властью, то позитивное право должно учитывать эти убеждения. Значение психологического фактора Петражицкий иллюстрировал примерами: из торгового и банковского права: вручение сберегаемых денег чужому, обычно незнакомому человеку или группе людей нельзя понять без ключевой роли доверия, то есть психологического фактора. То же самое в товарообороте: человек, продающий произведенный им продукт, хотя бы мгновение колеблется, отдать ли его покупателю, опасаясь, даст ли тот ему требуемую плату, будут ли его деньги полноценными. То же самое и с работой, выполняемой наемными работниками как физического, так и умственного труда. А разве в уважении частной собственности не играет значительной роли психологический фактор? Таким образом, глубинный источник права — человеческая психика. Нет прочных законов без соблюдения основных этических норм, то есть психологических ощущений общества. Эти предпосылки в различной степени выступают во всех разделах законодательства, начиная с частного права и кончая международным. Более глубокой трактовке своей революционной для конца XIX века теории Петражицкий посвятил целый ряд научных трудов, показывая, как захватнический эгоизм людей с помощью соответствующих правовых стимулов может быть преобразован в позитивный альтруизм.

Наряду с преподаванием и научной работой Петражицкий активно участвовал в политической жизни в качестве члена конституционно-демократической партии (т.н. партии кадетов). Круг его друзей не ограничивался поляками, такими, например, как выдающийся адвокат Александр Ледницкий****; среди его друзей были русские, евреи, армяне, грузины, литовцы, латыши и эстонцы. Когда заканчивалась несчастная война с Японией, премьер-министр С.Ю.Витте создал совещательный кабинет по мирным переговорам, которые должны были начаться в американском городе Портсмуте. В его составе был и Петражицкий. На выборах в I Государственную Думу он был избран депутатом от Петербурга. В этом первом парламенте царской империи он участвовал в трех комиссиях: правовой, аграрной и защиты депутатского иммунитета. С трибуны Думы он выступал как заступник женщин, требуя для них равноправия, а также пассивного и активного избирательного права. Одновременно Петражицкий читал лекции на Бестужевских женских курсах.

Когда царь Николай II распустил Думу, Петражицкий вместе с 200 депутатами (среди которых был и Ледницкий) нашел прибежище на территории автономной Финляндии — в июле 1906 г. они выпустили там знаменитое Выборгское воззвание. Петражицкий участвовал в этом, вполне сознавая угрозу серьезных последствий как в личном, так и в профессиональном плане. И действительно, все подписавшие Выборгское воззвание были приговорены к трехмесячному заключению и лишены права избираться в Думу.

*** О том, как Петражицкий стал «модным» в Петербурге, см. ук. соч. Н.С.Тимашева.

**** Об Александре Ледницком см. «Новую Польшу», 2002, №7/8.

Когда Петражицкий вышел после трехмесячной отсидки в крепости, студенты на первой лекции устроили любимому профессору восторженную овацию. Он, однако, запротестовал, сказав в ответ на аплодисменты: «Нельзя бахвалиться нарушением существующих правовых предписаний». Тем не менее власти продолжали ему мстить. Когда ему предложили подписать заявление о лояльности и благонамеренности, а он отказался, его сняли с поста ректора и лишили звания ординарного (штатного) профессора. Это только усилило его популярность как среди студенчества, так и в широких кругах общества. Лишь в 1913 г. сенату Петербургского университета было дозволено вновь избрать его ректором, после чего ему возвратили и звание ординарного профессора. В том же году начался процесс Менделя Бейлиса по сфабрикованному обвинению в ритуальном убийстве. Процесс этот всколыхнул не только Россию, но и весь цивилизованный мир. Петражицкий сразу стал на защиту Бейлиса и опубликовал в журнале «Право» (где был одним из редакторов) статью с разоблачением традиционной концепции «ритуального убийства».

Начало I Мировой войны серьезно помешало научной работе Петражицкого. Берлинское правительство немедленно задержало подготовленный к печати сборник его работ на немецком языке. Многие из его студентов были мобилизованы и ушли на фронт. После низложения царя Временное правительство назначило Петражицкого членом Сената, который выполнял в то время функции Верховного суда. Но он, чувствуя себя, как всегда, польским патриотом, принял приглашение своего друга Александра Ледницкого участвовать в работе Ликвидационной комиссии, созданной премьер-министром Керенским для подготовки к отделению Польши от России.

Большевистский переворот стал страшным ударом для убежденного, воинствующего либерала. Протестуя против ленинской диктатуры и навязанных российской науке условий труда, Петражицкий через Финляндию уехал в Польшу. В Варшаве его засыпали предложениями многие европейские университеты. Однако он отклонил все эти предложения, а принял приглашение сената Варшавского университета возглавить кафедру социологии. Хотя война и революция подорвали его и без того слабое здоровье, он принимал деятельное участие в работах польской Кодификационной комиссии. После 1918 г. объединяющаяся Польша унаследовала от держав-захватчиц целых пять правовых систем: на территории бывшего Царства Польского продолжал действовать несколько измененный кодекс Наполеона; в Галиции применялось австрийское законодательство, а частично даже и венгерский кодекс; в Поморье, в Познанском воеводстве и Верхней Силезии действовало немецкое законодательство; а в оставшихся за Польшей провинциях бывшей Российской империи (Западном крае) действовал российский Свод законов. Унификация этих разнородных правовых систем была подвигом, достойным Геракла. Петражицкий не уклонился и от этой кропотливой задачи. Продолжая преподавать теорию права и социологию, он занялся работой по кодификации, которую вел вплоть до своей трагической смерти (†1931).

Между тем в советской России его личность и дело были прокляты самим Лениным, который метал громы и молнии в его теорию, слишком подчеркивавшую эмоциональные факторы и недостаточно — классовую борьбу. Этот «идеалистический эмпиризм» был осужден *ex cathedra* Лениным в обширном рассуждении, которое и предопределило судьбу трудов Петражицкого не только в России, но и во всем коммунистическом лагере.

В Польше эта анафема действовала вплоть до октября 1956 года; после прихода к власти Владислава Гомулки культ Петражицкого возродился и продолжается в юридических кругах по сей день. На Запад, вплоть до Гарвардского университета, этот культ занес его выдающийся ученик, русский эмигрант Питирим Сорокин. Преподавая в Гарварде социологию, он в своих трудах уделил много места психологической теории. Когда в 1927 г. польские студенты Петражицкого отмечали 60-летие учителя и 35-летие его научной деятельности, Сорокин прислал из Америки написанный к юбилею текст, воздавая честь своему главному учителю и вдохновителю смелых, новаторских начинаний ученика в области социологии, в центре которых стоял альтруизм*****.

***** См. P.A.Sorokin, «Social and Cultural Dynamics», vol.3, New York, 1937; «Altruistic Love», Boston, 1950, а также «Exploration in Altruistic Love and Behavior», New York, 1971.

Сократ Старынкевич

МОЙ ДНЕВНИК На службе

Памятник
генералу Старынкевичу
в Варшаве

1887

В январе беспокойство об экзаменах Мити ^{1*} в Киевском Университете. Представление о продлении водопроводно-канализационных работ². Вся тайна в том, вечна ли вселенная или имеет происхождение и конец? Тоска томительная. Но если это нужно. Тут и утешение. Хорошие отношения с Гурко³.

15 марта. Выехал в Петербург с Митей. Упреки Плеве⁴ в том, что разоряю Варшаву.

1 апреля. Возвратился из Петербурга.

14-го [апреля]. Дал Мите 2200 руб. Придирки по сметам на водопроводные и канализационные работы и по составлению плана города.

19-го мая. Разрешение о водоснабжении и канализации состоялось в Комитете Министров.

20-го [мая]. Выехал из Петербурга.

20-го июля. Приехал Соколов⁵ для осмотра водопроводно-канализационных работ.

7-го августа. В Сувалках у Леонида Сергеевича⁶, чтобы осмотреть затмение солнца.

16-го сентября. Познакомился с Маковским, которого рекомендует на место начальника военного отделения Зентковский⁷.

19-го [сентября]. Начало знакомства с Свистуновым⁸. Поставлена на частные средства Завиши, Гурского и др. новая колонна памятника Сигизмунду⁹.

26-го ноября. Костя¹⁰ уехал, пробывши у меня три недели. Мучит меня его положение. Мучат заботы о сосуне и водопроводе. Тяжелые переговоры и переписка с Костенецким¹¹.

1888

9-го января. На текущие домашние расходы не хватает денег. Даю из капитала, а как не станет?

13-го [января]. Решил внести свои деньги на неудачно купленную землечерпальницу, хотя бы понадобилось и 20 тысяч рублей, вследствие упрека, сделанного генерал-губернатором.

15-го [января]. Получил 750 руб. процентов от акции учетного банка.

6-го марта. Костя выехал в Петербург. Гротовский¹² переходит к Линдлею¹³.

10-го [марта]. Хотелось бы правды. Совсем другая была бы жизнь. Кто же лжет? Одни лгут с умыслом, другие бессознательно: лгут, чтобы утешить или потешить, чтобы приобрести от людей добрые чувства к себе или материальные выгоды; настоящая жизнь совсем исчезает, заменяется фиктивной.

12-го [марта]. Сильно огорчает меня смертельная болезнь Стан[ислава] Стан[иславовича] Яницкого¹⁴: добрый, умный, полезный человек.

11-го апреля. Весть о кончине доброго друга моего Алекс[андра] Онис[имовича] Дзбановского. Мучит газетная полемика о таксе на воду. Радожковский приходил по вечерам на винт, играет хорошо и приятно.

* Примечания см. в конце текста. — *Ред.*

27-го [апреля]. Ездил в Шепетовку и Антониевку к Потоцкому за покупкой лошади для Кости. Газетные статьи по поводу предположения о продлении Маршалковской через Сакс[онский] Сад¹⁵. Канцелярство и сентиментальность в борьбе с жизнью.

5-го мая. Заседание экспертов под моим председательством по поводу статьи Вейнберга¹⁶ о негодности для питья воды из Вислы и о возможности найти ключевую. Все высказывались против Вейнберга.

27-го [мая]. Приехали Митя и Леля с Костей и Павлуша¹⁷. Занятия в Комиссии о заготовлении продовольствия для Варшавы на случай осады, под председательством Свистунова идут так, что ни к чему не приведут.

1-го июня. Внес в кассу (городскую) собственных 600 рублей на квартиру для межевого отделения вследствие отказа в разрешении на их отпуск. Рассердило меня переименование Варшавских улиц на русский лад.

6-го [июня]. Получил в золоченой рамке диплом на звание почетного члена Общества поощрения художеств¹⁸ и тотчас послал справиться: сколько он стоил Обществу — 200 руб.

7-го [июня]. Осмотр фильтров вел. кн. Михаилом Николаевичем¹⁹. Любезный отзыв его. Благодарил его за перевод Кости.

15-го [июня]. Взял из капитала 1200 руб. на покупку янычара²⁰ для Кости, 100 руб. для уплаты кучеру гр[афа] Берга²¹, 200 руб. для внесения в Общество Поощрения Художеств, 900 руб. для Танички²² и Маши²³ для поездки в Рейнерц, осталось 38 акций учетного банка.

19-го [июня]. Приезд в Варшаву вел. кн. Владимира Александровича с вел. кн. Марией Павловной²⁴ и раут в Замке.

20-го [июня]. Был у принца Ольденбургского²⁵ и устроил им посещение лаборатории Буйвида²⁶.

10-го сентября. Начал лечение у Бауэрэрца²⁷ электричеством. Надоедают новые статьи Рудницкого в жидовском еженедельном обозрении²⁸; надо возражать, ничего не помогает и все врет. Повреждение в канале А²⁹ случайное, вызывает опасение и упреки Гурки, мучает меня.

16-го [сентября]. Приехал Митя. Обед у вел. кн. Екатерины Михайловны³⁰ в Бельведере; меня посадили возле принцессы Елены Георгиевны³¹, мило разговаривавшей со мной. После обеда Вел. Княгиня пожелала говорить со мной и усадила меня на диван; но разговор, после первых ее комплиментов, сконфузивших меня, не пошел на лад, и я сделал поразительную неловкость — встал с дивана и отошел; что делать? Не гожусь ко двору.

24-го [сентября]. Полиция жалуется Мировому Судье на городского инженера, служащего у Линдлея, Косковского³², за такие действия, которые он исполняет по распоряжению начальства; мировой судья приговаривает его к штрафу в 25 руб., и я плачу за него.

15-го октября. Смерть доброго Давидовского. Дал вдове из своих денег 100 руб.

ЗА ЧТО МЫ ЕГО ЛЮБИЛИ?

Все варшавяне отлично знают, где находится площадь Старынкевича, а часть из них наверное вспомнит, что когда-то он был президентом города. Однако немногие сознают, что этот высокий чиновник, уже лет сто окруженный у нас уважением, был русским генералом, что похоронен он на православном кладбище в варшавском районе Воля, а благодарные варшавяне поставили ему в 1907 г. на территории фильтровальной станции памятник-бюст работы Яны Войдыги (разрушенный во время Варшавского восстания памятник был реконструирован в 1991 г. и установлен на прежнем месте).

Историки и публицисты посвятили ему и его достижениям немало статей в научных и популярных журналах — начиная с «Тыгодника иллюстрированного» [«Иллюстрированного еженедельника»] за 1884, 1892 и 1893 гг. вплоть до «Столицы» (1960, 1962) и «Тыгодника повсехного» (1996). (Полную библиографию приводит С. Конарский, автор биографии С. Старынкевича в Польском биографическом словаре. Авторы статьи выражают ему благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с подготовленной к печати машинописью.)

Сократ Иванович Старынкевич (1820-1902) родился в Таганроге — за сорок лет до самого знаменитого таганрожца А.П. Чехова — в семье директора местной классической гимназии, преподавателя греческого и латыни. Он был старшим из десяти детей. В середине 1830-х семья получила от императора Николая I дворянство, что позволило Сократу учиться в Благородном пансионе при Московском университете, а затем в высшем артиллерийском училище. Окончив

его в 1841 г. в чине подпоручика, он остался в армии, принимал участие в подавлении венгерской революции в 1849 г., затем в Крымской войне (участвовал в обороне Севастополя), закончив войну в чине подполковника. В 1863 г., получив генеральский чин, вышел в отставку и перешел на гражданскую службу: принял предложение новороссийского генерал-губернатора П.Е.Коцебу и стал начальником его канцелярии. В 1868-1871 гг. был херсонским губернатором, с этого поста ушел сам под предлогом плохого состояния здоровья и перешел на пенсию. Это не помешало ему взять на себя управление огромными имениями князя А.Н.Демидова-Сан-Донато, расположенными в Подольской и Киевской губерниях. В 1875 г. П.Е.Коцебу, в то время варшавский генерал-губернатор, уговорил его занять должность президента города Варшавы. Старынкевич не колеблясь принял предложение и 1 декабря того же года прибыл в столицу Царства Польского. Он оставался связанным с ней больше четверти века, до самой смерти, в том числе почти 12 лет в должности президента.

Эти годы не были легкими для поляков в составе Российской Империи: в 1883 г. А.Е.Коцебу сменил генерал И.В.Гурко, который оставил по себе не лучшую память, а должность куратора Варшавского учебного округа занял генерал А.Л.Апухтин, знаменитый своей ненавистью к полякам и проведением в жизнь предписаний русификации. Лучше всего атмосферу тех лет передал Стефан Жеромский в повести «Сизифов труд» и своем «Дневнике».

Сократ Иванович с самого начала старался не вмешиваться в политику, а заниматься хозяйственными делами: город нуждался в радикальных реформах. Трудно поверить, как ему удавалось сохранять равновесие, поддерживать — до времени — сравнительно бесконфликтные отношения с Гурко и окружавшими того подхалимами, проводя в жизнь такие существенные для развития города планы.

20-го [октября]. Благодарственный молебен за спасение Царской семьи³³; вероятно, опасность была серьезной. Выражение верноподданнических чувств гражданами. Гурко сказал депутации, что если в их сердцах и нет истинных чувств, то собственные выгоды должны их побуждать держаться русского правительства; конечно, очень обиделись.

5-го ноября. Жалобы 1000 домовладельцев в Министерство на новую таксу за воду: понимают только денежные выгоды, гигиенических не умеют еще оценить и думают о себе, но не о своих жильцах.

10-го [ноября] Таня и Маша протестуют против внесения в гор[одскую] кассу денег на землечерпательницу, говоря, что деньги обещаны Маше. Протест домовладельцев против правил о канализации домов. Генерал-губернатор, по заявлению гр[афа] Крассинского³⁴, желает придти им на помощь. Когда увидят и поймут дело, обойдется и без помощи.

12-го [ноября]. Внес в кассу все свои акции за землечерпательницу.

16-го [ноября]. Геман³⁵, купивший землечерпательницу и наделавший много других глупостей, оставляет службу у Линдлея; все-таки жаль его — уехал.

2-го декабря. В Городском Кредитном Обществе³⁶ поднят вопрос о правилах для канализации домов; выходят из пределов своего круга действий; это маленькая революция по причине отсутствия самоуправления. Блюх³⁷ входит в дело.

23-го [декабря]. Думаю о необходимости для водопроводов третьих машин, осадочных бассейнов, резервуара с давлением в городе.

24-го [декабря]. Записка Анкевича³⁸ против канализации домов, совсем не знает и не понимает дела.

1889

19-го января. Известие о смерти Рудольфа³⁹, наследника австрийского престола, живо сочувствую горю Франца-Иосифа.

25-го [января]. Первое знакомство с Мощицким⁴⁰; Кацнельсон советует взять его на пробу в должность старшего инженера. Купил картину Айвазовского; скоро совсем не останется занятых денег, издержал 750 руб. Давно мучит меня кашель; грудь болит.

3-го марта. Отзыв Клейгельса⁴¹ об опасениях разлива Вислы от выбрасываемого в нее снега.

16-го [марта]. Линдлей заявил на заседании Комитета, что принимает на свой счет исправление канала А на малом пространстве, хотя и не было вины в его обрушении⁴².

26-го [марта]. Записка Блюха о канализации⁴³. Полная вздора и лжи. Ловля на словах на 109 страницах печатных и литографированных; интриги, глупые и злые газетные статьи, все плоды мелкого самолюбия расстраивают меня. Танечка с Машей составляют свой особый мир.

2-го апреля. Порадовало меня учреждение общества попечения над городскими плантациями, под председательством дельного и доброго Юркевича⁴⁴.

12-го [апреля]. Думаю об устройстве народных ванн и послал письмо с вопросами по этому предмету доктору Ляссеру⁴⁵ в Берлин. По делу канализации домов все против меня, в том числе и Зентковский. Одни только врачи-санитары поддерживают мои стремления.

19-го [апреля]. У меня в квартире большое заседание домовладельцев, врачей и техников для совещания по этому предмету. Я сделал большие уступки, которые со временем практика покажет ненужными.

5-го мая. Заседание канализационного Комитета⁴⁶ с Блохом для установления правил канализации домов. Видя, что большинство не на его стороне, он нахально не допустил голосования. Вышла из печати глупая его брошюра о канализации, которой он со временем будет стыдиться.

9-го [мая]. Клеветы и доносы Генерал-Губернатору о повреждениях в каналах и делаемых будто-бы тайно исправлениях. Окончательное заседание по делу канализации домов и общее соглашение.

15-го [мая]. Торжественная встреча Персидского Шаха⁴⁷.

16-го [мая]. Шах, на выставке изделий женского труда⁴⁸, не стеснясь публикой, проявляет свое сладострастие, ошупывая на кукле корсет, потом пьет что-то из золотого чайника через горлышко. Гурко, с детской искренностью выражает удовольствие от получения подарка⁴⁹.

22-го [мая]. Родилась дочь у милого моего Кости. Начеты контрольной палаты по расходам на водопроводные и канализационные работы. Свидетельствующие только о совершенном непонимании дела.

25-го [мая]. Посещение Шахом фильтров. Тан[ичка] и Маша сидели с ним на балконе, где он ел клубнику.

26-го [мая]. Повез Шаху альбом фотографий, но не был принят, он был занят фокусами Дуткевича⁵⁰. Гулянье в саксонском саду для Шаха. Распоряжается устройством электрического освещения большой Дзевульской⁵¹; — страшно мне за него.

27-го [мая]. Шах уехал, слава Богу. Я поздравил измучившегося Гурку. Показывал фильтры Мих[аилу] Арс[еньевичу] Росинскому. Сбор платы за гулянье в саду 1146 руб. не покрыл расходов на освещение.

30-го [мая]. Окончил редакцию правил канализации домов и дал печатать. Я был у Гурко: он согласился на поставку 3-й машины и устройство канала на Иерусалимской. Претензии домовладельцев за наводнения в подвалах при проливном дожде — новое мое мучение.

12-го июня. Сильно беспокоит меня кашель Маши.

29-го [июня]. Фаянс⁵² и Брут купили землечерпательницу за пол цены. Распорядившись продажей своих акций, я внес столько же и поручил Жилинскому⁵³ исчислить расходы не только на покупку машины, но и на все испытания ее и на проценты с затраченного капитала, чтобы городу не было от этого дела ни малейшего убытка. Когда все пополнию, донесу генерал-губернатору.

Ознакомившись с состоянием гигиены в городе, Старынкевич считал главной задачей постройку водопроводно-канализационной сети. Он занялся этим лично, едва вступив на пост, и занимался даже после отставки, уже как постороннее лицо. На рубеже 1875-1876 гг. он побывал во Франкфурте-на-Майне, чтобы ознакомиться с местной системой канализации и установить контакт с ее проектировщиком и строителем, английским инженером Вильямом Линдлеем. После этого, в марте 1876 г., варшавские городские власти заказали В.Линдлею проект водопроводно-канализационной сети, который должен был осуществляться под его же руководством. Проект на двух языках — по-польски и по-русски — был напечатан с предисловием С.Старынкевича и в апреле 1879 г. разослан в редакции газет и журналов, а также наиболее заинтересованным и пользующимся уважением лицам.

И тут в печати, и не только в печати, поднялся невероятный крик: проект Линдлея, поддержанный президентом, подвергся нападкам с нескольких сторон. Финансисты во главе с Яном Блохом утверждали, что городу не справиться с такой дорогостоящей постройкой. Домовладельцы протестовали, так как на них ложились расходы по проведению воды и канализации в их дома. Редакции «Пшеглэнда техничного» [«Технического обзора»] и «Пшеглэнда тыгоднёвого» [«Еженедельного обзора»], с которыми сотрудничали авторы другого, отвергнутого проекта канализации города, стремились дискредитировать сам проект. В Петербурге противились предусмотренным расходам из государственного бюджета. С.Старынкевич многократно отвечал на статьи в периодике, встречался с противниками, спорил, используя все свое умение убеждать и перетягивать на свою сторону. В 1880 г. прошли три встречи с сыном проектировщика Вильямом Герлайном Линдлеем, которого отец поставил во главе строительства. На стороне президента выступили прежде всего все известные варшавские врачи.

Большую часть суммы, необходимой на канализацию Варшавы, дали выпущенные городские облигации, часть была получена от строительных займов, на что император Александр III выразил согласие в апреле 1881 года. В июле был подписан договор между магистратом и В.Г.Линдлесем. В работах участвовали также два его младших брата, Иосиф и Роберт, и несколько польских инженеров. Важную роль сыграл также созданный и возглавленный Старынкевичем общественный Комитет строительства канализации и водопровода, обычно называемый Канализационным комитетом. Серьезным достижением комитета было решение занять на производстве работ польских инженеров и рабочих и закупить строительные материалы в Царстве Польском. Как известно, сеть водопровода и канализации, построенной по инициативе Старынкевича братьями Линдлеями, мы пользуемся до сих пор.

Президент занимался не только этим делом, хотя и несомненно первостепенным. Он интересовался также перестройкой города, расширением улиц, развитием транспортных артерий, строительством торговых рядов и нового кладбища в районе Брудно, наконец, парками и вообще озеленением, поддерживал всяческие общественные начинания, создание комитетов и обществ, например общества попечения над городскими плантациями. В эпоху борьбы с польским духом и языком и гонений на римско-католическую Церковь он сумел получить согласие на участие в финансировании собора Св. Апостола Иоанна и костела Св. Анны и даже на строительство костела Всех Святых в районе Гжибув. Поддерживал развитие искусства, в частности Общество поощрения художеств («Захенту»). Старынкевич придавал большое значение развитию благотворительных учреждений. Наконец, будучи чиновником либеральных взглядов, он долго, но безуспешно добивался создания органов местного самоуправления. Поняв, что его самостоятельность ограничивают, он подал в отставку.

31-го [июня]. Мне сильно нездоровится. Лечусь у Баурерца и Маркевича⁵⁴.

4-го августа. Приехал Митя; здоровье его плохо. Дал ему 200 руб.

28-го [августа]. Митя уехал.

1-го сентября. Резкое объяснение с Гурко. Упрекает меня за исполнение работ до получения разрешения и за мои пререкания с Клейгельсом.

2-го [сентября]. Я был у Гурки с прошением об отставке, но не подал его. Медем⁵⁵ сказал мне, что на мое место имеется в виду плоцкий губернатор Миллер⁵⁶.

17-го [сентября]. Гурко прислал мне 1435 руб. по начету Контрольной Палаты за выдачу, согласно исходатайствованному мною разрешению его, разъездных денег Линдлею и Геману. Начет не основательный и присылка мне денег — детское выражение упрека и геройства.

19-го [сентября]. Отнес ему письмо и деньги; объяснил дело.

26-го [сентября]. Гурко выехал в Биарриц.

5-го ноября. Я выехал в Петербург на 500-летний юбилей артиллерии.

8-го [ноября]. Празднование юбилея в кронверке крепости.

9-го [ноября]. Прием Великим Князем в кронверке депутатов. Все кукольная комедия. В 5½ часов обед в Дворянском Соборании. Начинаю ходатайство о новом займе для продолжения водопроводных и канализационных работ. В Мин[истерстве] Вн[утренних] Д[ел] обещаю содействие; Вышнеградский⁵⁷ возражает; стараюсь подействовать на него через Лясного. Прошу об утверждении правил канализации домов. Прошу министра гос[ударственных] им[уществ] Островского⁵⁸ о разрешении продавать майорат по частям; — обещает. Чувствую себя счастливым в семьях Кости и Мити.

25-го [ноября]. Печальная весть о смерти Лясного. С помощью Минина устранен начет на выдачу разъездных денег помощникам Линдлея.

4-го декабря. Приступил к представлению о разрешении 4-й серии водопроводных и канализационных работ со введением фактического контроля.

7-го [декабря] Приехал Жибер⁵⁹ для ревизии работ. Настроен по недоверию генерал-губернатором и его канцелярией. Невыносимо тяжела служба. Мучусь над объяснением по неправильной постройке Геманом каналов на Зеленой площади.

18-го [декабря]. Все глубже вхожу в существенное значение жизни, полней предаюсь Божьей воле и нахожу успокоение.

26-го [декабря]. Сильная лихорадка; температура 40°. Лежу. Говорят инфлуэнца.

1892

1-го января. Встретил меня новый год больным и в халате и с тоской на душе. Были у меня Павлов⁶⁰ и Свистунов; приятно беседовал с ними. Павлов советует мне хлопотать о назначении меня

Сенатором. Разумеется, не хочу; никогда не хлопотал о себе. По его мнению, если приглядеться хорошенько, то роз нет на свете; всё только шипы, а я вижу и прекрасные розы. Ночью чудилось, что вальсирую со смертью.

4-го [января]. Медем сказал мне, что оставляет службу. Сомневаюсь.

7-го [января]. Гурко решил передать мне председательство на Городском совете: хочется это Медему для спасения Вараксина, которого не любят Андреев. Здоровье мое лучше, оделся.

12-го [января]. Получил письмо Болковского с формальным предложением принять на себя председательство на Городском совете общ[ественного] призр[ения] с тем, чтобы назначен был мне помощник. Я отвечал, что в помощнике ни в каком случае не нуждаюсь.

15-го [января]. В первый раз вышел из дома после болезни с разрешения Барановского и Маркевича. Первые искусственные зубы с пружинкой мешают мне говорить — стоят 40 руб.

17-го [января]. Получил неожиданные письма Министра го-с[ударственных] им[уществ] Островского и Гурки с предложением мне аренды с увеличением до 2 тыс. рублей!

18-го [января]. Панихида по Вел. кн. Константине Николаевиче⁶¹.

21-го [января]. Обедал у Гурки для Медемов с трогательными до слез речами.

25-го [января]. Я сделал распоряжение об устройстве городской фабрики бетона. Прощался с милым другом Леонидом Сергеевичем Стамеровым — навсегда!

26-го [января]. Гурко говорил мне после обеда о назначении мне помощника с жалованием по 5 тыс. рублей, на мое возражение, что жаль тратить на это без нужды городские деньги, отвечал: «Вы все думаете только о себе, не думаете о своих преемниках».

27-го [января]. Митя собирается в Колпино⁶². — Обыкновенные городские доходы возросли до 3 мил. 230 тыс.; т.е. удвоились с 1875 года.

22-го [sic! января]. Я заявил Гурко, что другого помощника, кроме Зентковского, не возьму себе. Он предлагал мне Стычаковского⁶³, у которого не нахожу ни знания, ни способностей, ни даже бескорыстия.

14-го февраля. Пошел с представлением об утверждении новой таксы на воду.

18-го [февраля]. Митя уехал в Колпино.

23-го [февраля]. Умер страдалец Гудовский⁶⁴, всегда дружелюбно относившийся ко мне, честный, рассудительный человек, в своей должности директора театров увлекшийся на старость погубившим его сладострастьем.

24-го [февраля]. Письмо дорогого Мити: слава Богу, доволен местом в Колпине.

26-го [февраля]. В Ежедневном Курьере напечатано заявление комиссии гр. Красинского по проекту набережной Деворса⁶⁵ и особое мнение Мошинского — довольно бестолковое.

27-го [февраля]. Свистунов не в ладах с Гуркой.

Сократ Иванович был человеком редкостной порядочности: щедро одарял все вышеупомянутые учреждения, много лет опекал несколько остро нуждавшихся семей; когда в городской казне обнаружилась недостача из-за необдуманных закупок, покрыл ее из своего кармана. И по сей день мало найдется в истории нашего города чиновников, которые, как этот царский генерал, оставили свою должность не только окруженные всеобщей любовью, но и беднее, чем когда ее заняли...

Потому-то в прощальной статье Юзефа Кёнига (многолетнего редактора «Газеты варшавской», решительная поддержка которой оказала влияние на принятие проекта Линдлея), появившейся в «Тыгоднике иллюстрированом» (1892, №144), мы находим не только слова уважения и признательности к уходящему президенту, но и предельно сжатый этический кодекс государственного чиновника — который он так превосходно воплощал в жизнь:

«Генерал Старынкевич уходит с поста президента Варшавы. Так называемой популярности он никогда не добивался. Доступный всем, доказывающий своим подчиненным, что чиновник — это слуга общества; поддерживавший это поучение не словом только, но и делом; аккуратно исполнявший необходимые светские обязанности, но старавшийся справиться с ними как можно быстрее, президент наш вел жизнь довольно замкнутую, отданную главным образом работе, недостатка в которой никогда не было».

Об этих его чертах лучше всего свидетельствуют публикуемые фрагменты его дневника лет службы, который он вел с 1887 по 1897 год. Дочь одного из сыновей С. Старынкевича Иоанна Дмитриевна Хлопина перепечатала эту рукопись и разослала его потомкам. Один экземпляр сохранился в Париже у правнучки Элизабет Милле-Старынкевич, и от нее Адам Солтын получил и привез в Исторический музей города Варшавы ксерокопию, дав согласие на публикацию фрагментов в «Новой Польше». Вскоре должен выйти полный текст дневника в польском переводе Рене Сливовского.

Дневник позволяет лучше узнать президента и человека: его обширный круг интересов, в том числе интерес к науке и философии, его отношение к родным и сотрудникам, домашние трудности и трагедии (смерть сына Павлуши от туберкулеза), непонимание, которое он встречал у жены и дочери Марии, жившими с ним, его одиночество несмотря на большую семью и множество друзей и знакомых, нежность к официальным приемам и празднествам, глубокую религиозность и чувство собственного достоинства, чести превыше всего. Он позволяет также развеять несколько расхожих мифов: Сократ Старынкевич не был ополячившимся русским, как считали некоторые, — он был русским патриотом с либеральными убеждениями, ценил поляков, среди которых прошла значительная часть его жизни, однако так же критически, как к русским нигилистам и революционерам, относился он и к польским студентам, вышедшим на демонстрации, к молодежным чаяниям независимости. Но уж если надо было, он использовал свое влияние, чтобы вытащить их из тюрьмы. Осуждал русификацию как проявление глупости и бесчестия. В то же время дневник, написанный в согласии с характером его автора до крайности лаконично, лишь изредка снабженный какими-то комментариями, позволяет доказать, что все, написанное до сих пор о нем, — отнюдь не «симпатичная легенда», как считает, например, Р.Желиговский, но находит подтверждение в записях автора — человека неслыханно скромного, трудолюбивого и порядочного, неспособного, как справедливо подчеркивает Адам Солтан, на саморекламу.

*Анна Брус,
Виктория Сливовская*

28-го [февраля]. Слухи о назначении Медема помощником генерал-губернатора; с Гуркой делает всякий то, что хочет.

12-го марта. Решено уступить городу участок Мокотовского поля, за деньги под осадочные бассейны⁶⁶.

16-го [марта]. Рудницкий пересоставляет каталог книг моей библиотеки. Приехал Геня — симпатичный, но, повидимому недостаточно развитый.

26-го [марта]. Уехала семья Мити в Колпино. Выписал «Constitution de l'espace céleste» [«Строение небесного пространства»] Hirna⁶⁷ по рекомендации Кости. Мучат меня задержки со стороны Строит[ельного] ком[итета] распоряжений по приготовлению к работам.

30-го [марта]. Был у меня Андреев для сообщения мне своего дурного мнения о Варанкине.

1-го апреля. На вербной и страстной неделе беспокоит меня состояние здоровья Маши: у нее кашель и лихорадка. Занимаюсь с мировым судьей Савиновым устройством следственной тюрьмы.

5-го [апреля]. Пасха православная и католическая.

9-го [апреля]. У меня был Таганцев⁶⁸, приехавший для осмотра земледельческой колонии для малолетних преступников. Предложил ему посмотреть канал при Европейской гостинице, где он остановился с женой.

17-го [апреля]. Был у ген[ерал] губ[ернатор]а, чтобы сказать, что мне необходимо ехать в Петербург для ходатайства об оставлении за городом права взимания рогаткового сбора на железных дорогах, которого предполагают лишить по предложению Витте⁶⁹, и о разрешении больничного налога на слуг и рабочих. Гурко согласился.

21-го [апреля]. Заболел бронхитом.

24-го [апреля]. Получил от Венде⁷⁰ «Constitution de l'espace céleste» Hirna по рекомендации Кости.

28-го [апреля]. Говорил с Галкиным-Враским⁷¹ об устройстве ареста при мировом суде. Застал у него сына Гурки⁷², который уверял, что городское управление Варшавы постоянно ограничивает свои расходы на полицию!!

30-го [апреля]. Выехал в Петербург. Провожавшие меня Таничка, Маша и Пронашко⁷³ вошли в вагон и не успели выйти, поехали неожиданно со мной до Воломина.

8-го мая. Был у Дурного [sic!]⁷⁴: поручил мне прочесть документ об усилении расходов на полицию и, если найду нужным сделать возражения, подать ему о том записку. Был у Вел. кн. Михаила Николаевича: любезно спрашивал меня о Косте и сказал мне, между прочим, что не любит заниматься гражданскими делами. Виделся с Серг[еем] Сем[еновичем] Корнаковым и Алекс[андром] Петр[овичем] Богуславским; обедал у Дм[итрия] Серг[еевича] Мордвинова; ни в ком из них перемен не нашел. Все дружески ко мне относятся.

10-го [мая]. Ездил к милому моему Мите в Колпино: благодаря Бога, все здоровы, живут очень скромно, но хорошо, и я хорошо чувствовал себя у них, но простудило дорогой.

11-го [мая]. Был в Департ[аменте] окл[адных] сборов для справки по делу о квартирном сборе с промышленников. Слободчиков совсем еще не знает дел. Был в Департаменте полиции; Директора Департ[амента] Дурного [sic!]⁷⁵ не застал. Принял меня вице-директор Сабуров⁷⁶ и дал мне экземпляр печатного представления в Гос[ударственный] Совет о дополнительном штате варшавской полиции. Прочитав его, я пришел в ужас: городских доходов показано на 1½ м[иллиона] руб. больше, чем город имеет их в действительности; расходов на полицию на 10 тыс. руб. меньше; процент расходов на полицию исчислен 15%, а в самом деле составляет больше 25%. Я тут же заявил, что если с такой фальшью проходят дела через Гос[ударственный] Совет, то я считаю невозможным служить. Сабуров сказал мне, что когда в представлении ген[ерал]-губ[ернато]ра не оказалось необходимых данных для составления заметки в Гос[ударственный] Совет, то об этом надо было доложить министру, и он потребовал от Гурки предварительного рассмотрения дела в Магистрате и сообщения недостающих данных; но Гурко отвечал, что рассмотрение дела в Магистрате не признает нужным, и тогда Департамент полиции вынужден был довольствоваться теми сведениями, которые доставила ему варшавская полиция. Теперь представление Министра утверждено уже Государем, согласно с мнением Гос[ударственного] Совета. — После этого я твердо решил выйти в отставку.

12-го [мая]. Был я у Плеве и сказал ему о полученных в Департаменте полиции сведениях и о решении своем. Он нашел, что побуждает меня оставить службу только оскорбленное самолюбие! Приехал в Петербург Клейгельс и был у меня. Я не сказал ему ничего, ни о решении своем оставить службу, ни о созданных им поводах к этому.

14-го [мая]. Был у Дурного и подал ему подробную записку о неверности сведений в его представлении в Гос[ударственный] Совет об усилении штатов варшавской полиции, причем сказал, что эта записка моя показывает, что я решил выйти в отставку, так как о том, что подал ее Министру, должен буду сказать Гурко и, после того, само собою разумеется, не могу продолжать служить под его начальством. Он посоветовал мне не огорчаться и не говорить Гурко о поданной записке, но я отвечал, что поступить так не признаю возможным. «Ну, как хотите!» — Обедал в Английском Клубе с Мордвиновым и встретился там с Распом, который советовался со мной насчет некоторых статей рассматривавшегося тогда в Государственном Совете нового городского положения. Между прочим, я объяснил ему необходимость поручения председательства в Думе особому лицу, не Городскому Голове.

16-го [мая]. Выехал в Варшаву. Костя поехал со мной.

17-го [мая]. В воскресенье встретили меня Тан[ичка] и магистратские чиновники. Сказал Пронашко, чтобы немедленно подготовил мне к подписи прошение об увольнении от службы, так как при тех обстоятельствах, в каких нахожусь, я не в состоянии исполнять должность Президента.

18-го [мая]. Вступил в исполнение должности.

19-го [мая]. Был у меня князь Любомирский, Воловский⁷⁷, Барановский, Дейке, Вернандер — с трогательными просьбами не выходить в отставку.

20-го [мая]. Был у Гурко. О поданном мною прошении об увольнении со службы он еще не знал; очень удивился и, по видимому, огорчился, когда я ему это сказал. Я прочел ему копию поданной мною министру записки, и он все твердил, что этих цифр не может знать и за верность их отвечает канцелярия, на что я возражал, что его ведь лично я ни в чем не обвиняю. — У меня был Свистунов; одобряет мой поступок слишком горячо: называет меня героем! Был с заявлением искреннего сожаления Олендский⁷⁸; потом приходил Божовский и старается выгородить Гурко. Приходил выразить сердечное сочувствие Зентковский.

30-го [мая]. После заседания Строительного комитета члены выразили мне очень тепло просьбу, чтобы не оставял своей должности. Явились ко мне все представители цехов с подобными же просьбами.

2-го июня. Начал читать книжку материалов Fauvelle'a⁷⁹.

3-го [июня]. Медем сказал мне, что Гурко, согласно с желанием Марии Андреевны⁸⁰, прочит на мое место Бибикова⁸¹, придавая ему в помощники Зентковского.

5-го [июня] Медем предупредил меня, что завтра пригласит меня к себе Гурко, чтобы спросить меня об окончательном моем решении. Ходил с Таничкой осматривать картины.

6-го [июня]. Был у Медема, чтобы сказать ему, что приглашения от Гурки не получил, к удивлению моему узнал, что Медем-то и передал приглашение быть у Гурки в 6½ часов. Явился в этот час и на вопрос: окончательно ли я решил выйти в отставку, отвечал, что в мое решение никакие личные соображения не входили, а взгляд мой на дело остается тем же и не может измениться; но мне говорили, что он думает, что я оттого только оставляю службу, что не могу с ним служить, и это мне больно: больно также причинять огорчения сослуживцам и варшавским гражданам, которые меня просят не оставлять места президента; — поэтому, если ему угодно возвратить мое прошение, то я приму его и останусь на службе. На это он отвечал мне напыщенно, что для него существует только президент; никакие личности не существуют; он стоит неизмеримо выше их; затем спросил, не пожелаю ли взять свое прошение назад. Я отвечал, что не имею достаточного повода к выражению такого желания. Тем разговор и кончился. Мне объяснилось, что я был введен в заблуждение насчет его отношения к делу.

13-го [июня]. Получил известие, что отношение к министру о моей отставке подписано; Гурко просит о назначении мне из городской кассы пенсии в 5 тыс. руб.

14-го [июня]. Был у меня Собанский⁸² для выражения огорчения моей отставкой.

17-го [июня]. Заказал себе штатское платье.

19-го [июня]. Получил известие о сделанном генерал-губернатором сношении с министром финансов о возвращении мне 17 тыс. внесенных мной в пополнение растраты в сберегательной кассе.

26-го [июня]. В заседании Строительного комитета принято мое предложение о снабжении Праги из городского водопровода.

30-го [июня]. Приехал мой милый Костя.

1-го июля. Выписал сочинения Гирна.

3-го [июля]. Заседание в Общ[ественном] Призр[ении]⁸³ для обсуждения мер против холеры. Вечером заседание у Клейгельса. Требуют принятия городом мер в пригородах, не соображая, что для этого нужно пригороды подчинить городским властям. Я спорил против Андреева, Чаусова и Троицкого⁸⁴; но им не слышен голос выходящего в отставку.

6-го [июля]. Гурко одобрил предложение о предоставлении Магистрату забот о пригородах.

9-го [июля]. Гурко, без сношения со мною, телеграфировал министру вн[утренних] д[ел] об отпуске из городских сумм 50 тыс. руб. на меры против холеры.

10-го [июля]. Скучное, потому что нетолковое заседание у Медема о мерах против холеры. Послал Линдлею чертежи моста для проекта о продолжении водопроводных труб на Прагу. Изготовили представление о сооружении крытого помещения для рынка на месте бывших Мировских казарм (85), что меня очень занимает.

14-го [июля]. Костя уехал. Читаю брошюры Гирна против кинетических теорий⁸⁶. Надоедает глупая полемика с недобросовестным Рудницким⁸⁷. Как статьям его в польском, лучше сказать жидовском, еженедельном обозрении многие дают веру, то необходимы возражения. Мне все нездоровится; давно ем уже только суп и овсянку.

27-го [июля]. Кончил «La vie future de la science moderne» [«Будущая жизнь современной науки»]⁸⁸ и не могу признать себя удовлетворенным, хотя читал с большим удовольствием. Прочел с удовольствием «La réfutation du matérialisme» [«Опровержение материализма»].

29-го [июля]. Выписал «Force et matière» [«Сила и материя»] Buechnera⁸⁹. Написал в «Варшавский Дневник» статью о прикоповой канаве. Буйвид привез мне утешительные вести о Мите. Послали мне к подписи протокол заседания у Клейгельса. Отказался подписать потому, что в нем перевраны все мои объяснения.

1-го августа. Троицкий был у меня с извинением за протокол. В Петербурге холера⁹⁰. Послал Пакову перевод опровержения Линдлея на статью Рудницкого.

4-го [августа]. Вошел с представлением о вознаграждении Кореновского за большие убытки, понесенные при постройке канала А. Этот честный и, кажется, способный, но легкомысленный человек совсем разорился, по-видимому. Жаль его.

8-го [августа]. Заседание Комитета. Линдлей старается о подготовке почвы для деятельности без меня.

10-го [августа]. Предположение об устройстве на улицах водопроводных кранов и о высыпании извести в коллектор. Слухи от Божовского, будто из Петербурга Гурко просят предложить мне остаться на службе.

11-го [августа]. Ходатайствую о решении Магистрату принять участие в Петербургской и Чикагской⁹¹ выставках.

14-го [августа]. Приглашение 450 граждан к участию в санитарных комиссиях.

19-го [августа]. Болен. Лечат меня Натансон⁹² и Маркевич. Моя статья в «Варш[авском] Дневнике»⁹³ с глупою оговоркой, на которую послал возражение Кулаковскому⁹⁴.

29-го [августа]. Секретное извещение Клейгельса о том, что чиновник Стычинский⁹⁵ не крестит детей своих. Неужели начальство обязано принуждать к этому или отдавать за это под суд?

30-го [августа]. Был в Соборе⁹⁶, но так слаб, что должен был выйти на паперть и сесть там.

31-го [августа]. Газетное известие о производстве меня в генералы от артиллерии с увольнением от службы.

2-го сентября. Бедный Свистунов крепится: спросил письмом Рихтера⁹⁷ — может ли подать прошение об увольнении со службы. Павлов его бранит.

8-го [сентября]. Рихтер советует Свистунову подождать.

12-го [сентября]. Денег у меня совсем нет. Прошу Гурко о взаимообразной выдаче мне в счет пенсии 500 рублей.

14-го [сентября]. Смертность в Гамбурге от холеры доходит по расчету на год до 320 на тысячу человек.

16-го [сентября]. Сочувственные статьи обо мне в 8-ми польских газетах.

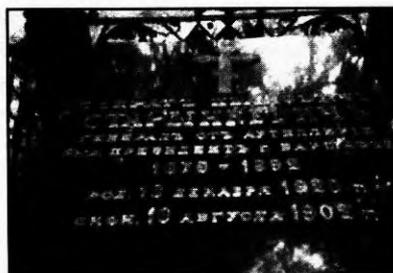
22-го [сентября]. Польская врачебная газета предлагает поставить мне бюст на филтрах⁹⁸.

1-го октября. Встреча Государя на Праге Привисленской⁹⁹. Рядом со мной поставили старшего сына Гурко — варш[авского] вице-губернатора. По какому порядку? Государь спрашивал меня: «Вы здесь поселяетесь?» — «Долго здесь служили?» — «И прежде здесь служили?»

6-го [октября]. Назначение Бибикова президентом.

7-го [октября]. В «Варшавском Дневнике», перешедшем под редакцию Всеволода Крестовского¹⁰⁰, напечатана злая и глупая статейка о дороговизне нового плана Варшавы. Написал и послал в редакцию возражение¹⁰¹.

8-го [октября]. Говорил с Бибиковым о городских делах: плохо слушает. Видимо, больше думает о своем положении, чем о делах. В «Варш[авском] Дн[евнике]» напечатано мое возражение и вместе с тем глупейшая статейка о недостатках варш[авской] канализации; новый редактор спешит прислужиться; но обожжется. Тотчас написал и послал возражение¹⁰². Слишком уж сухое предписание ген[ерал]-губ[ернатора] о сдаче должности. Простился с Магистратом. Представил чиновников Бибикову.

Могила Сократа Старынкевича
в Варшаве

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ **Старынкевич Дмитрий Сократович**, сын С.Старынкевича, умер от тифа в Ростове-на-Дону в 1919.
- ² Проект канализации Варшавы рассматривался в 1863, однако не был одобрен национальными (повстанческими) властями, а затем — российскими. Вопрос об этом важном строительстве был заново поднят только во время президентства Старынкевича (см. вступление к публикации).
- ³ **Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович** (1828-1901), генерал, член Государственного совета. В 1879-1880 временный петербургский губернатор, а затем одесский генерал-губернатор, в 1883-1894 варшавский генерал-губернатор.
- ⁴ **Плеве Вячеслав Константинович** (1846-1904), с 1881 директор департамента полиции МВД, в 1884-1894 сенатор и товарищ министра, с апреля 1902 министр внутренних дел и шеф жандармского корпуса. Убит эсером Егором Сазоновым.
- ⁵ **Соколов Дормидонт** (1837-1896), с 1884 директор Института гражданских инженеров, член строительно-технического комитета МВД, автор многочисленных работ по строительству.
- ⁶ **Стамеров Леонид Сергеевич** (род. ок. 1835), выпускник Московского университета, с 1874 чиновник по особым поручениям при варшавском генерал-губернаторе, в 1880-1886 люблинский губернатор, в 1886-1891 сувалский губернатор.
- ⁷ Влиятельный чиновник **Альфонс Зентковский** был постоянным служащим варшавского городского магистрата, с 1899 исполнял обязанности помощника президента Варшавы при Н.В.Бибикове; затем вошел в круг лиц, составлявших главную опору М.И.Черткова, варшавского генерал-губернатора в 1901-1905.
- ⁸ **Свистунов Александр Павлович** (род. 1830), генерал-адъютант, начинал карьеру на Кавказе, после перевода в Царство Польское был некоторое время в Демблине. В 1892, как записывает в дневнике С.Старынкевич, будучи командиром кавалерийского корпуса допустил рукоприкладство по отношению к своему подчиненному генералу Ризенкампу, которого во время ссоры и драки приказал... выбросить в окно; в ходе следствия также выяснилось, что в Ризенкампа плевали и били его ногами. Военный суд постановил отставить Свистунова от командования корпусом, а побитого приговорил к трем годам каторги и пожизненному поселению в Сибири.
- ⁹ Воздвигнутая в 1643 колонна Сигизмунда нуждалась в «капитальном ремонте». Фонды на это (27 тыс. рублей серебром) были собраны при посредничестве и из собственных средств графа Людвика Красинского (см. прим. 34), общественника и публициста Людвика Гурского (1818-1908), мецената и автора трудов по археологии графа Яна Казимежа Завиши (1823-1887).
- ¹⁰ **Старынкевич Константин Сократович**, сын С.Старынкевича, генерал-майор, харьковский, а затем симбирский губернатор. В Симбирске в сентябре 1906 убит эсерами.
- ¹¹ **Костенецкий Якуб**, тайный советник, член Варшавского статистического комитета, был также начальником Варшавского дорожного товарищества.
- ¹² **Гротовский Альфонс** (1833-1922), служащий варшавского городского магистрата в должности инженера (в чине коллежского секретаря). Принадлежал к кругу людей, издавна связанных с водопроводными работами, в 1881 — в Комитете строительства канализации и водопроводов, с 1889 заместитель главного инженера строительства.
- ¹³ **Вильям Линдлей** (1808-1900), английский инженер, осевший в Германии, проектировщик и строитель водопроводно-канализационной сети во многих городах Европы. В 1876-1878 работал над проектом сети в Варшаве. Проект, утвержденный в 1881 Александром III, по договору, заключенному в том же году, осуществляли сыновья Линдлея: Вильям Герлайн (1853-1917, в 1909 построил водопровод в Самаре) и недолгое время Иосиф (1859-1906).
- ¹⁴ **Яницкий Станислав** (1836-1888), инженер, получил высшее образование в Ганновере и во Франции, принимал участие в строительстве Суэцкого канала; с 1879 директор Товарищества Московского пароходства; подорванное здоровье заставило его вернуться на родину, где он и скончался.

¹⁵ Вокруг проекта продления Маршалковской улицы и проведения канала через Саксонский сад, что уменьшало площадь сада на одну шестую, разыгралась буря: журналисты и читатели возмущались «грабежом варшавского свежего воздуха»; в защиту плана Линдлея выступил только Болеслав Прус в своих «Еженедельных хрониках» на страницах «Курьера подзенного» («Ежедневного курьера»). В конечном счете план изменили и канал провели в обход Саксонского сада. Только после II Мировой войны Маршалковская была продлена за счет Саксонского сада, при этом, к сожалению, была снесена прекрасная парковая ограда.

¹⁶ **Вейнберг Александр Мариан**, врач, с 1877 публиковал статьи о качестве питьевой воды в Варшаве. О какой статье здесь идет речь, неизвестно.

¹⁷ **Леля — Елена Константиновна Старынкевич**, урожд. Тон, жена Константина Старынкевича; Павлуша — сын Старынкевича Павел, болезни которого и смерти от туберкулеза автор посвящает много места во второй части дневника.

¹⁸ В Обществе поощрения художеств (по-польски «поощрение» — «захента», что стало названием общества и его галереи), учрежденное в 1860 по инициативе художников В.Герсона, А.Шупе, М.Ольштынского, входили художники и любители искусства; оно ставило себе задачей развитие изобразительного искусства, организацию выставок в стране; с 1900 помещалось в собственном здании.

¹⁹ **Вел. кн. Михаил Николаевич** (1832-1909), младший сын Николая I.

²⁰ Возможно, речь идет о янычарке, ружье с длинным нарезным стволом и коротким кривым прикладом.

²¹ Речь идет, вероятно, о кучере, «унаследованном» от наместника Царства Польского Ф.Ф.Берга.

²² **Таничка, Таня** — жена С.Старынкевича Татьяна Клементьевна, урожд. Тукалова.

²³ **Маша** — дочь С.Старынкевича Мария, умерла в 1941 в блокаду Ленинграда.

²⁴ **Вел. кн. Владимир Александрович** (1847-1909), сын Александра II; вел. кн. Мария Павловна (1854-1920), его жена с 1874, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского.

²⁵ **Принц Александр Ольденбургский** (1844-1932), с 1864 в русской армии, участник русско-турецкой войны 1877-1878, в 1880 командовал дивизией, в 1885-1889 — гвардейским корпусом. Генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета. С 1897 председатель Противочумной комиссии; создатель и попечитель Императорского института экспериментальной медицины в Гагре. Умер в эмиграции.

²⁶ **Буйвид Одо Феликс Казимеж** (1857-1942), врач-бактериолог и иммунолог, создатель польской микробиологии; в 1886 основал в Варшаве Институт профилактики бешенства, первым используя результаты научных исследований Пастера; основатель производства сывороток и вакцин; с 1893 профессор краковского Ягеллонского университета. [В Малом энц. словаре Брокгауза и Ефрона: «Буйвид, Оскар; польск. бактериолог, родился в 1857, основ. в Варшаве бактериологич. институт, ныне профессор и директ. Пастеровского инстит. в Кракове».]

²⁷ **Бауэрерц Адам** (1845-1917), получил медицинское образование в Варшаве, затем совершенствовался за границей; с 1872 в Варшаве, известный невропатолог, принимал в Первой больнице для приходящих больных, лечил крупных варшавских чиновников, дружил с видными представителями польской культуры — Прусом, Сенкевичем и др.

²⁸ В 1888 инженер Владислав Рудницкий напечатал в «Пшеглэнде тыгоднёвом» (№№22, 27, 39 и 45) цикл статей «Из городского хозяйства», в которых критически оценивал и сам проект канализации, и его осуществление, и деятельность Комитета строительства канализации и водопроводов, в состав которого ему не предложили войти.

²⁹ Канал А проходил от фильтровальной станции на Кошиковой ул. до насосно-канализационной станции за линией окружной железной дороги, собирая сточные воды из остальных коллекторов в Вислу.

³⁰ **Вел. кн. Екатерина Михайловна** (1827-1894), внучка императора Павла I, в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

³¹ **Вел. кн. Елена Георгиевна** (1857-1936), дочь вел. кн. Екатерины Михайловны, в замужестве принцесса Саксен-Альтенбургская.

³² Это, возможно, был Болеслав К., инженер, выступавший в печати с заметками о строительстве, или Стефан К., городской инженер.

³³ 17.10.1888 между станциями Тарановка и Борки железной дороги Курск—Харьков сошел с рельсов поезд, в котором ехал Александр III с семьей; это не было покушением на жизнь императора, как сначала предположили: виной была слишком большая скорость, которой требовал император, и ужасная погода. Александр III получил внутренние травмы (некоторое время ему пришлось поддерживать крышу вагона). В память этого события были построены 120 церквей и несколько монастырей, в т.ч. поблизости от места крушения.

³⁴ **Красинский Людвик Юзеф Адам** (1833-1895), граф, помещик и промышленник, один из основателей Музея промышленности и торговли, член Комитета строительства канализации и водопроводов.

³⁵ **Инженер Генрих Геман** был одним из трех немцев, взятых на работу Линдлеем; «оставил по себе у варшавян плохую память и позднее был Линдлеем уволен» (см. кн. Р.Желиховского «Линдлеем: варшавские бои за гигиену», Варшава, 1996).

³⁶ Варшавское городское кредитное товарищество, основанное в 1870, давало долгосрочные кредиты на основе ипотечного страхования; его членами были владельцы недвижимости.

³⁷ **Блох Ян** (1836-1902), финансист и экономист, «король польских железных дорог», категорически выступил против поддержанного С.Старынкевичем проекта канализации города как «слишком дорогостоящего» (сам он в то время владел четырьмя доходными домами); президенту в конце концов удалось настать на своем. Полемика время от времени продолжала вспыхивать, что отразилось в дневнике.

³⁸ **Анкевич Юлиан** (1820-1903), архитектор, автор проектов многих зданий и доходных домов в Варшаве. В 1890 выступил на тему устройства канализации варшавских домов и радикального их проветривания.

³⁹ **Рудольф** (1858-1889), кронпринц, сын императора Франца-Иосифа, наследник австро-венгерского престола, покончил с собой 30.01.1889 в замке Майерлинг вместе со своей возлюбленной Марией Вечорой.

⁴⁰ **Мощицкий (Мостицкий) Каetan Казимеж** (1855-1933), выпускник Института путей сообщения, с 1889 главный инженер Варшавы, имеющий большие заслуги перед городом; в 1888-1909 начальник отдела строительства магистрата.

⁴¹ **Клейгельс Николай Васильевич** (1850-1916), в 1888-1896 варшавский обер-полицеймейстер. Получил от варшавян прозвище «эстет проституции», так как участвовал в строительстве роскошных публичных домов на Тарговой ул., где барышни переодевались в различные экзотические костюмы; их охотно посещали богатые офицеры. Покинув Варшаву, был петербургским градоначальником, затем киевским, подольским и волынским генерал-губернатором.

⁴² В 1887 в связи с неудачным строительством канала от Зеленой пл. (ныне площадь Ю. Домбровского) через улицы Кредитную и Берга (ныне Траугутта) Линдлеем пришлось заплатить из своего кармана 40 тыс. руб.; он также отослал из Варшавы своего брата и уволил Гемана.

⁴³ В записке «К вопросу о канализации города Варшавы и соединении недвижимости с каналами» (Варшава, 1889) Я.Блох выступает за усовершенствование системы вывоза нечистот и против канализации уборных.

⁴⁴ Общество попечения над городскими плантациями (называвшееся также Плантационным комитетом) действовало с 1.02.1889; его председателем был Кароль Юркевич (1822-1908), природовед, минералог, профессор Варшавской главной школы (преобразованной затем в Варшавский университет), в 1894-1899 председатель Варшавского садового товарищества.

⁴⁵ Вероятно, **Лессер Эдмунд** (1852-1918), дерматолог, профессор Берлинского университета.

⁴⁶ Варшавский городской общественный Комитет строительства канализации и водопроводов, обычно называвшийся Канализационным комитетом, в составе 20 граждан (в т.ч. Блоха) и пяти членов, назначенных генерал-губернатором, был создан в 1881.

⁴⁷ Приезд в Варшаву Наср-эд-Дин-шаха в сопровождении свиты из 25 человек широко освещался в ежедневных газетах: в них описывали программу визита (фильтровальная станция, французский цирк, зоосад, Большой театр и т.п.), а также покупки шаха, особенно покупки драгоценностей. Шах пытался проводить в Персии умеренные реформы в европейском духе; убит в Тегеране 1.05.1896 панисламом Мирзой Резой Кармани.

⁴⁸ На выставке изделий женского труда в Музее промышленности и сельского хозяйства экспонировались изделия 229 мастериц; в отделе ремесла находились корсеты, возбудившие любопытство шаха.

⁴⁹ Турко получил от шаха его портрет в рамке, усыпанной бриллиантами.

⁵⁰ **Фаустини-Дуткевич**, известный фокусник, дававший сеансы «белой и черной магии» («Курьер Варшавский», 1889, №159); в Варшаву его привез специально для одного генерала услужливый статский советник Базилевский.

⁵¹ **Дзевульский Клеменс Эугениуш** (1842-1889), физиограф, физик, автор многочисленных научных трудов; варшавский городской инспектор газового освещения; в 1881 стал одним из учредителей и издателей «Паментника физиографического» («Физиографических записок»), а в 1883 — «Вшехсвята» («Вселенной»), журнала, который регулярно читал С. Старынкевич. Умер 3.08.1889 от рака.

⁵² Вероятно, **Фаянс Мауриций** (1827-1897), варшавский предприниматель, с 1872 владелец Товарищества речного пароходства, обслуживавшего «отечественную торговлю и перевозку частных лиц».

⁵³ **Жилинский Игнатий**, главный инженер Варшавы.

⁵⁴ **Маркевич Станислав Никodem** (1839-1911), врач-общественник, гигиенист, организатор детских летних лагерей, предтеча школьной гигиены. Автор многочисленных работ по канализации и ассенизации, участник всех общественных комитетов, поддерживал проект Линдлея.

⁵⁵ **Медем Николай Николаевич** (1834-1906), генерал, участвовал в подавлении польского восстания 1863, был чиновником по особым поручениям при наместнике Ф.Ф.Берге, в 1863-1866 плоцкий губернатор, в 1868-1892 — варшавский, а затем помощник по делам гражданской администрации; в 1875 отправлен в отставку за многочисленные злоупотребления и растраты.

⁵⁶ **Миллер Константин** (род. 1836), участвовал в подавлении восстания 1863 в Литве; в 1887-1880 плоцкий губернатор, в 1890-1904 — пётрковский.

⁵⁷ **Вышнеградский Иван Алексеевич** (1831-1895), основоположник теории автоматического регулирования; с 1875 директор Петербургского технологического института; входил в состав правления Петербургского общества водопроводов и др. обществ; с 1884 был членом совета при министрах народного просвещения, с 1886 член Государственного совета, с 1887 министр финансов.

⁵⁸ **Островский Михаил Николаевич** (1827-1901), брат драматурга, в 1881-1893 министр государственных имуществ.

⁵⁹ **Жибер Эрнест Иванович** (1823-1909), архитектор, профессор Института гражданских инженеров, член, а затем председатель Технического строительного комитета МВД, член-учредитель, затем старшина и председатель Петербургского общества архитекторов.

⁶⁰ **Павлов П.П.**, генерал от инфантерии, помощник командующего Варшавским военным округом.

⁶¹ **Вел. кн. Константин Николаевич** (1827-1892), с июня 1861 по август 1862 наместник Царства Польского, в 1865-1881 председатель Государственного совета; умер 13.01.1892.

⁶² Колпино — промышленный поселок Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии, где находились Адмиралтейские Ижорские заводы, выпускавшие продукцию для военного флота (ныне Ижорский машиностроительный завод).

⁶³ **Стычаковский Юзеф**, чиновник по особым поручениям при варшавском генерал-губернаторе.

⁶⁴ **Гудовский Лонгин** (1816-1892), в 1880-е возглавлял варшавскую Дирекцию императорских театров.

⁶⁵ Проект создания бульваров вдоль Вислы, предложенный иностранным предпринимателем инженером Ф.Деварсом, обсуждался в газетах, была также создана комиссия по оценке проекта во главе с Л.Красинским. С.Старынкевич был против того, чтобы давать иностранному капиталу 45-летнюю концессию на создание бульваров. В результате бульваров нет до сих пор.

⁶⁶ Крытые осадочные бассейны для предварительной очистки воды были построены по проекту Линдлея в 1892-1899 в южной части фильтровальной станции на Кошиковой улице.

⁶⁷ **Гири (Higpe) Густав Адольф** (1815-1890), физик-самоучка, основатель метеорологической обсерватории в Кольмаре, с 1867 член-корреспондент парижской Академии наук; создатель механической теории тепла, автор многих научных трудов, в частности «Exposition analytique et expérimentale de la théorie mécanique de la chaleur» («Аналитическое и экспериментальное представление

механической теории тепла», 1861, изд. 3-е — 1875-1876). В последние годы жизни занимался вопросами астрономии, космогонии и математической физики, а также философии. Его философские работы поразили С. Старынкевича, о чем он много пишет во второй части дневника, когда, уйдя в отставку, посвятил долгие годы переводу вышеупомянутой книги. Он побывал также в Кольмаре (в то время принадлежавшем Пруссии), где в 1894 Гирну поставили памятник.

⁶⁸ **Таганцев Николай Степанович** (1843-1923), юрист, крупнейший специалист по уголовному праву; сенатор, а затем первоприсутствующий Кассационного департамента Сената, член комиссии по составлению Уголовного уложения.

⁶⁹ **Витте Сергей Юльевич** (1849-1915), в 1893-1903 министр финансов, в 1901-1906 председатель совета министров; автор крайне интересных «Воспоминаний».

⁷⁰ **Венде Эдвард** (1830-1914), варшавский книготорговец; фирма Венде специализировалась на распространении научных изданий; вела также торговлю книгами, запрещенными цензурой.

⁷¹ **Галкин-Враской Михаил Николаевич** (1834-1916), в 1879-1896 начальник Главного тюремного управления.

⁷² **Гурко Владимир Иосифович** (1828-1927), старший сын И.В. Гурко, выпускник Московского университета, в 1885 чиновник Варшавского цензурного комитета, в 1892-1895 варшавский вице-губернатор, в 1906-1907 помощник министра иностранных дел, в 1907 отставлен от службы по приговору судебного присутствия Уголовно-Кассационного департамента Правительствующего Сената за превышение полномочий в деле организации закупки хлеба для пострадавших от неурожая губерний для отдания суду, в 1908 высочайше помилован; с 1915 член Государственного совета по выборам.

⁷³ **Пронашко Мечислав** — начальник канцелярии президента Варшавы.

⁷⁴ **Дурново Иван Дмитриевич**, брат П.Д. Дурново (см. ниже).

⁷⁵ **Дурново Петр Дмитриевич** (1844-1915), в 1884-1893 директор департамента полиции МВД, с 1893 — сенатор, в 1900-1905 — товарищ министра, а в 1905-1906 — министр внутренних дел.

⁷⁶ **Сабуров Андрей Александрович** (1838-1916), статс-секретарь, в 1880-1881 министр народного просвещения, с 1899 член Государственного совета.

⁷⁷ **Воловский Михал** (1851-1900), врач и журналист, печатавшийся в варшавской прессе, или Воловский Казимеж (род. 1834), врач Общества Варшавско-Петербургской железной дороги.

⁷⁸ **Олендский Владислав Максимилиан** (род. 1841 или 1842), журналист, публицист, выступавший под псевдонимом Яцек Соплица; участник восстания 1863; в 1872-1873 редактор «Тыгодника велькопольского», затем «Слова» (1884-1887), а с 1888 — «Курьера цодзенного».

⁷⁹ **Фовель Скульпис Антуан** (1813-1884), знаменитый французский врач (лечил, в частности, Марию Башкирцеву), занимался лечением холеры, или Фовель А., французский инженер, в 1849 первым применивший очистку буровых скважин водяной струей, подаваемой насосом с поверхности в полуую штангу.

⁸⁰ **Гурко Мария Андреевна**, урожд. графиня Салиас, жена генерал-губернатора, в Варшаве прозванная «Новосильцевым в юбке»; широко злоупотребляла властью мужа, особенно делая покупки; к громким делам принадлежал случай, когда она пыталась вынести из лавки купчихи Тлустой шелковые ленты: вызванный полицейский арестовал... купчиху, а суд приговорил ее к трем месяцам заключения за оскорбление губернаторши.

⁸¹ **Бибиков Николай Валерианович** (?) (род. 1842), генерал-лейтенант, в 1892-1906 президент Варшавы, по должности стал председателем Комитета строительства канализации и водопроводов.

⁸² Вероятно, **Собанский Феликс** (род. 1843, Подолье), граф, сын Людвика и Ружи (Розы), опекавшей ссыльных и получившей прозвище «Роза Сибири», филантроп и меценат, или Собанский Казимеж (1859-1909), общественник, нумизмат, завещавший все свои коллекции Варшаве.

⁸³ Вероятнее всего, речь идет о Городском совете общественного призрения — правительственной организации, опекавшей городские богоугодные заведения.

⁸⁴ **Чаусов Михаил Дмитриевич** (1836-1903), врач, профессор анатомии Варшавского университета; в 1890-1897 медицинский инспектор гражданских больниц города Варшавы. Троицкий Петр Алексеевич (1853 — после 1901), врач, с 1884 прозектор на кафедре медицины Варшавского университета, с 1897

медицинский инспектор варшавских гражданских больниц; автор работ, в частности касающихся санитарного состояния Варшавы.

⁸⁵ Мировские ряды — крытый рынок, построенный в 1899-1901 на месте частично снесенных казарм.

⁸⁶ Речь идет прежде всего о брошюре Г.А.Гирна «La notion de force dans la science moderne» («Понятие силы в современной науке»), где он резко выступил против кинетической теории газов.

⁸⁷ С.Старынкевичу вновь пришлось отвечать на обвинения В.В.Рудницкого, цикл статей которого «Варшавская канализация в свете технических знаний» был помещен в №№ 1, 2, 9, 20, 24, 27 и 38 «Пшеглэнда тыгоднёвого». Автор, подводя итоги 10 лет прокладки канализации, критиковал как проект, так и его осуществление, обвиняя всех в корысти и растрате общественных средств. Ответ Старынкевича появился в №№40-45.

⁸⁸ Работа Г.А.Гирна «La vie future de la science moderne» («Будущее современной науки») вышла в 1882.

⁸⁹ **Бюхнер Людвиг** (1824-1899), немецкий врач, физиолог и философ; одно из его главных произведений, «Сила и материя» («Kraft und Stoff»), вышло в 1855.

⁹⁰ В 1892 в Российской Империи вспыхнула очередная эпидемия холеры; в августе холера достигла Царства Польского, в конце сентября — Варшавы, где умерло 80 человек; в Западной Европе особенно сильно она затронула Гамбург, о чем Старынкевич упоминает 14.09.1892.

⁹¹ IX Всемирная выставка в Чикаго, посвященная 400-летию открытия Америки, из-за президентских выборов была отложена до 1893. О том, что Россия будет в ней участвовать, постановил император распоряжением от 31.05.1892.

⁹² **Натансон Людвик** (1822-1896), популярный варшавский врач, гигиенист, общественник, редактор «Тыгодника лекарского» («Врачебного еженедельника») и журнала «Здрове» («Здоровье»).

⁹³ Выходившая по-русски газета «Варшавский дневник» (1892, №179) поместила письмо С.Старынкевича в ответ на статью из №168 об опасности загрязнения воздуха в городе зловонием из старого городского канала сброса нечистот (окопного рва); в №180 редакция повторила свои обвинения, на которые в №181 второй раз возражал С.Старынкевич.

⁹⁴ **Кулаковский Платон Андреевич** (1848-1913), славист, в 1884-1902 профессор Варшавского университета, в 1886-1892 редактор «Варшавского дневника».

⁹⁵ **Стычинский Александр**, старший секретарь отдела общих дел варшавского городского магистрата.

⁹⁶ Троицкий собор на Длугой ул. в бывшем костеле ордена пиаров (ныне Гарнизонном), перестроенный в 1835-1837.

⁹⁷ **Рихтер Отто** (1830 — ок. 1899), генерал-адъютант, с 1871 корпусной командир, с 1881 командовал императорской штаб-квартирой, с 1884 в его обязанности входило принимать прошения, адресованные императору; с 1887 член Государственного совета.

⁹⁸ Только в 1907 стараниями жителей окрестностей фильтровальной станции рядом с водокачкой был поставлен памятник С.Старынкевичу (см. вступит. замету).

⁹⁹ «Варшавский дневник» писал в №218, что через Варшаву соизволили проезжать Его Величество с супругой и вел. кн. Ксенией Александровной (1875-1960); на станции, украшенной экзотическими цветами и коврами, их встречали многочисленные высокие чиновники. Прага-Привисленская — нынешний вокзал Варшава-Восточная.

¹⁰⁰ **Крестовский Всеволод** (1839-1895), русский писатель и поэт, автор популярных романов, из которых самым известным был «Петербургские трущобы» («Отечественные записки», 1864-1866), а также антинигилистических и антипольских произведений. В 1865-1866 член комиссии по исследованию подземелий Варшавы, в действительности искавшей следы нелегальных изданий и оружия в подвалах монастырей; затем сделал военно-чиновничью карьеру (в 1888 уже полковник), с 1892 до самой смерти (18/30.01.1895) редактор «Варшавского дневника»; похоронен в Петербурге.

¹⁰¹ «Варшавский дневник» выступил с нападка на магистрат за выплату необоснованных сумм на составление генерального плана Варшавы в №221, прямо в день назначения В.Крестовского.

¹⁰² Ответ Старынкевича напечатан там же в №222; отставной президент защищал обоснованность расходов на составление плана.

Петр Зоммер

ВСЕ, ЧТО Я ЧУТОЧКУ ЗНАЮ *(о поэзии Ежи Фицовского)*

Если бы я писал книгу о поэзии Ежи Фицовского, я разделил бы ее на две части. Часть первая — о языке, не столько как об автономном механизме, служащем сочинению словесных текстов, сколько как о живой системе знаков, которые по-новому организуют прошлое и настоящее и посредничают в разговоре прошлого с настоящим. Вторая часть — о времени. Впрочем, пришлось бы сразу заметить, что у Фицовского разделить категории времени и языка весьма непросто. Поэтому и мое деление было бы довольно условным.

Однако исходный пункт — вопросы языка, то есть «мастерства», ибо стих Ежи Фицовского оживляет и расширяет диапазон польской речи настолько, насколько это не удалось в современной поэзии, пожалуй, больше никому. Думаю, что в данной области стратегия Фицовского охватывает целый комплекс опознаваемых действий, в такой концентрации присущих только ему. В его стихе они выступают под именами всякого рода «заклятий», «заговоров», «демиургии», «экзорцизм», «метаморфоз», «магии». Все они — и те, что больше относятся к языку, и те, где на первый план выступает проблема времени, — объединены тем, предупреждает Фицовский, что относятся к сфере волшебного, а волшебство плохо переносит объяснения (а стало быть — и компанию литературных критиков; надеюсь, последние оценят ту сдержанность, с которой я обращаю на них внимание). (...)

Тишина и молчание. Это по крайней мере столь же неотторжимые компоненты языка Фицовского, как и слова, а иногда даже более красноречивые. Они выстраивают свои молчаливые истории как бы рядом с «повествованием» — или по ту его сторону. Тишина и молчание постоянно сопутствуют речи, порой это «обратная сторона» слов («изнанка» речи), иногда они следуют за речью, как тень. Они столь интенсивны, что пробивают слова насквозь, перерастают словесный язык и вообще — начиная, скажем, с «Письма в картинках» — ведут столь активную жизнь, что становятся, быть может, самой вынужденной формой речи. Говорить при помощи слов — дело очевидное; о таком говорении и не говорится. Говорится о тишине и говорится тишиной. Существует много видов молчания и тишины, а их форма и суть зависят, разумеется, от того, какой речи они сопутствуют, кто и откуда эту речь ведет.

Молчание, когда оно активнее всего другого, ведет свою собственную жизнь в своих собственных жилищах: «сколько же моего молчания / живет в мертвых предметах». Встречаются целые области «артикулированного молчания», есть «тяжелое молчание рыб» и «упрямая тишина сети». В другом стихотворении — «Я в третьем лице» («Письмо в картинках») — «я» само «молчит моими устами», еще где-то у него есть «собственный язык / на котором оно молчит». Тишина, которая тоже бывает активна, умеет молчать по-всякому, иногда «молчит расточительно». Порой она столь всемогуща и труднопереносима, что приходится разрывать ее при помощи «знаков препинания» (то есть «слов»). Бывает и «мерная, неисчислимая тишина», и, быть может, ее представитель — тот «демон тишины», которым одержим субъект стихотворения «Экзорцизм» (тоже из упомянутого сборника) — одержим словно затем, чтобы противостоять этому демону. Это лишь несколько ранних примеров.

В более поздних книгах молчание и тишина являются с разной частотой, однако их присутствие всегда выразительно. Можно было бы предположить, что язык Фицовского обозначит четкое различие между (иногда чрезмерно активным) действием «молчания» и (порой весьма

интенсивным) состоянием «тишины»: часто «тишина» — категория бытия природы, молчание — действие людей. Но грань между ними стерта. Как стерта у Фицовского грань между миром природы и миром людей.

Терпеливый спутник тишины и молчания — слушание и слышание, или даже «предслышание» (так называется стихотворение из книги «Птица вне птицы»), предслышание, которое безошибочно улавливает смысл самой глубокой тишины; «самой глубокой» — также во времени. К «предслышанию» в свою очередь очень близко то, что называется «ослышаться», а это отсылает к возможности «проглядеть», «упустить из виду» (на чем и построено другое стихотворение из той же книги) и наконец — к концепту «обмолвки», объединяющему эту серию «префиксальных» действий.

Так все у Фицовского ветвится и разрастается, встречается и питается одно другим, задевает друг друга звучанием, образом и значением, рифмуется с тишиной. А если у этого языка такие законы, не вполне надежен и статус — назовем его семантическим — тех или иных участников слухо-смыслового взаимопроникновения: предслышания, «ослышания» и умолчания, «убожествления» и обожествления (а может, и идолопоклонства, кто знает), «бесности» и небесности, того, что проглядели и о чем обмолвились. Все здесь одно другому «уподоблено во взаимосозерцании» (как в посвященном Владиславу Хасёру стихотворении «Смерть единорога»)...

(Из послесловия к книге избранных стихотворений Ежи Фицовского «Все, чего я не знаю». Сейны, «Пограничье», 1999)

Ежи Фицовский родился в Варшаве в 1924 году. Сражался в Варшавском восстании, был в немецком плену. После войны изучал философию и социологию в Варшавском университете. Как поэт дебютировал в печати в 1946 году. На рубеже 1940-1950-х годов занялся изучением культуры цыган, кочевал вместе с ними, записывал песни. Открыл для польского читателя цыганскую поэтессу Брониславу Вайс (Папушу). Итог этого опыта — книга «Цыгане на польских дорогах» (1953, 1965, 1986). Другая страсть Фицовского — жизнь и творчество Бруно Шульца, выдающегося прозаика, убитого фашистами в Дрогобыче в 1942 году. Вот уже полвека он разыскивает и публикует тексты Шульца, посвятил ему многократно переиздававшуюся книгу «Регионы великой ереси».

В связи с оппозиционной деятельностью Фицовского (подписание письма против изменений в конституции ПНР, членство в КОРе — Комитете защиты рабочих), его имя в 1976-1980 гг. было под запретом. Тогда он печатался в самиздате и эмигрантских изданиях. Там публиковались и его стихи. Фицовский — автор около двух десятков поэтических книг, в том числе: «Мои стороны света» (1957), «Амулеты и дефиниции» (1960), «Кси-ва» и «Чтение по пеплу» (1979), «Смерть единорога» (1981), а также многих книг для детей.

В 1999 г. фонд «Пограничье» присвоил Ежи Фицовскому звание «Человек пограничья». Фонд издал большое избранное поэта «Все, чего я не знаю» и сборник сказок «Небылицы Августовских лесов».

П.М.

Ежи Фицовский

Перевод
Андрея Базилевского

Стихи из книги «ЗАРАНЕ ДА ЗАПОЗДАЛО» (2004)

Слова слова слова
не было их у меня
ни под рукой ни на кончике языка
я не высосал их из пальца

они такие древние — совсем
себя забыли
слова возвращения
первородные имена
обыденных предметов
заклятья воскрешающие мир

я мусорщик
собираю их собираю
по закоулкам где они затерялись
на огромных свалках
беспамятства

Напр. я

Мое поколение перестреляли
смолоду но изредка
еще встречаются экземпляры
напр. я

Нас можно узнать
по тому как мы запоздало
напрягаем слух
пытаясь услышать залп
который нас уничтожит

Однако
поскольку слух притупился до казни дело не доходит и мы безнаказанно
пересекаем границу XXI века

напр. я —
удивляясь
что рядом — никого

Джинн

Я обманутый джинн
заточенный в бутылку
предупреждаю

смотри не разбей
не трогай
не пытайся ни выпить меня
ни откупорить

пока я тихонько просачиваюсь это еще можно вынести
но если ты
недайбог...

я выстрелю
всем собой
прямо в морду
своим освободителям

Из цикла «Тайные записи»

древесина вскипает
заранее огибая
преграды сучьев
и долго кружит
по излучинам
даже в мертвой доске

в позднем лесу
что-то окликнуло
сникло
умолкло
утонуло
в глубинах
ночи

Ежи Сосновский

**Перевод
Софии Раввы**

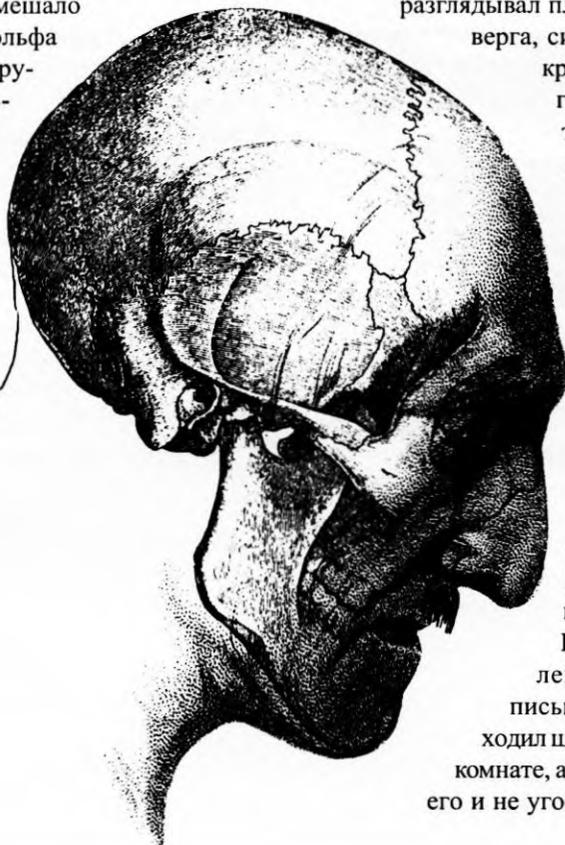
РАЗГОВОР С... *Из «Ночной линии»*

Узнав, что он еще жив, я должен был не суметь в это поверить, но это было второе удивление за день, а первое уже меня психически опустошило. Все началось с объявления в Интернете: Музей новейшей истории предлагал встречи у вас на дому с военными преступниками, разумеется, под конвоем. Осужденные на пожизненное заключение или приговоренные (что я, как мне показалось, вычитал между строк) к смертной казни, они со временем, путем полуофициального помилования, получили право посещать обыкновенных людей: себе в назидание, а тем — как предостережение. Самых знаменитых преступников, которые некогда, как сообщалось в объявлении, значились в коллекции музея, уже, конечно, не было в живых. Впрочем, подумал я сразу, это, возможно, рекламный трюк — что им мешало внести в длинный список Адольфа Гитлера с пометкой, как возле других фамилий: «НЕАКТУАЛЬ-НО»? Однако доверие ко всему предприятию у меня вызвали прежде всего цены — сногшибательные! Сидя днем перед монитором, я просматривал список: там были какие-то атаманы с Балкан, два морских пехотинца, осужденных за изнасилование во Вьетнаме, и десятка полтора-два столетних гитлеровцев. Они, естественно, заинтересовали меня больше всего. Вдруг я увидел среди них извест-

ную фамилию, да и цена меня, пожалуй, устраивала. Да, подумал я с дрожью, на него бы мне хватило. Я чуть-чуть поколебался, а потом лихо-радочно, будто тревожась, что любое промедление сделает эту встречу навсегда невозможной, настучал на клавиатуре заказ: «Карл Гюнтер, убийца Бруно Шульца».

И вот передо мной сидит старик, по пояс укрытый клетчатым пледом, только что привезенный в инвалидной коляске стилизованным конвоиром в защитного цвета форме американской военной полиции образца 1945 года. Конвоир сел на складной стульчик за дверью в квартиру, предварительно проверив окна и высоту, отделяющую их от улицы (даже он не выжил бы от такого прыжка, а что уж тот, подумал я); я между тем

разглядывал плохо выбритого изверга, сидевшего полуприкрыв глаза, с тонкими губами, в уголке которых постепенно набухал пузырек слюны. Только теперь я задумался, о чем же все-таки хочу с ним поговорить и — впрочем, об этом стоило бы подумать раньше — не оказываю ли я ему незаслуженную честь, принимая его в гостях, пусть даже в унижительной роли экспоната. Из-за всех этих мыслей я вскочил из-за письменного стола и заходил широкими шагами по комнате, а потом, не спросив его и не угостив сигаретой, за-

курил. Я хотел этим подчеркнуть, что не считаю его равным себе, что он едва-едва человек и заведомо недостоин уважения; но это опять-таки привело мне на память фильмы о войне, которых я посмотрел в детстве: точно так, как я сейчас, вели себя в них офицеры гестапо, прежде чем принимались криками и истязаниями заставлять свои жертвы сознаваться. В замешательстве я вернулся в кресло. Все это время Гюнтер — если это Гюнтер, пронеслось у меня в голове сомнение, — сидел неподвижно, полуприкрыв глаза, будто принадлежал к миру, в котором его уже нет, который его не касается. Что ж, если так, то в сущности он был прав.

— И что, часто вас возят в гости? — наконец спросил я.

Нет ответа. Старик мог бы сойти за мертвеца, если б не пузырек слюны, тихо лопнувший в уголке рта.

— Вы что-нибудь помните? — задал я еще вопрос, а поскольку он по-прежнему молчал, продолжал: — Вы будете отвечать? Если нет, я вас тут же отошлю и не заплачу ни гроша. А у меня, пожалуй, все-таки поприятней, чем в камере, а?

Гюнтер медленно открыл глаза. Невероятно водянистые, когда-то зеленые, сейчас мутные, едва заметные в провалах глазниц. С минуту взгляд его блуждал где-то над моей головой, потом он посмотрел на меня без выражения, точно так, как если бы перед ним было пустое кресло.

— Вы слышите меня? — спросил я.

Никакой реакции. Я вспомнил цену, которую обязался уплатить после визита, — черт побери! Встал, чтобы позвать конвоира; но, когда проходил мимо гостя, до меня донесся какой-то шелест. Гюнтер что-то бормотал, не знаю кому — мне или самому себе. Я наклонился над ним.

— Что?

— Всё из-за Юргена. Говорил же ему, чтобы всегда смотрел, есть ли в чайнике вода, прежде чем ставить на плиту, а он, каналья, не обращал на меня внимания, и, когда пришли меня навестить, вся комната была в дыму, а как могло хорошо сложиться, я тогда вовсе старался, но у меня никогда ничего толком не выходило, другие продвигались по службе, у них были красивые женщины и прекрасное положение, а мне всегда доставалась грязная работа, сраная жизнь, никакой справедливости, мне часто снится, что я ночью встаю и иду в уборную, а потом просыпаешься обгаженный или мокрый, и кто за

мною уберет, все брезгают стариками, а охранник охотнее всего подавал бы мне суп на палке, говорит, от меня воняет, от него бы тоже воняло, если бы он в таком возрасте остался один, мне уже, знаете, девяносто восемь, это возраст, а? — не каждому удается столько прожить, но я, когда был молодой, всегда любил свежие овощи; овощи, знаете, и прогулки на свежем воздухе — это гарантия здоровья...

— Я хотел бы поговорить с вами о Шульце, — заорал я ему в ухо.

— Лучше всего натереть морковь и смешать с луком-пореем и сельдереем, и чуточку лимонной кислоты, у меня когда-то была одна такая, что умела это готовить, хорошо управлялась на кухне, и бифштекс никогда не пережаренный, но теперь, уже много лет, это не для меня, если забудусь и съем даже тот суп, что дают, да слишком много, меня потом пучит, а охранник рад бы мне суп подавать на палке...

— Дрогобыч! — рявкнул я. — Вы помните Дрогобыч?

Он замолчал и очень медленно повернул голову в мою сторону. Посмотрел трезвее, впервые на меня, не *сквозь* меня. Он рассматривал меня внимательно, напряженно, будто хотел прочесть на моем лице, что с ним может случиться.

— Еврей? — спросил он наконец.

Я махнул рукой, подавив искушение ответить. Не ему, не такому, как он.

— Вы помните Дрогобыч?

Он задумался, а потом снова пристально взглянул на меня.

— Еврей?

— Пусть будет еврей. Вы помните Дрогобыч?

Он кивнул.

— Я знал, что так будет. Мне много раз снилось, еще в детстве. Надо верить снам. Только теперь понимаю, но помню этот сон совершенно отчетливо, суший кошмар: сижу в комнате, не могу пошевелиться, и меня допрашивает еврей.

— Да нет, какой там еврей! — вырвалось у меня. Я все больше злился, чувствуя, что вся эта затея была идиотской, что теперь мне придется много часов проветривать квартиру, да и сам я погружаюсь в то, от чего будет трудно отмыться.

— Меня интересует Бруно Шульц. Вы его знали, верно?

— Но глаза у вас какие-то такие... — он продолжал изучать меня. В его взгляде было что-то

отвратительное, что-то, заставившее меня тряхнуть его за плечо.

— Вы помните, как было в Дрогобыче?

Он скривился. Выгянул из-под пледа руку, она была бледная и исхудавшая, напоминала куриную лапку за стеклом холодильника в мясном магазине на окраине. Притронулся к плечу, зашипел, закашлялся.

— Не надо меня трясти. Мне девяносто восемь лет, это ведь возраст, а? — не каждому удается столько прожить, но я, когда был молодой, всегда любил свежие овощи...

Я схватил его за эту мерзкую руку и сжал ее. Мне показалось, что под моими пальцами что-то хрустнуло.

— Ты убил Шульца, мерзавец, и твердишь мне тут об овощах, — заорал я.

— Лучше всего натереть морковь и смешать с луком-пореем и сельдереем, и чуточку лимонной кислоты...

Я ударил его. Да, ударил — ладонью по лицу. От удара каталка отъехала и опрокинула столик с книгами, и, чтобы избежать дальнейших разрушений, я схватил Гюнтера за полу рубашки. Мне не пришло в голову, что он такой легкий и я стащу его с кресла; ткань треснула в руке, я с отвращением выпустил рубашку, и тело с глухим стуком осело на пол; я подумал, что не отмоюсь от этого никогда, и в ярости пнул старика ногой, потом еще

раз, но тотчас же поднял его, злой и устыженный, да только почувствовал на руке слюну, тонкой струйкой стекавшую из полуоткрытого рта, и я оттолкнул его в глубь комнаты, лишь бы подальше от меня; он отлетел по инерции, упал на разлетевшиеся по полу книги, а там лежал «Санаторий под клепсидрой», это взбесило меня еще больше, я набросился на него и начал лупить кулаками. Что со мной происходит, я не понимал, отскочил назад, чувствуя подступающую к горлу тошноту, и налетел на юнца в форме Military Police, которого привлек шум в квартире. Я не мог смотреть ему в глаза. Он поддержал меня, я вырвался и отошел к столу. Закурил. Это не на самом деле происходит, подумал я, глядя в окно. За спиной я услышал какое-то движение.

Охранник стоял над телом и глядел на него равнодушно.

— Всегда одно и то же, — сказал он. — Люди иначе не реагируют. Как вы думаете, какую следует установить доплату, чтобы нам не портили экспонаты? Гляди-ка, вы, поди, его прикончили. — Он перевалил Гюнтера в каталку и не спеша двинулся к выходу.

Я не отвечал. Ждал, чтобы вымыть руки, как можно скорее.

— Во всяком случае, — раздался бас конвоира, — вместе со счетом мы пришлем вам каталог. Приглашаем воспользоваться нашей коллекцией. У вас есть ключ от лифта? Внизу ручка, а здесь на ключ. Лифт старый, входить страшно.

Дариуш Новацкий

ЕЖИ СОСНОВСКИЙ

Ежи Сосновский дебютировал как прозаик поздно, в 39 лет. В это время он был уже хорошо известен в литературных кругах, хотя о его писательских интересах почти не знали. Раньше, в первой половине 90-х, Сосновский был очень активным и чрезвычайно влиятельным литературным критиком и публицистом (постоянно выступая, в частности, на страницах «Газеты выборчей»), а также телевизионным журналистом и вообще экспертом, охотно и часто бравшим слово по вопросам искусства, в первую очередь литературы. Одновременно он занимался литературоведением, был ассистентом на факультете польской филологии в Варшавском университете, издал сборник статей о польской литературе конца XIX — начала XX вв. «Хвала чародейки».

Под конец 90-х его публичная деятельность явно притихла. Как будто будущий прозаик хотел, чтобы не столько, может быть, о нем забыли, сколько не продолжали упорно ассоциировать его имя с литературной критикой. После нескольких лет то ли молчания, то ли тихого присутствия он успешно дебютировал как прозаик, притом сразу двумя книгами. В 2001 г. вышли его фантастический роман «Апокриф Аглаи» и сборник ностальгически-мемуарной прозы «Многостенок». Благодаря этим книгам Ежи Сосновский почти в одно мгновение был признан одним из самых интересных прозаиков последних лет, подтверждением чему стала присужденная ему в том же году премия им. Костельских, самая важная литературная награда для польских писателей моложе 40 лет.

Ежи Сосновский обладает безупречным литературным мастерством, свободно пользуется самыми разными способами повествования, умеет — как в «Апокрифе Аглаи» — виртуозно соединить научную фантастику с мелодрамой и триллером. При этом он весьма современный прозаик, то есть хорошо знает потребности современного читателя. Первоочередная потребность — это, конечно, желание получить развлечение, хорошее и притом достойное. Дебютантский роман Сосновского в совершенстве подходит к этой формулировке. С одной стороны, «Апокриф Аглаи» — современный роман нравов типа «love story», а с другой — самая что ни на есть настоящая фантастика со шпионским сюжетом.

Но Сосновский — писатель с амбициями, с величайшим уважением относящийся к литературе как инструменту критического самопознания. Его «Многостенок», сборник рассказов, объединенных общими героями и событиями, — это набросок портрета типичного польского интеллигента, родившегося, как и писатель, в начале 60-х, а духовно созревшего в «дурные времена» (польские 80-е). Эта книга в принципе посвящена сведению счетов со своим поколением. Главный герой «Многостенка» возвращается к делам прошлого, ибо хочет понять свои сегодняшние позиции и типы выбора. Он размышляет о своих духовных приключениях, о своей религиозности и нравственности, проще говоря, о том, каким он — под влиянием разнообразных импульсов, дружбы и чтения — стал человеком.

В следующем, 2002 г. вышел сборник рассказов Сосновского «Ночная линия». После этого варшавского прозаика стали называть самым поразительным и коварным писателем первых лет нашего века. «Ночная линия» — это новая порция развлекательной прозы, совершенно непохожей на «Многостенок». Этот сборник коротких фантастических рассказов, вдохновленных снами, состоит из веселых, шуточных страшилок, действие которых происходит главным образом в реалиях сегодняшней Варшавы. «Ночная линия» — это изнанка «дневной линии», состоящей исключительно из реалистических фактов. И нет ничего удивительного, что все дела героев оборачиваются тайной, которая тонко и неожиданно обнаруживается среди самых обычных ситуаций и событий.

Как я уже отметил, Ежи Сосновский — писатель с серьезными амбициями, писатель, которому недостаточно, что его книги хвалят за отличное ремесло. Вероятно, из каких-то более высоких устремлений родился большой проблемный роман «Течение в заливе» (2003). Перед нами современный варшавский интеллигент, погруженный в отчаяние после смерти горячо любимой жены. Более того: впавший в глубокую депрессию сорокалетний мужчина чувствует себя в немалой степени виновным в ее смерти. Он, правда, человек не религиозный, зато чрезвычайно духовно развитый. Когда-то он изучал польскую филологию, потом бросил ее и стал кинооператором. От прежних времен у него осталась слабость — склонность к мистицизму эпохи «Молодой Польши». Под влиянием некогда прочитанного и юношеских увлечений главный герой романа принимает давнюю идею спиритов как свою. Вера в метемпсихоз становится его спасательной шляпкой. Герой не только утешается верой в реинкарнацию, но и уверен, что новая женщина в его жизни — это та, которую он встретил... сто лет назад.

Бегло пересказанный здесь фрагмент сюжета «Течения в заливе», надеюсь, может намекнуть на размах и внушительность этой книги. Кроме всего прочего, Ежи Сосновский не только обладает неисчерпаемыми возможностями мастерства и неистожимой творческой изобретательностью, но и, похоже, мечтает написать шедевр искусства романа. Воспитанный на большой литературе (не только польской) эпохи модернизма, когда-то объяснявший ее профессионально, он знает, что занятие писательством — игра на самую высокую ставку.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Хотя феминизм имеет уже довольно богатую историю, все-таки иногда он по-прежнему бывает предметом более или менее изысканных остроумий. Могло бы показаться, что на фоне бесчисленного множества проблем, перед которыми стоит наша современность, феминизм — явление маргинальное. На самом же деле отнюдь не маргинальное, и внимательный читатель польской культурной периодики не может не обратить внимания на возвращающиеся в разных формах дискуссии о роли женщины в мире, об уменьшении ее значения в общественной и экономической жизни. При этом дискуссия вокруг феминизма неизбежно затрагивает современный либерализм, его преобразования и ограничения. Вероятно, прав был нобелевский лауреат мексиканец Октавио Пас, когда много лет назад, размышляя о носившем глобальный характер бунте молодежи на рубеже 60-70-х годов XX века, писал: «Новаторство этого бунта носило не интеллектуальный, но моральный характер; молодые не открыли новых идей — они со страстью выговорили те, что унаследовали. В 70-е бунт выдохся и критика умолкла. Исключение составляет феминизм. Однако это движение началось гораздо раньше и будет продолжаться еще несколько десятков лет. Этому процессу предстоит куда более долгая жизнь, хотя в последние годы его влияние несколько ослабло, — тут мы имеем дело с явлением, предназначение которого — длиться и изменять историю».

Нет недостатка в высказываниях о том, что феминизм типичен для обществ, живущих благополучно, уже не имеющих проблем посерьезнее. Пожалуй, да — в таких обществах феминизм располагает возможностью стать не только движением за экономическое равноправие женщин и мужчин, но и интеллектуальным явлением, в котором мысль о положении женщины в обществе представляет собой нечто большее, чем простой рефлекс бунта. Так происходит и в сегодняшней Польше. Поэтому не удивляет растущее число публикаций на эту тему — не только феминистических, но и вступающих с ними в дискуссию, которая не всегда носит полемический характер. Наряду с чисто феминистскими журналами, такими, как «Оська» или «Задра», эту проблематику все чаще поднимает периодика, обращающаяся к широкой публике, при университетах создаются кафедры, развивающие феминистические теории (эти кафедры часто подвергаются критике, но есть у них и пылкие сторонники). Уже много лет как феминизм перестал укрываться в своей нише, а от публикаций феминисток больше не отмахнешься; возникает также, и часто интересная, феминистская литература, в которой, пожалуй, самое демонстративное произведение — сборник стихов Изабелы Филипяк «Мадам Интуиция», своего рода полемика с «Господином Когито» Збигнева Херберта.

В этом контексте интересной выглядит помещенная в последнем номере либерального «**Пшеглэнда политичного**» (№66, 2004) рецензия Анджея Шахая, озаглавленная «Феминизму — да, извращениям — нет». Рецензия посвящена книге одной из самых видных фигур польского феминизма Магдалены Сьроды «Индивидуализм и его критики». Шахай пишет:

«Первая часть рецензируемой книги (...) представляет необычайно эрудированное странствие по истории европейской мысли от ее древнегреческих истоков (...). Признаюсь, что мне очень нравится рассмотрение этой истории под углом освобождения. Ясно видно, что здесь царит определенный познавательный интерес (...). Он состоит в том, чтобы показать, как, где и когда из важных освободительных процессов, происходивших в европейской культуре, были исключены женщины. Вторая часть работы (...) в свою очередь предлагает любопытный и об-

ширный обзор самых разных вопросов — начиная с различных типов критики индивидуализма, проходя через рассуждения о самосознании и кончая анализом различных вопросов справедливости, общинности, а также патриотизма и терпимости. Особое место в этой части книги занимает женский вопрос. Ему посвящена глава под красноречивым заглавием „Отсутствие, исключение и феминистические надежды”. (...) Надо, однако, подчеркнуть, что М.Сьрода не ставила себе задачей показать весь спектр возможных феминистических позиций. В последней части книги, которая выполняет роль подробного авторского комментария („Индивидуализм после либерализма”), к некоторым из них она относится критически».

После этого краткого пересказа содержания книги автор пишет:

«Вопрос феминизма не легок и не прост. (...) Речь идет о том, что в согласии с либеральным подходом публичная сфера, в особенности государство, должна быть слепа к различиям расы, пола и религиозных убеждений, относясь ко всем гражданам одинаково; в согласии же с феминистским подходом женщины должны в любых обстоятельствах подчеркивать свою инаковость, а иногда даже превосходство. Магдалена Сьрода стремится справиться с этой дилеммой, стараясь указывать возможности расширения публичной сферы за счет предоставления права голоса различным группам. Следует, однако, не забывать, что такой подход не соединить бесконфликтно с либеральной точкой зрения, согласно которой субъект общественной жизни — личность, а не группа. Признавать за собой *обязанность* представлять в публичном пространстве не себя самого, но прежде всего какую-то группу — это наверняка не либерально. (...) И ведет это к ограничению свободы личности, *обрекая* женщину на исполнение в любых обстоятельствах роли эмиссара женских интересов».

Дальше в этой полемической рецензии Шахай пишет:

«Парадигма борьбы и формирования самосознания путем борьбы и в результате борьбы в каком-то смысле определяет феминистскую мысль как освободительную, иногда при этом придавая ей агрессивный характер (...)».

Указывая на опасный радикализм такого подхода, автор рецензии отмечает, что Сьрода уходит от либерализма и одновременно забывает о том, что «общность пола — это общность не столько по выбору, сколько по приписке». И, продолжая, говорит:

«Ценность либерализма состоит как раз в том, что личность, принимая участие в общественной и публичной жизни, *не обязана* тревожиться из-за своего пола, происхождения, расы или сексуальной ориентации, что отнюдь не означает, будто ей это запрещено. И даже если мы сочтем, что либеральный идеал равенства в отношении к людям вне зависимости от их пола до сих пор не осуществлен полностью, мы не должны поворачиваться к нему спиной только из-за того, что он больше обещает, нежели исполняет (...)».

При этом существенную роль здесь играет появляющийся в феминистской мысли постулат преодоления ограничений существующего с давних времен дискурса — мужского, или, как любят это определять сами заинтересованные лица, патерналистского. Автор рецензии пишет:

«У меня создается впечатление, что феминистская мысль запуталась в дилемме говорящего, что отныне она не хочет ни аргументировать по-старому, ни принимать участие в прежней языковой игре, и в то же время продолжает аргументировать в старом стиле и играть все в ту же игру, ибо ничего другого попросту не сделаешь. И в случае феминизма, несмотря на шумные обещания и эмфатически звучащие лозунги, мы пока имеем дело со старым философским дискурсом, всего лишь одевающимся в новые одежды, сшитые из чего-то другого, нежели разум».

Это, конечно, для феминизма вопрос основополагающий: госпожа Интуиция против господин Когито. Но если даже и так — возможно ли найти в этих отличающихся способах выражения какие-то территории взаимопонимания? Сьрода пишет, что ей грезится общество, в котором «нормальность будет определяться различиями», — интересными выглядят замечания рецензента на этот счет:

«Хотя мне тоже нравится общество плюралистическое, разнородное и открытое к новизне, однако мне кажется, что следует замечать и другую сторону медали. Идиосинкразия на общество грозит разрывом связей, что может иметь ужасные результаты, прежде всего в сфере политики. Ибо либеральная демократия — это институциональное выражение *согласия* на несогласие. (...) Пока общественная разнородность этому согласию (...) не угрожает, положение остается под контролем; хуже, если объем и глубина этого согласия подрывают культурный фундамент западных политических институтов. В обществе по-настоящему многокультурном такое состояние, увы, можно себе представить».

Правда, у многих эти «западные политические институты» — что отнюдь не ново — уже не считаются ценностью, зато часто рассматриваются как инструмент подавления. Это стоит осознать не только в связи с дискуссией о феминизме, которая составляет всего лишь один — хоть, может быть, и наиболее увлекательный — сюжет нынешней дискуссии об общественных переменных, о структурах «постсовременного» общества. Но именно поэтому феминизм — и как социальное движение, и в сфере мысли — выглядит особенно интересным и привлекает внимание СМИ. Это мы видим на примере интервью с Агнешкой Графф, автором нашумевшей книги «Мир без женщин», которое взял у нее Павел Смоленский для «Газеты выборчей» (2004, №208). Беседа озаглавлена «Феминистки вынуждены шокировать». А.Графф говорит:

«Принцип демократического общества — это нечто большее, чем терпимость. Это скорее разговор, обмен, творческое сосуществование людей, отличающихся друг от друга. (...) Где-то на пересечении семейных и расовых вопросов появляется критерий творческого сотрудничества, ибо недостаточно того, что (...) к „иному“ ребенку будут относиться терпимо, что его не будут бить за цвет кожи. В плюралистическом обществе люди живут вместе, а не друг рядом с другом. (...) Меня действительно интересует багаж опыта и психология человека, особенно женщины, с консервативными взглядами. Женщины, решительно противостоящей феминизму. Я не предполагаю заранее, что ее взгляды ложны, — я считаю, что ее мир сконструирован не так, как мой. (...) Часто это личности с глубоко обдуманном отношением к жизни, но при этом непрерывность, чувство безопасности, стабильность, семейное тепло — это выражается в таких терминах — они ставят выше свободы. (...) Настоящая трудность состоит не в разнице взглядов, а в том, что все мы живем в весьма консервативном окружении. В обществе, которое заведомо перечеркивает особенность, рассматривая ее как аморальность, извращение и т.п. (...) Феминизм по своей природе — довольно конфронтационный образ мыслей. Шокировать — одна из стратегий феминисток. (...) Если бы мы перестали шокировать, если бы нас приняли вежливо терпеть, это означало бы наше поражение. Ибо цель феминисток — подвергнуть сомнению то, что люди считают очевидным: т.н. естественное распределение ролей. (...) Однако я не хочу смешивать реакцию на феминизм с отношением общества к женщинам, ибо дискриминации подвергаются и женщины консервативные — даже те, которые говорят, что не верят в дискриминацию. Существует весьма глубокое и повсеместное убеждение, что женщина — это такая личность, индивидуальное развитие которой — в обществе, которое очень высоко ценит индивидуальность, — менее ценно (...). Равноправие на рынке труда связано с парадоксом: от женщин требуют быть точно такими, как мужчины. Нас терпят при условии, что сам факт

женщинами считались в любом контексте, — а всякий контекст отличается от другого, и все женщины разные. Речь идет о том, чтобы замечать и уважать их голос во всей его разнородной специфике. (...) Современный феминизм избегает слова „патриархат”, ибо патриархатов много. (...) Феминисткам приписывают желание изменить взгляды консерваторов. (...) Между консерватором и либералом в странах, где в законодательстве перевешивает либерализм, царит симметрия. (...) В Польше у власти стоят консерваторы. В дебатах о правах женщин карты сдают они. Отсюда и вытекает наша нетерпеливость, а иногда и агрессивность».

Институт, который особенно сидит в печенках у А.Графф, — это католическая Церковь, представляющая собой, по ее мнению, оплот консерватизма:

«Церковь, консервативные политики и моралисты поучают всех без остановки. И меня, феминистку, и мою консервативную знакомую, и наших друзей-голубых. (...) Вопрос в том, что трудно отделить веру от Церкви как института. (...) Наша большая задача — открыть такое поле дебатов, где стали бы активны люди верующие, но в то же время подвергающиеся сомнению политический проект, за которым стоит чрезвычайно консервативная польская Церковь. Мы должны учиться отличать веру от иерархии, а также разные типы католицизма. (...) Я надеюсь, что у нас появятся католички-феминистки, которые создадут что-то типа американской организации „Католики за свободный выбор”, выйдут за польский стиль уютной, обрядовой религиозности, в которой богословие предоставлено священникам. (...) В Церкви нет места для диссидентов — во всяком случае не в вопросе сексуальных прав, который для нас принципиален. (...) Проще говоря: мы стоим за право на такую сексуальность, в которой необязательно плодить детей, зато в него входят половое просвещение, противозачаточные средства, право личности принимать решения, с кем ей сожительствовать. А Церковь все это считает грехом и, хуже того, стремится к введению законодательных ограничений».

В польском обществе все это по-прежнему элитарные заботы, о чем говорит и сама Графф, называя польский феминизм «городским, интеллигентским»:

«Польский феминизм находится в переломном моменте, так как ему придется задуматься о своем отношении к политике, религии, женщинам другого круга. Он страдает организационной неразберихой: с одной стороны существуют неформальные группы, с другой — фонды. Парадоксально, но нас все больше, а организации, в которую можно было бы записаться, нет. (...) Мы не любим власть мужчин, но заодно боимся власти как таковой: структур, лидерства, ответственности за группу...»

Признаюсь, что у меня нет охоты все это комментировать. Я хотел бы только обратить внимание на само явление — лишь на вид маргинальное, но интересное не только с социологической точки зрения, ибо (иногда, может быть, в карикатурном преувеличении) в нем проявляется продолжающаяся в Польше дискуссия о форме демократии, о построении структур гражданского общества; и это явление несомненно, в частности благодаря своей «экзотике», привлекает внимание все более широкой публики. Иначе СМИ феминизмом не интересовались бы.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

● «14 августа 2004 года, прожив долгую и плодотворную жизнь, Чеслав Милош навеки переселился к нашим величайшим поэтам, среди которых ему уже давно было уготовано место», — такими словами простилась с поэтом Вислава Шимборская. Коллеги-поэты проводили его стихами. Вечером после похорон многие из них публично читали его произведения в костеле св. Екатерины. Между тем издательство «слово/образ/территории» переиздало книгу Милоша «Где восходит солнце и куда закатывается», впервые опубликованную в 1973 году. Юлия Хартвиг написала о ней так: «Критики (...) в один голос признали эту книгу величайшим произведением поэта. Это произошло не только благодаря почти наркотическому очарованию поэмы, которая изложена со свободой, дополнительно подчеркнутой применением формы (...) позволяющей стихам соседствовать с прозой, выписками из старой энциклопедии, архивными документами и заметками. (...) Перспектива, с которой Милош смотрит в этой поэме на мир, поразительно широка, но никогда не подавляет. Чувственность поэтического образа идет рука об руку с широкой игрой мысли».

● В Польше все более популярны романы-фэнтези. Самый известный их автор Анджей Сапковский («Ведьмак», «Наррентум») пользуется небывалым успехом. По словам критика Конрада Годлевского, Сапковский «повысил в Польше престиж самой фэнтези, т.е. сказочной фантастики (...) Романы-фэнтези польских авторов издаются за границей. Наши писателей переводили, в частности, на чешский, венгерский, немецкий и русский (...) И хотя польская фэнтези развивается в тени Сапковского, дебютантам еще никогда не было так легко. За последние годы вышло несколько десятков книг новоиспеченных авторов». Боль-

шой популярностью пользуются, в частности, историко-фантастические романы медиевистики Анны Бжезинской, современные квазивампирические рассказы Анджея Пилипюка («Кузины») или сага Анджея Земянского о приключениях принцессы Ахайи. Между тем на прошедшем в Зеленой-Гуре 19-м Слете любителей фантастики «Полькон» главная польская награда за произведение в жанре фэнтези — премия им. Януша Зайделя — была присуждена Яцку Дукаю за книгу «Иные песни». «Вначале, — говорит Дукай о своей книге, — был конспект из одного предложения: “Действие происходит в мире по Аристотелю”. Эта метафора оказалась идеальной для обнажения той психологической, эстетической и нравственной структуры, которая испокон веков связывает нас отношениями господства и подчинения. Ибо я не верю в какое бы то ни было равенство».

● Марек Зелинский, директор Польского института в Москве: «После долгого перерыва, наступившего в 90-х, Польша вновь приняла участие в Московской международной книжной ярмарке (...) СМИ и посетители ярмарки отнеслись к тому, что мы предложили, с большой симпатией (...) Больше всего читателей привлек авторский вечер Адама Михника (...) На польско-русском “круглом столе” были затронуты неподдающиеся простой оценке вопросы тесной связи и различий между русской и польской литературой».

● В первом полугодии в списках бестселлеров лидировала Катажина Грохоля (целых три книги в первой десятке), а также популярные бытовые романы, конкурировать с которыми могли только книги, создававшие видимость политической сенсации. К последним принадлежит, в частности, роман Марии Нуровской «Мой друг предатель» о ее дружбе с самым известным поляком-шпионом Рышардом Кулинским, а в категории документальной лите-

ратуры — книга популярного тележурналиста Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?» и «Алфавит Рокиты» Яна Марии Рокиты, ведущего политика «Гражданской платформы» — партии, которая готовится к формированию будущего правительства. Утешает лишь то, что в этих списках оказались лекции по философии Лешека Колаковского и рассказы Зигмунта Кубяка об истории греков и римлян.

● И еще одна книга, которая вскоре наверняка попадет в список бестселлеров, — «Concerto d'amore» Анны Белецкой. Ян Зелинский пишет о ней так: «Эта книга стилизована под популярный любовный роман, под полную афоризмов, обобщений и “душевных” разговоров историю счастливой любви опытного мужчины и женщины с прошлым (...) И хотя действие происходит в наше время, своей проблематикой и эмоциональностью книга восходит к популярным на рубеже XIX и XX веков романам о встрече родственных душ (...) и таинственном переплетении судеб».

● В издательстве «Искры» вышла книга Рышарда Матушевского «Алфавит. Избранное из памяти 90-летнего старца». На пятистах с лишним страницах автор, один из старейших польских литературных критиков, вспоминает литераторов, своих друзей и знакомых.

● В 80-ю годовщину со дня смерти Джозефа Конрада в выставочном зале «Нусангара» варшавского Музея Азии и Тихого океана открылась выставка «Конрадовское прикосновение к Востоку». На экспозиции представлены описанные писателем предметы с Малайского архипелага. Дополнением служат навигационные приборы той эпохи, когда Джозеф Конрад плывал по южным морям на британских судах.

● После нашумевшей немецкой выставки документов, свидетельствующих о преступлениях Вермахта во время II Мировой войны, в 65-ю годовщину ее начала в варшавском Королевском замке открылась выставка под названием «С величайшей жестокостью. Преступления Вермахта в Польше. Сентябрь-октябрь 1939». Экспозиция знакомит посетителей с пре-

ступлениями Вермахта в Польше в первые два месяца войны. Согласно планам организаторов выставки, впоследствии она должна объехать музеи всей Европы.

● На территории бывшей Гданьской судоверфи создаются новые культурные центры. Последняя открывшаяся там выставка называется «Комната безопасности и гигиены труда. Создание нового центра искусства на территории бывшей Гданьской судоверфи». Дорота Ярецкая пишет об атмосфере этого мероприятия: «Искусство — это территория, неподвластная действительности, подчиняющаяся своим собственным законам. Это территория утопии, фантазии, юмора и абсурда. Но, покинув ее, мы смотрим на общественные реалии уже совсем по-другому». Художественная экспозиция сопровождается видеосеансами и кинопрограммой.

● На открывшейся в варшавском павильоне «Круликарня» выставке «К солнцу» представлены работы Ксаверия Дуниковского — самого выдающегося польского скульптора XX века. Посетители могут также увидеть фотографии Юзефа Кучинского, на которых запечатлен сам мастер и некоторые его несохранившиеся творения. «Разумеется, была выставлена и гениальная работа “Автопортрет. Иду к солнцу”, — пишет Моника Малковская. — Скульптура была создана в 1917 году. Она излучает мощь и энергию (...) Обнаженный герой несет на своих плечах тяжкий груз (...) Он напоминает двуликое языческое божество: одно лицо обращено к земле, другое — к небу. Это образ человека, который сознаёт свои возможности и знает, к чему стремится».

● В той же «Круликарне» прошла выставка «Трансформации. Анжей Врублевский, 1956-1957», на которой было представлено творчество последних лет жизни художника. Живописец Ярослав Модзелевский писал о Врублевском: «Он знал и видел, что мы, живущие в городах, влюбляющиеся, рожающие детей, в конце концов останемся одни, в тишине и печали. Некоторых это вообще не интересует, другим же не дает покоя».

● Кшиштоф Занусси приступил к съемкам фильма «Персона нон грата». Съемки ведутся в Москве, а одну из ролей играет Никита Михалков. Фильм будет рассказывать о польском дипломате, ответственном за подписание контракта на продажу военной техники, за который борются, в частности, россияне.

● На польские экраны вышла остро сюжетная комедия «Винчи», снятая мастером этого жанра Юлиушем Махульским. Зрители ожидали ее появления с большим интересом. Фильм повествует о краже самой знаменитой и ценной картины, хранящейся в польских собраниях, — «Дамы с горностаем» Леонардо да Винчи. Захватывающее действие, великолепные диалоги и отлично подобранные, в основном молодые актеры — вот несомненные достоинства этого фильма.

● Павел Т. Фелис о X Кинофестивале в Казимеже-Дольном: «Первое впечатление таково: фестиваль достиг переломного момента. Десять лет назад все начиналось скромно и с энтузиазмом (...) Сегодня от камерности остались одни воспоминания (...) Место киноэнтузиастов заняли толпы людей, сидящих на газонах и пьющих пиво. Было бы наивно упрекать фестиваль в массовости — ведь многие подобные мероприятия очень завидуют массовости Казимежа. Однако нынешняя расплывчатая формула “Кинолета” должна измениться». Между тем Казимеж притягивает толпы зрителей на фильмы, на которые в любом другом месте публика бы просто не пошла. В отличие от других фестивалей такого рода, он делает ставку прежде всего на польские фильмы. Лучшим польским художественным фильмом зрители признали «Лавочку» Мацея Жака, снятую по пьесе Михала Гельмана, лучшим заграничным фильмом — «Приятеля» Мортена Тилдума, лучшим документальным фильмом — «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура, а лучшим телеспектаклем — «Гамлета» Лукаша Барчика. Критикам больше всего понравился фильм Пшемислава Войцешека «Вниз по разноцветному холму». Сам режиссер говорит, что его фильм — это «субъективный взгляд на Польшу моих ровесников, на их

стремления, мечты, проблемы (...) Я хотел показать людей, которые отстаивают свои интересы, не заботясь о том, фотогенично это или нет. Поэтому мне кажется, что “Вниз по разноцветному холму” — это фильм для тех, кто ищет в кино чего-то большего, чем утешение».

● В этом году XII Международный фестиваль «Искусство улицы», прошедший во многих городах Польши, вновь привлек толпы зрителей. Фестиваль неизменно вызывает огромный интерес. Рецензентка газеты «Жечпосполита» написала о нем: «Хотя многие все еще отождествляют уличный театр с цирковыми фокусами и развлечениями для масс, он уже на протяжении многих лет с успехом затрагивает трудные темы и смело критикует действительность».

● Переделать «Ромео и Джульетту» в мюзикл решили Януш Юзефович (автор либретто) и композитор Януш Стоклоса. Авторы использовали шекспировские мотивы, но отказались от оригинальных диалогов и изменили еще многое другое. «Причиной трагедии будут не клановые распри, а внутрисемейные проблемы, — говорит Юзефович. — Юношеская бескомпромиссная любовь столкнется с беспощадностью мира взрослых, поглощенных своими делами». Что же останется от Шекспира? «Несомненно, история великой любви», — отвечают авторы. После премьеры в варшавском «Торваре» спектакль отправится на гастроли по Польше.

● В этом году Фестиваль диалога четырех культур, который прошел в Лодзи уже в третий раз, был организован с большим размахом. Фестиваль придумал Витольд Кныхальский, председатель общества диалога четырех культур «Лодзь — земля будущего». «Этот город, — говорит Кныхальский, — создали четыре нации: поляки, немцы, русские и евреи. Поэтому Лодзь идеально подходит для представления культур этих народов». «Лодзинский фестиваль — один из самых интересных проектов международного масштаба, которые появились в Польше за последние несколь-

ко лет, — говорит художественный директор фестиваля Михал Мерчинский. — Этот прекрасный город, обладающий большой энергией, гложут различные общественные проблемы. Наш фестиваль — одна из попыток (...) вернуть Лодзи былой блеск». В лодзинских встречах приняли участие многие замечательные артисты. Фестиваль открылся спектаклем «Невидимые», поставленным Ежи Калиной и посвященном памяти лодзинских евреев. Специальным гостем музыкально-пиротехнического зрелища на Старом Рынке стал знаменитый кантор нью-йоркской синагоги Джоозеф Маловани. Ханна Шигулла, игравшая в фильмах Фасбиндера, Шлэндорфа и Вендерса, привезла с собой спектакль «Протоколы снов». На концертах выступили известные польские певцы, а в рамках кинопрограммы были представлены, в частности, фильмы Войцеха Хаса, Андрея Тарковского, Фолькера Шлэндорфа и Романа Полянского.

● Ностальгическим воспоминанием о былом великолепии и напоминанием о нынешней бедности назвали журналисты прощание Международного фестиваля песни в Сопоте с государственным телевидением. Уже известно, что

● В отличие от прошлых лет в нынешнем году самая серьезная польская литературная премия «Нике» досталась автору настоящего романа. Ее удостоился Войцех Кучок за книгу «Говно». Кучок — самый молодой лауреат в истории «Нике». Ему 32 года, родом он из Хожува. «Автора отличает редкий талант рассказчика, благодаря которому он может захватывающе описать даже самые простые и жестокие события», — сказал Франсуа Россе, обосновывая решение жюри. Книга носит подзаголовок «антибиография». Сам Войцех Кучок говорит об этом: «Антибиография» — это отрицание биографии (...) или негативная биография: семейный альбом с непроявленными снимками, рассказ, сотканный из событий, которые герой не хочет или не может помнить, поскольку их не было. Или кошмарная биография, которой мы не пожелали бы даже своим худшим врагам». Роман получил также присуждаемую одновременно читательскую премию. Между тем Кучок уже опубликовал следующую книгу — сборник рассказов «Горизонтомираж» [в оригинале книга называется «Widmokraż», что представляет собой игру слов: *widmokraż* — горизонт, *widmo* — призрак, мираж], о котором Кшиштоф Маслонь написал: «Книга написана лихо, превосходным языком и свидетельствует о молниеносном литературном развитии Кучока. Это уже совершенно зрелый, сформировавшийся писатель». Даже трудно поверить, что еще не так давно сам автор называл себя прежде всего любителем гор и страстным спелеологом и только потом писателем.

● Жюри под председательством Яцека Возняковского присудило премию Костельских Томашу Ружицкому за поэму «Двенадцать остановок». «Недавно вышедшая книга 34-летнего поэта из Ополя произвела фурор, — пишет критик «Газеты выборчей». — В эпическом повествовании о внуке, навещающем членов многочисленной силезской семьи родом с восточных «кресов», рецензенты усмотрели парафразу «Пана Тадеуша». Томаш Ружицкий — поэт, переводчик и романист, преподающий французскую литературу в Опольском университете.

на протяжении следующих пяти лет фестиваль будет проводить коммерческое телевидение ТВН. «Сопот всегда был праздником — порой великих музыкальных амбиций, порой дешевки, а порой и китча, — написал Роберт Санковский. — В этом году бюджет фестиваля был урезан на треть. На телевидении ему пришлось бороться за зрителя с трансляциями олимпийских игр. Из-за всего этого прощание фестиваля с государственным телевидением прошло скромно, без фанфар и фейерверков». Яцек Тесляк на страницах газеты «Жечпосполита» представил катастрофический образ фестиваля, которым будет управлять коммерческое телевидение, а лауреата первой премии будут выбирать телезрители, высылая SMS. Однако пока что главной звездой фестиваля стал Кшиштоф Кравчик, отмечавший в Лесной опере 40-летие своей сценической деятельности. У него «есть голос, он умеет спеть все, что угодно, а при соответствующем руководстве делает это стильно и классно. Он должен только почувствовать подходящий момент и встретить подходящих людей, — написал рецензент «Газеты выборчей». — Из его интервью ясно видно, что в отличие от нескольких других идолов нашей поп-музыки он умеет относиться к себе со здоровой иронией». Сам Кравчик иногда говорит, что занимается «оказанием услуг населению».

Алексей Корольков

ЗАРИСОВКИ С РОДИНЫ ПРЕДКОВ

Рассказ о поездке делегации поляков из Сибири в Польшу

Знак Союза Сибирских Ссыльных

«Поляки-сибиряки», как нас метко стали называть в Польше, родились в Сибири (Бурятия, Иркутская и Читинская область). У нас как бы две родины: одна из них — Сибирь, куда забросила судьба подневольных родителей, другая — Польша, где начинался наш старинный род... Раньше мы особенно не афишировали свое происхождение. Правнуки ссыльных политкаторжан XIX века, дети или внуки спецпереселенцев XX века из восточных районов Польши («кресов»), потомки крестьян, бежавших от голода на заработки в Сибирь. До недавнего времени польские корни могли быть даже опасными для жизни... Стремление осознать свое место на земле рано или поздно будоражит каждого человека. Глубоко в душу приехавших из Сибири запали семейные истории и рассказы родных о красоте и плодородии польской земли, о мягкости ее климата, о ее праздниках и обычаях... Но большинство впервые на своей исторической родине и, к сожалению, плохо знают польский язык. Как нас встретят? Такой вопрос волновал каждого.

...Автобус мягко катит по гладкой дороге равнинной местности от восточной границы Польши в Люблин. За окном мелькают преимущественно двух-трехэтажные дома. Очень чисто, ухожено и, как показалось, безлюдно. Возле домов зеленые

лужайки, огороженные условным «прозрачным» заборчиком либо живой изгородью. По границам участков растут небольшие стройные деревца — туя, ель, сосна. На их зеленом фоне полыхает языками желтого пламени в лучах заходящего солнца листва кустарника, похожего на русскую акацию. Это форсиция, объяснили встречавшие поляки. Возле многих домов устроены украшенные цветами беседки с фигурками Божьей Матери или Иисуса Христа, так называемые каплички. Чувствуется, что автобус пересекает сельскую местность, но как она не похожа на привычную нам... Контраст с Сибирью, где деревенские дома зачастую в убогом состоянии, поразил в первую очередь.

И вот — Люблин, Замковая площадь. Не успели сойти, как попали в окружение возбужденных улыбающихся людей. Громкий звон колокольчика в руке живописно одетого пожилого человека в старинном ярком костюме, его громкие, привлекающие всеобщее внимание слова... Другой жизнерадостный молодой человек с роскошными густыми усами произносит пламенную приветственную речь на мягком, певучем, до боли знакомом языке. Когда фраза произносится медленно, неожиданно приходит ее полное понимание, при быстром звучании о смысле приходится догадываться. После приветствия Збигнев Войцеховский, вице-президент Люблина, каждому приехавшему предлагает ответить хлеб-соль родной земли. Нас тормозат, обнимают, корреспонденты просят дать интервью. С такой открытостью встречают только близких родственников... Что-то начинает медленно оттаивать в душе.

Ужин в доме приютившей меня семьи. После первых же слов, жестов, улыбок исчезает страх, что не сможем общаться. Услышав имя Алексей, тут же перешли на польское уменьшительное — Олек. Хозяина зовут пан Кшиштоф, в какой-то степени мы коллеги: хотя по специальности он электромеханик, но, как и я, тоже 10 лет преподавал в вузе, сейчас — пенсионер, увлекающийся журналистикой. Очаро-

вательной, остроумной и энергичной хозяйке пани Уршуле трудно поверить — тоже пенсионерка, она преподавала историю в школе. У них прекрасный трехэтажный дом с мансардой (подобных домов мы много видели по дороге). Два сына. Старший, Януш, работает адвокатом в частной конторе и живет вместе с женой и двумя детьми в этом же доме этажом выше. Младший, Яцек, еще не женат, живет вместе с родителями на втором этаже. Во дворе дома — мастерская по ремонту электроники, диагностике и вулканизации автомобилей, которой с увлечением руководит Яцек. На первом и четвертом этажах (в мансарде) комнаты сдаются студентам. Свой дом семья построила за пять лет (с 1987 по 1991 годы). В настоящее время его можно оценить примерно в 400 тыс. злотых (около 3,2 млн. рублей). Многие ли российские преподаватели могут себе такое позволить? Если добавить к этому, что у каждого члена семьи своя машина, понимаешь, что уровень жизни польских преподавателей намного выше их российских коллег.

На следующий день с утра — экскурсия в Майданек, фашистский концлагерь. 300 тысяч узников, из них — 48% евреев, 31% поляков, 16% русских, 5% других национальностей было согнано сюда в годы войны. Всего установлено 50 разных народностей из 26 стран. Сбежать из этой фабрики смерти смогли только 500 человек... Тяжкое впечатление остается после осмотра газовых камер, барачков с соломенными подстилками прямо на земле или с тройными нарами, огромных сеток с детской и взрослой обувью объемом в несколько вагонов... В прожорливых топках крематория человек мог сгореть за 20-30 мин. при температуре 1000° С. Огромный холм пепла объемом 1500 тысячи квадратных метров, поросший травой, — это все, что осталось от погибших людей, у многих даже неизвестны имена... Над ним — мемориальный комплекс и символичная надпись «Наша судьба для вас — предостережение».

Вечером 10 апреля, в Великую субботу, сотни тысяч жителей Люблина устремились в костелы. Их очень много, старинных и совсем новых, необычной архитектуры. Вместе со своими друзьями мы тоже заблаговременно отправились в костел... Собрались в основном люди среднего возраста, но довольно много и молодых. Неф не отличался особой роскошью, никакой помпезности. Обстановка строгая, домашняя и удобная для людей. Большую часть времени можно сосредоточенно сидеть в молитве... Прославляя Бога, люди несколько раз выходили во дворик при костеле. У всех в руках — свечи, зажженные от общего костра. Молитвы продолжались около трех часов и сопровождалась пением гимнов за ксендзом либо за женщиной с сильным и высоким голосом... И хотя умом по-прежнему еще трудно принять веру, но на сердце стало светло и как-то радостно после службы, появилось ощущение могучей защиты и надежды... Одновременно пульсировала мысль: даже атеист, неверующий, должен помолиться за беззащитные души тех 300 тысяч безвинных (и многих-многих других!), которые были замучены в Майданеке.

Утром 12 апреля — «обливной понедельник»: зазевавшийся может изрядно промокнуть от забав детворы. К 10 часам приехали на службу в люблинский собор Пресвятой Девы Марии. Роскошное позолоченное внутреннее убранство. Множество скульптур, иконы в дорогих окладах. Высоченный потолок, акустика прекрасная. Орган звучит строго, грозно и в то же время проникновенно. Служба продолжалась около часу. Вновь возникла мысль о необходимости, неизбежности, точности каждого ее момента. Осталось впечатление светлого душевного покоя...

...Краков — древняя столица Польши в течение трех веков. Наш комфортабельный автобус долго в темноте петляет по его улочкам, но к Дому Полонии подъехать все равно нельзя... Невозможно удержаться от прогулки по ночному Кракову. Удивительно гармонично дополняют друг друга строгие силуэты древних построек и разноцветные блики ярких современных реклам, без которых город мог бы показаться мрачным и грозным. Утром экскурсия в Старый Город. Могучие стены самой древней городской крепости. Рыночная площадь и Сукеннице — крытый рынок на месте средневековых суконных рядов. Останавливаемся при звуках тревожного сигнала с башен древнего готического Мариацкого костела. По преданию, орды монголов ночью подошли к стенам древнего Кракова, первым их заметил горнист и заиграл сигнал тревоги. Этот сигнал разбудил защитников крепости, но сам горнист упал с башни, сраженный меткой стрелой, не закончив музыкальную фразу... В его честь вот уже несколько веков с башни звучат начальные звуки незавершенного сигнала тревоги, как бы призывая людей всегда быть готовыми отразить любую опасность.

Пройдя несколько сот метров, попадаем в тесный дворик одного из самых старых университетов мира — Ягеллонского. И снова красивая история о королеве Ядвиге, которая умерла в 25 лет, завещав все свои драгоценности на развитие университета. В тесном дворике старинного корпуса университета благоухает ароматом осыпанное белыми нежными цветами, воскресшее весной, одинокое деревце вишни как символ молодой богатой женщины, устремленной всем своим существом к свету знаний. Общий снимок на память возле вишни...

Поднявшись на вершину небольшого холма, проникаем в самое сердце Кракова — королевский замок Вавель, где в течение трех веков происходила коронация польских королей. Роскошные позолоченные скульптуры, драгоценный алтарь древнего костела, гробницы и золотые посмертные маски короля Ягелло, королевы Ядвиги и других правителей, в крипте — гробницы национальных поэтов Мицкевича, Словацкого, Норвида... Поднимаемся на башню колокольни Вавельского замка и... загадываем желание, держась за 375-килограммовый язык колокола. Говорят, оно обязательно исполнится, если так загадано. Долго обзираем сказочный город Краков с колокольной площадки.

К вечеру снова в путь. Наша цель — религиозный центр Польши, Ченстохова. Ченстоховская чудотворная икона Божией Матери, по преданию, защитила Польшу от полного порабощения. В первые апрельские дни сюда собираются тысячи паломников со всех концов света. Польская, английская, немецкая, французская, венгерская, русская речь... Богослужение очень торжественное, строгое, мужской хор из примерно 100 монахов, грандиозные звуки мощного органа вызывают в душе трепет...

У входа в гостиницу — скульптуры родителей Папы Иоанна Павла II. В 2003 г. Святой Отец побывал в Ченстохове и служил мессу при многотысячном стечении паломников. Более 25 лет славянин на престоле католической Церкви, и поляки очень гордятся этим...

После ужина устраиваемся на ночлег. В каждой комнате — список с Ченстоховской Богоматери... Музей благодарственных даров чудотворной иконе в Ясногорском монастыре поражает обилием драгоценностей: золото, серебро, аметисты, изумруды, топазы, бриллианты, рубины, сапфиры, бирюза... Здесь по-особому воспринимаются слова поляков: «Вера спасла нас!».

15 апреля, около шести часов вечера. Пишу в автобусе, который направляется из Ченстоховы в Варшаву. Дорога великолепна, автобус идет мягко, слегка покачиваясь. В левый глаз светит ласковое солнышко земли моих предков... Равнина с перелесками, особняками, вокруг которых зеленые лужайки и неизменные кусты форсиции, туи, ели, сосны. Часты вишневые и яблоневые сады, виноградники, ухоженные поля распаханной земли... Возле домов какие-то магазинчики, мастерские, кафе. Цветовая гамма бледно- и темно-зеленая, желто-зеленая, желто-серая, золотистая от пламенеющих языков форсиции в лучах заходящего солнца. Небо голубое по всему куполу, даже на горизонте. Пейзажи Польши удивительно созвучны музыкальному миру Шопена.

Современная столица Польши — Варшава. На гербе этого города — фигура русалки, варшавской сирены. С легенды о ней началась автобусная экскурсия по столице. Первая остановка — Цитадель, старая тюрьма. После подавления восстания 1830 г. за освобождение Польши русский царь отменил пожалованную полякам первую в империи конституцию и начал строить эту тюрьму... на средства варшавян. Более 40 тысяч узников прошли через цитадель после восстания 1863 года. Среди них был и Бенедикт Дыбовский, открывший мировой науке богатый эндемический растительный и животный мир сибирского озера Байкал, и многие-многие другие талантливые люди. Цитадель была транзитной тюрьмой для основной массы заключенных, отправлявшихся на каторгу в Сибирь. Сейчас здесь музей, окруженный современными казармами польских солдат.

В музее поражают натурализмом картины художника Александра Сохачевского. 20 лет, с 1863 по 1883 г., он провел на каторге в Иркутской губернии. На его полотнах изображены его товарищи по несчастью. Самая грандиозная картина — «Прощание с Европой», где среди узников художник нарисовал самого себя. В музее — детальная картотека всех заключенных, имена которых удалось разыскать. Одной женщине из нашей делегации, живущей в Улан-Удэ, удалось разыскать и скопировать карточку своего родственника — участника восстания 1905 года... Прямо в музее мы прослушали воспоминания о Сибири из уст Ирены Гловацкой, когда-то сосланной под город Бийск. Оказывается, существует общество пожилых поляков, вернувшихся из ссылки, они даже выпустили несколько мемуарных книг. С большой благодарностью Ирена говорила о простых русских людях, которые спасли ее от голода.

...Варшава была полностью разрушена во время II Мировой войны. Трудно в это поверить, проезжая по красивым просторным улицам, пересекая современные ажурные мосты необычной легкой конструкции. В городе много зданий «сталинской» архитектуры — «подарки» СССР. Самое высокое из них — Дворец культуры и науки. Мы побывали на 30-м этаже этого сооружения, которое узнается из любой точки города. Какая изумительная по красоте панорама открывается с тридцатого этажа на красавицу Варшаву! Но поляки не очень-то любят это высотное здание и не могут простить, что по приказу Сталина войска Рокоссовского не поддержали восставших варшавян. За три месяца погибло более 10 тысяч жителей, в основном молодых людей...

В городе много памятников, скульптур, по которым можно проследить трагическую историю страны. Очень красив королевский парк (Лазенки), в котором установлен памятник Шопену... С удивлением среди дворцов, искусственных водоемов с плавающими карпами, зеленых лужаек, цветущих деревьев «поляки-сибиряки» заметили гордо разгуливающих павлинов с великолепными яркими хвостами. Восторгу не было предела! Их так напугали вспышками фотоаппаратов, что птицы взлетели на деревья с резкими возмущенными криками и долго еще не могли успокоиться...

И снова Люблин. Невозможно забыть два концерта. Один из них утром 18 апреля дал молодежный ансамбль народных песен и танцев студентов Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской, которым более 50 лет руководит Станислав Лещинский. Боже мой, как пели и танцевали эти молодые парни и девушки в ярких национальных костюмах под аккомпанемент нескольких скрипок, аккордеона, виолончели и ударных! Краковяк, полонезы, мазурки чередовались со знакомыми и давно забытыми народными мелодиями. Слезы восторга блестели на глазах «поляков-сибиряков».

Вечером того же дня мои друзья пан Кшиштоф и пани Уршуля устроили новый праздник для чувствительной души — концерт Шопена в Люблинской городской филармонии. Какой зал! На сцене рядом с роялем — великолепный орган. Удобные кресла слушателей расположены с постепенным возвышением амфитеатром вокруг сцены, с любого места артистов можно хорошо видеть. Акустические возможности зала — самого высокого качества, никакие посторонние звуки не проникают извне, но каждая нота со сцены доходит в первозданной чистоте до уха слушателей. С грустью вспомнились при этом лучшие концертные залы Иркутска, который почти в два раза больше Люблина по количеству жителей...

Французский пианист Филипп Джусиано покорила сердца искушенных в фортепьянной музыке поляков. В первом отделении прозвучали четыре баллады Шопена, исполненные с большой виртуозностью, но несколько холодно, зато во втором отделении музыкант сумел донести до слушателей свою горячую влюбленность в этюды, мазурки и особенно ноктюрны Шопена. Джусиано заставили выходить и играть на бис три раза!... Я очень благодарен моим польским друзьям за такой щедрый музыкальный подарок. Но они ведь не ограничились этим: перед отъездом вручили несколько лазерных дисков с любимыми произведениями Шопена!

В антракте с помощью моих друзей мне удалось познакомиться с ректором университета им. Марии Кюри-Склодовской. Профессор Мариан Харасимюк — геолог, заведующий кафедрой геологии, в 1967 г. он даже побывал в Иркутске. Как это здорово, что мы оказались коллегами! Так хочется организовать обмен студентами и преподавателями между Иркутским государственным университетом, где я работаю, и университетом им. Марии Кюри-Склодовской. Профессор с энтузиазмом поддержал эту идею. Вообще Сибирь, Байкал привлекают многих поляков. С другой стороны, сибирские геологи тоже благодарны полякам: ссыльные Александр Чекановский и Ян Черский начали первые систематические научные исследования побережий озера Байкал, геологии древней Сибирской платформы и ее складчатого обрамления в Хамар-Дабане, Саянах... Забегая вперед, хочется сказать, что администрация Люблина предлагает сделать Люблин и Иркутск городами-побратимами.

Утром 19 апреля мы уезжали из Польши. На Замковой площади Люблина откровенно плакали и отъезжающие, и провожающие. Может быть, многие сознавали, что никогда не увидятся... Какие по-настоящему родственные связи возникли в эти пасхальные дни между людьми! Но тревога не покидает. 1 мая 2004 г. Польша вступает в Европейский союз, выбирает дорогу, не всем в России приятную. Как сложатся отношения между нашими странами в будущем? О, если бы только сохранилось взаимопонимание и взаимоуважение! Как могли бы мы обогатить друг друга в культурном, научном, социаль-

ном, нравственном, политическом, экономическом отношении. Выбирая прозападный путь развития, Россия неизбежно встретит на своем пути дружественную и свободолюбивую Польшу. Как современно звучат в эти дни написанные более ста лет назад слова родившегося в Иркутске писателя, публициста, редактора журнала «Московский телеграф» Николая Полевого:

«Судьба русской земли необыкновенна тем, что Русь поставлена между Югом и Севером, между Европой и Азией, обширна, могущественна, но младшая сестра всем другим европейцам. До Петра Русь возрастала отдельно от запада: была в Европе и вне Европы. Только Петр начал настоящее образование Руси. Форма сего образования должна была быть европейская, а не азиатская, по тому же, почему дважды два четыре, белое не черное, а черное не белое... При всем том (чего стыдиться нам истины?) по умственному образованию — мы всех европейцев моложе...» (цит. по: М.Д.Сергеев. С Иркутском связанные судьбы. Кн. 1. Сибирское книжное издательство, 1986).

В заключение выражаю от имени всех 30 «поляков-сибиряков», посетивших Польшу 9-19 апреля 2004 года, огромную благодарность президенту Люблина Анджею Прушковскому, председателю городского совета Збигневу Таргонскому и особенно вице-президенту города Збигневу Войцеховскому — главному инициатору поездок сибиряков в Польшу, благодаря энергии которого они осуществлялись на протяжении пяти лет. Мы искренне благодарим также «Польскую общину» («Вспульнота польска») и объединение «Общие корни» («Вспульне кожене»). Благодарим и люблинских журналистов за своевременную и точную информацию о проблемах поляков, живущих вдали от Польши.

Глубокая и искренняя наша признательность — простым полякам, поселившим нас в свои семьи, обогревшим нас своим душевным теплом. Они делили с нами свой кров и пищу, одарили нас подарками и за короткое время, совпавшее с Пасхой, стали настоящими друзьями.

Такая незабываемая поездка многократно усилила интерес к Польше, к ее истории, религии, культуре, традициям, обычаям. У нас возникло огромное желание изучать польский язык с удвоенной энергией и уверенностью, что друзья с исторической родины нас понимают.

8 мая 2004

*Автор — доцент кафедры геологии и геофизики
Иркутского государственного университета,
член президиума КПА «Огниво».*

24.07.04, Владивосток

Глубокоуважаемый господин Ежи Помяновский!

Искренне приветствую Вас и всех членов редакции такого чудесного журнала! Помогай вам Бог!

В наш римско-католический приход во Владивостоке приходят всего два католических журнала на польском языке: «Гость недзельный» [«Воскресный гость»] (Катовице) и «Глос католицкий» [«Католический голос»] (Париж). Мы очень любим эти журналы, но они только католические. Зато «Новая Польша» нам «открывает окно» не только в веру, но и в литературу, кино, театр, вообще в Польшу и Европу.

Очень приятно знакомиться с новыми именами в литературе и искусстве — откуда иначе можно было бы нам узнавать о Яцеке Качмарском и других современных польских гениях!

Когда мы получаем бандероль с журналом, то сразу передаем часть экземпляров в разные библиотеки, например в Главную библиотеку [Дальневосточного отделения] Академии наук, в библиотеку Географического общества. Часть журналов идет приходской библиотеке и прихожанам. С огромным удовольствием читаем напечатанные в журнале материалы, в том числе поэзию, которую я очень люблю.

Я поклонница Виславы Шимборской, талант которой отмечен высшими в мире премиями. Очень хотела бы выразить пани Виславе и мое восхищение, поэтому попыталась перевести одно ее прекрасное стихотворение и послать в журнал. У меня есть крохотная надежда, что, может быть, Вы, г-н редактор, не отвергнете мое предложение, хотя я никогда не была поэтессой: по профессии я геолог и доктор геологических наук.

После аспирантуры я 20 лет работала в Академии наук; у меня, разумеется, много печатных работ, даже в научных журналах Варшавского университета. Теперь, выйдя на пенсию, я стала архивариусом римско-католического прихода Пресвятой Богородицы. И опять пишу статьи, но теперь не о камнях, а о польских священниках, которые трудились на Дальнем Востоке. В прошлом году была напечатана моя историческая работа о епископе Кароле Сливовском, который был выслан из Владивостока в деревню, где и умер. Мое скромное сочинение похвалил примас Польши и даже сам Папа. Этот факт преисполнил меня надеждой, что я еще сумею написать обо всех польских священниках, которые несли веру своим соотечественникам на краю континента.

Быть может, Вы, г-н редактор, захотите опубликовать какой-либо рассказ о замечательных поляках, которые занимались наукой на Дальнем Востоке? Моя приятельница Нелли Мись охотно пришлет в редакцию такие статьи.

С уважением и надеждой на сотрудничество
Мирослава Тереса Ефимова, урожд. Тукалевская

Вислава Шимборская

ТЕНЬ

Тень моя, как шут за королевой.
Лишь только встанет королева с кресла,
Взьерошится на стенке жалкий шут
И глупой головой упрется в потолок.

Быть может, он по-своему болеет
В двухмерном измерении. А может,
Шуту несладко при моем дворе,
И хочется найти ему иную роль.

Лишь королева выглянет в окно,
А шут уже слетает вниз.
Так поделили каждое событие,
Нельзя сказать, что точно пополам.

Достались простаку лишь только жесты
И пафоса бесстыдные следы,
А всё, на что нет сил, —
Корона, скипетр и королевский плащ...

...Ах, буду легкая в движенье рук,
Ах, легкая — в движенье головы,
Прощаясь с королем при расставании,
Прощаясь на вокзале с королем...

Король, то шут в такую пору,
Король, то шут растянется на рельсах...

Редакция считает полезным ознакомить читателей с тем же стихотворением Виславы Шимборской в переводе Асара Эппеля («Иностранная литература», 1964, №7):

Тень моя — шут при королеве.
Привстанет королева с кресел,
а шут в дурацком перепеве —
скок! — в потолок башкою треснет.

И мучится, быть может, болью
в своем двухмерном свете. Может,
он при дворе моем не может
доволен быть столь жалкой ролью.

Она склонится из бойницы,
а шут и спрыгнет с вышины.
Всем ухитрились поделиться —
вот только доли не равны.

Дурак присвоил жестов живость,
бесстыдство пафоса и лживость —
все то, на что меня не стать:
порфиру, скипетр и фальшивость.

Ах, буду легкой в повороте,
ах, запрокинусь в той келейке,
король, когда вы прочь уйдете,
король, на той узкоколейке.

Король, счастливых вам дорог,
не я — мой шут на рельсы лег.

*Господину главному редактору
проф. Ежи Помяновскому*

Глубокоуважаемый господин профессор!

В Вашем лице хочу выразить искреннюю благодарность редакции «Новой Польши» за передачу мне письма моего лагерного товарища по несчастью, венгра Яноша Рёжаша, который нашел меня благодаря Вашему журналу и опубликованному в нем отрывку из моих воспоминаний о лагере в Экибастузе, где мы вместе сидели. История просто поразительная, если учесть, что расстались мы 52 года тому назад.

Прилагаю его следующее письмо, которое я получил некоторое время назад.

Пользуясь случаем, спешу сообщить, что мне удалось приобрести Вашу книгу «К востоку от Запада». Я узнал о ней из рецензии Кшиштофа Маслоны, а через некоторое время нашел упоминание о ней в фельетоне Стефана Братковского, которого я очень ценю и постоянно читаю. Эта подборка Вашей публицистики произвела на меня большое впечатление. Я не обучался скорочтению, но овладел им самостоятельно. Однако эту Вашу книгу невозможно читать быстро, так что я с удовольствием и большим вниманием читал ее, не пропуская ни одного фрагмента и размышляя над каждым предложением.

Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что полностью согласен с Вашим мнением о нашей внешней политике. Разумеется, наша восточная политика должна быть направлена против любых попыток восстановить советскую империю, а это, в частности, означает, что мы должны поддерживать стремление Украины к суверенности и независимости от России. Меня тревожат последние новости с Украины, особенно нестабильность ее отношений с Россией. Думаю, что на эту тему Вам стоило бы написать еще одну статью.

*С уважением
Ежи Венгерский*

23 августа 2004

ПИСЬМО ЯНОША РЁЖАША*

Дорогой мой друг, Ержи!

Просто удивительно, что после стольких лет узнал я о Тебе и мог получить твой адрес. Я открою секрет: у редакции «Иностранной Литературы» в Москве работает Лариса Николаевна Васильева, как заведующая отделом художественной литературы. Она послала мне твоё воспоминание о гулагских лагерях, которое было опубликовано в номере 10/2003 журнала Новая Польша. От редакции варшавского журнала спросил я твой адрес, и они были любезны сразу же по телефаксу сообщить мне!

Мне хочется о многих интересных приключениях написать Тебе, но пока что посылаю только короткую биографию мою, и жду твоё подробное письмо о себя!

Прошу тебя, пиши мне о том, как у тебя жизнь сложилась не родине после возврата домой из заключения? Застал ли в живых своих родных, и как удалось устроиться в гражданских условиях? Как сейчас со здоровьем? Мне будет все очень интересно...

Непреренно жду твой дружеский ответ, искренним сердечным приветом

*Твой Янош
Надьканижа, 2004.08.13.*

* Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. — Ред.

В ГЕРАТЕ И В ВАШИНГТОНЕ

*Беседа с Радеком Сикорским, директором
«Новой Атлантической инициативы» при вашингтонском
Институте американского предпринимательства*

Радек Сикорский

— В 1986-1989 гг. вы работали корреспондентом в Афганистане, знакомясь с условиями, в которых пришлось действовать партизанам — отрядам Исмаил-Хана. Свои воспоминания вы опубликовали в книге «Праха мучеников. Афганистан — время войны». Если исходить из вашего опыта и наблюдений мусульманского мира, то согласны ли вы с утверждением известного американского политолога профессора Хантингтона, что 11-е сентября 2001 г. стало реальным проявлением «столкновения цивилизаций»?

— Я спрашивал Сэмюэля Хантингтона, автора нашумевшей статьи «Столкновение цивилизаций», опубликованной в 1993 г., а затем и книги под тем же названием, знаком ли он с работами Феликса Конечного, который сформулировал аналогичную концепцию за много лет до него. Нет, он о них даже не слышал. Разделяю ли я теорию Конечного, которую вновь открыл Хантингтон? Как сказал бы классик польского языка Лех Валенса: «я — за, и даже против». Цивилизации — это вполне реальные объекты в том смысле, что они соответствуют определенному уровню анализа поведения людей. Однако конфликт цивилизаций был бы чрезвычайно опасен, и поэтому его следует предотвращать.

Можно ли сказать, что такие ценности, как демократия, права человека, рыночная экономика, присущи лишь западной цивилизации? Принято так считать, но нужно надеяться, что на самом деле это ценности универсальные. Я согласен с тем, что наша приверженность какой-то общности людей может проявляться на разных уровнях — семьи, региона, нации. Мне кажется, что наш континент и наша цивилизация становятся все более важными центрами самоосознания. Я чувствую себя поляком, но в то же время европейцем — именно потому, что Польша — государство европейское. В связи с этим я становлюсь гражданином Запада, охватывающего также Северную Америку, Австралию и другие страны, которые считают себя входящими в эту общность. Когда я разговариваю со своими афганскими друзьями, я вижу, как расходятся наши представления — например о том, где расположен центр мира. Для меня это Рим, Брюссель и Вашингтон, а для них — Мекка, в сторону которой они пять раз в день поворачиваются во время молитвы. Они живут иными категориями, чем мы: для них реальность — наднациональная ис-

ламская общность, «умма», которая принципиально отличается от мира неверных. Один из первых вопросов, которые они задают путешественнику: «Ты мусульманин или неверный?»

Принимая во внимание это различие, стоит задуматься, с какими процессами мы можем столкнуться. Есть несколько возможных сценариев: во-первых, уже упомянутая выше война цивилизаций, в которой мусульманская сторона как более слабая по-прежнему будет использовать преступные «асимметричные» методы. Во-вторых, конвергенция на базе секуляризации. Раз мы вряд ли обратим мусульман в христианство, аргументируют сторонники этого пути, то мы можем прийти к какому-то соглашению на «пострелигиозной» основе или хотя бы договоримся исключить религию из сферы общественной жизни. Этот путь для нас весьма удобен: исламу придется делать десять шагов навстречу нам на каждый наш шаг, так как секуляризация Запада зашла уже очень далеко. Наконец, третья модель — это сосуществование на основе взаимного уважения. От нас это потребовало бы доброжелательного и терпеливого выжидания, пока исламская цивилизация сумеет впитать в себя живительные соки через собственные философские и духовные корни, создаст свои механизмы и институты, благодаря которым сумеет достичь успеха в современном мире. Все эти три тенденции проявляются уже сегодня, и мы не знаем, какая из них одержит верх.

Я симпатизирую последней, ибо мы, поляки, на своей шкуре испытали последствия навязанных нам чужих моделей цивилизации — русских, немецких, австрийских, коммунистических и нацистских, — и знаем, что народы обычно не принимают того, что их заставляют делать насильно. А когда мы сами начнем экспериментировать — как, например сейчас с демократией и свободным рынком, — то есть шанс, что это на нашей почве приживется. Лично я с уважением отношусь к тем мусульманам, которые пытаются доказать, что демократическая традиция может быть выведена из Корана и традиций, восходящих к самому Магомету. Они обращаются к истории первых четырех халифов, которые после кончины Пророка были избраны демократическим путем. Часть мусульманских философов эту традицию интерпретирует как подлинный фундаментализм, дающий возможность укоренить ее в нашей реальности.

Когда я в последний раз приехал в Афганистан, чтобы повидаться со старыми друзьями, то увидел, что там функционируют две модели развития страны, причем эти модели, по моему мнению, могут служить определенной метафорой упомянутых тенденций сосуществования цивилизаций. В Кабуле создана своего рода колония ООН, где правительство в значительной степени зависит от западных агентств и неправительственных организаций. Афганцам выделяют крупные средства, и это приводит ко многим положительным результатам: возвращающиеся домой беженцы получают деньги на восстановление своих крестьянских хозяйств, миллионы людей зарегистрировались, чтобы участвовать в выборах, у населения скупают оружие, строятся школы, дороги, восстанавливается инфраструктура, действуют организации, наблюдающие за соблюдением прав человека и свободы печати. Эта модель похожа на балканскую — она по сути дела западная. У нее, к сожалению, есть и так называемые оборотные стороны: она чрезвычайно дорогостояща, так как многие работы выполняют иностранцы. Например, предполагалось, что дорога из Кабула в Кандагар обойдется в 40 млн. долларов, а окончательная ее стоимость составила 340 миллионов. Эта модель приводит также к формированию определенной «культуры зависимости». Английский писатель Роберт Байрон назвал в 30-е годы Афганистан «Азией без комплекса неполноценности», а сегодня большинство разговоров в Кабуле заканчивается просьбами о помощи. Если по какой-либо причине источники внешнего финансирования иссякнут, эта модель разрушится.

Я был еще и в Герате, где провинцией управляет на посту губернатора мой старый друг — Исмаил-Хан, консервативный мусульманин (например, он не подает руки женщинам, носит традиционную одежду и т.д.). В свое время Герат был охвачен восстанием, похожим на Варшавское, — разве что продолжалось оно 13 лет. В 1979-1992 гг. часть города была в руках советских военных и местных коммунистов, а часть — в руках партизан. Я был там во время боев в 1987 г., затем уже после падения коммунистического режима, в 1993-м, и вновь приехал теперь, в июле. Там, где было море руин, которое местные жители называли Хиросимой в миниатюре, я увидел сегодня новые торговые кварталы, дороги, сотни магази-

нов. Впервые в своей истории в Герате действует постоянное электроснабжение, впервые все дети — как мальчики, так и девочки — ходят в школу. Выглядит это необычно: вокруг главного здания школы разбиты палатки, а в них в две смены учатся дети, которых обучают преподаватели-женщины.

Исмаил-Хан, с которым я провел несколько дней, на митингах использует мусульманскую аргументацию, утверждая, что нельзя запираить женщин в доме, нельзя запрещать дочерям получать образование, да и сам пророк Магомет говорил, что за знаниями нужно идти даже в Китай. Он спрашивал своих людей: «Какие же из вас мужчины, если ваши браки устраивают родственники, а за жен вы должны платить выкуп?» Мне кажется, что подобная аргументация более эффективна, чем призывы иностранцев. Мы не должны забывать, что в этой стране сначала пытались навязать секуляризацию насильно, методами коммунистического террора, убивая десятки тысяч людей. После этого была предпринята попытка установить тотальный обскурантизм, ваххабитский фанатизм — тоже прибегая к террору. Поэтому консервативный подход, модернизация, опирающаяся на философский и культурный фундамент этого общества, представляются мне весьма многообещающими. Исмаил-Хан делает ставку на местные фирмы, местные возможности и силы, и эта модель может оказаться более долговечной. Разумеется, здесь таятся и опасности, потому что Исмаил-Хан не очень-то склонен к демократии. Это патерналистская модель, и испытание выборами у

него еще впереди. Как учит опыт — в том числе и в нашей части мира, — лишь немногие среди доблестных бойцов успешно действуют в мирное время. Но пока что Герат производит большее впечатление, чем Кабул. В городе безопасно, улицы вечером освещены, по пятницам семьи ходят на пикники в восстановленные парки. В Афганистане это уже очень много.

— 11 сентября 2001 года мир западной цивилизации сплотился в борьбе против терроризма. К сожалению, лишь ненадолго. Что было главной причиной распада этого единства?

— Он сплотился лишь декларативно, на словах, а не на самом деле. Причиной был прежде всего различный анализ угрозы, основанный на уже много раз высказанной концепции силы и бессилия. Европа не чувствует себя в опасности и, что самое главное, обессилена тем, что ей довелось пережить в XX столетии.

— Она действительно чувствует себя в безопасности? Во Франции живет пять миллионов мусульман...

— Одно дело — внешняя угроза, а другое — внутренняя. И на каждую угрозу можно ответить либо обороной, либо заискиванием перед агрессором.

— А быть может, пассивность Франции по отношению к внешней угрозе вытекает как раз из ощущения угрозы внутренней?

— Это верно, но демографические факты и результаты анализа угроз принципиально несовместимы с канонами политкорректности, и поэтому обсуждать эту тему безумно трудно... Еще недавно прогрессивная интеллигенция пропагандировала утопическую «многокультурную» модель, в соответствии с которой терпимость должна была привести к идиллическому культу взаимных различий. Многокультурность — это когда ты можешь читать Салмана Рушди в тайландском ресторанчике... А теперь оказывается, что многокультурность — это и ритуальное обрезание клитора у девочек, выбор будущего мужа их родителями, агрессия по отношению к сексуальным меньшинствам или солидарность с террористами. У консерваторов с этим нет проблем: иммигранты, принадлежащие к чуждым культурам, — это гости, и если они хотят жить у нас, то должны приспособиться.

биться к нашему образу жизни, а через несколько поколений — ассимилироваться. Когда я был беженцем в Англии, мне и в голову не приходило заставлять англичан попробовать польский бигос — зато я научился пить чай с молоком. А некоторые мусульмане пытаются навязать нам свою культуру, требуя, например, чтобы в американских водительских правах допускались фотографии женщин в хиджабах или чтобы в итальянских приютах для бедняков были сняты со стен распятия. Консервативный подход защищает институты, в рамках которых возможен либерализм. Лагерь поборников прогресса придется поискать более эффективную реакцию на массовую миграцию между цивилизациями.

— Были ли вы сторонником американской интервенции в Ираке?

— Энтузиастом — не был, а сторонником — был, при условии, что она будет быстрой, не дорогостоящей и успешной. Я считал, что Саддам Хусейн — это чудовище и избавление от него уменьшит количество зла в мире. Если бы необходимость этой войны обосновывалась таким образом с самого начала, то Европа, полагаю, была бы более склонна поддержать интервенцию, раз мы уже не признаём за тиранами права уничтожать собственные народы. У нас появилось сознание ответственности в глобальных масштабах, мы считаем недопустимой такую вещь, как геноцид. Решение об интервенции было принято под влиянием множества факторов. К ним относились и нарушение Саддамом Хусейном договоренности о перемирии, и уверенность самых серьезных разведслужб в мире, что Ирак располагает оружием массового поражения. И здесь произошло серьезное расхождение в вопросе, за что должны отвечать наши руководители. За свои намерения они понесут ответ на Страшном Суде, а выбираем мы их для того, чтобы их политика была эффективной. Для Польши важно было еще и то, что от наложения на Ирак санкций ООН страдал иракский народ, а также тормозилось развитие ТЭК в этой стране, что вело к росту цен на нефть. Как известно каждому автомобилисту или владельцу отопительного котла, Польше нужна дешевая нефть. Еще и по той причине, что высокие цены на нефть дают России гигантские средства на восстановление империи. Если бы война в Ираке привела к понижению этих цен, она была бы для нас

выгодна. Пока что ее результатом стало повышение цен на нефть почти вдвое, так что я чувствую себя разочарованным.

— Если бы предыдущие президентские выборы выиграл Ал Гор, дошло бы дело до войны?

— Сомневаюсь.

— Президент Джордж Буш, выступая в прошлом году во дворе королевского замка в Кракове, сказал полякам, что не затем они пережили оккупацию, тиранию и геройские восстания, чтобы теперь услышать, что они должны выбирать между Европой и Америкой. Но разве политическая ситуация не ставит поляков именно перед таким манихейским выбором — либо быть верными союзниками США, либо хорошими европейцами?

— То, что мы хотим быть и хорошими европейцами, и надежными союзниками США, должно быть аксиомой нашей внешней политики. И мы будем отвергать попытки вынудить нас сделать выбор. В вопросах безопасности нет иной точки отсчета, чем США, ибо Европа в военном отношении — пигмей. В Европе сегодня носят военную форму два миллиона мужчин и женщин, а когда доходит до дела, то ей едва удается отправить в Афганистан три тысячи человек и три вертолета. У США — 350 транспортных самолетов, а во всей Европе вместе взятой — всего 15, хотя она и тратит на оборону треть того, что США. В смысле возможностей решения военных задач ее потенциал составляет, быть может, 5% от американского. В этой области требуется серьезная реформа, так как мы выбрасываем деньги на ветер, да и технологическая пропасть только увеличивается. Польское участие в иракской войне было следствием нашего отношения к США, было нашим капиталовложением в этот союз. А капиталовложения делаются для того, чтобы они приносили дивиденды.

— В ноябре прошлого года на страницах газеты «Вашингтон пост» вы предостерегали американское правительство, что оно может утратить поддержку Польши и других стран «Новой Европы», так как надежды на американскую помощь, которые эти страны связывали со своим участием в иракской операции, не оправдались.

— Боюсь, что мои пророчества сбываются. Из еще не опубликованных результатов опросов общественного мнения недвусмысленно следует, что Польша, которая была явно более проамериканской, чем остальные страны Европы, дрейфует в направлении стран, относящихся к США довольно прохладно.

— Могут ли другие участники коалиции последовать примеру Испании и вывести свои войска из Ирака?

— Я высоко ценю бывшего премьера Испании Аснара, он покровительствует нашей «Новой Атлантической инициативе», но мне кажется, что в ключевой момент избирательной кампании его правительство совершило ошибку в сфере информационной политики. Он настаивал (впрочем, на основе данных, которые казались вполне достоверными), что мартовские взрывы в Мадриде организовала баскская ЭТА, тогда как они оказались делом рук «Аль-Каиды». Так что это был вопрос кризиса доверия общественного мнения к собственному правительству. Но в то же время я задаюсь вопросом, какова была бы реакция на такого типа преступление в других европейских странах. Я уверен лишь, что в США реакцией была бы мобилизация всего общества. В Италии поддержка иракской операции после убийства бывших карабинеров только усилилась, да и в Польше после смерти журналиста Милевича произошло то же самое. Быть может, это доказывает, что народы Европы все-таки не хотят уступать шантажу террористов. Ведь «Аль-Каида» нам прямо предложила: выведите свои войска из Ирака, и мы перестанем вас убивать. Тут следует задуматься, не напоминает ли это мюнхенский шантаж 1938 года. Тогда Черчилль сказал премьер-министру Чемберлену в Палате общин: «У вас был выбор между позором и войной. Вы выбрали позор, но все равно получите еще и войну».

— А разве Польша и сама не совершила определенных ошибок? Ведь в политике идут в счет не словесные декларации, а следование собственным интересам.

— Как я уже сказал, капиталовложения должны приносить дивиденды. Нужно было по крайней мере четко сформулировать свои ожидания. Если мы этого не сделали, то как же можно ждать чего-либо от союзника, который ведет трудную войну и от которого тоже чего-то ждут еще две-

сти других стран. Нашим политикам не хватило твердости и прозорливости. У Польши есть свои интересы в Ираке — возврат иракских долгов и перспектива возвращения на этот рынок. Но это была не операция НАТО, поэтому мы не обязаны были автоматически проявлять солидарность с союзником. Значит, можно было поговорить как политик с политиком: поддержка, но на основе взаимности. Когда американцы попросили Турцию пропустить их дивизии в Курдистан, то Турция как верный союзник направила группу переговорщиков в Национальный совет безопасности США и там представила свои условия. Сговорились на двадцать с чем-то миллиардов долларов. Правда, надо сказать, что потом Турция не выполнила эту договоренность, потому что в парламенте правительству не хватило нескольких голосов, но по крайней мере подошла она к этому вопросу профессионально. А у нас вся эта история лишь пополнила собой и без того обширный список поражений во внешней политике левого правительства СДЛС. Мы помним и об обещаниях перелома на Востоке, о кичливых заявлениях об изменении политики в отношении Белоруссии, о радужных перспективах торговли с Россией. А тем временем у нас одна компрометация следует за другой: исчезновение из МИДа жестких компьютерных дисков, возвращение коммунистов на дипломатические посты или полный отказ — ничего не получив взамен! — от условий договора, подписанного странами ЕС в Ницце в 2000 году. Я могу продолжать это список и дальше. Наш премьер-министр Ежи Бузек благодаря своему личному вмешательству сумел добиться в Ницце политического паритета с Германией, то есть того, чего у нас не было по меньшей мере с XVII века, когда Германия была раздроблена. А теперешнее правительство все это отдало просто так, ни за что. У меня руки опускаются, когда я вижу подобную бездарность.

— Может ли дело дойти до того, что американцы останутся в Ираке в одиночестве?

— Не думаю. Мне кажется, что американцы теперь сумели создать то, что должны были сделать еще раньше, — сравнительно авторитетное временное правительство Ирака. Я считаю, что нужно было создавать антисаддамовское правительство в изгнании еще перед началом войны, лучше всего — на территории Курдистана, или

уж сразу после освобождения первого же иракского города. Нужно было также разрешить иракцам самим освободить Багдад — так, как де Голлю позволили войти в Париж в 1944 году. Тогда иракское правительство с самого начала приобрело бы больший авторитет и действовало бы более эффективно в борьбе с терроризмом. Это была очевидная стратегическая ошибка, проявление непрофессионализма в политике. Ни один народ не любит, чтобы им командовали иностранцы, чтобы у них в столице сидел какой-нибудь наместник, назначенный оккупационной армией. Пол Бреммер (к слову сказать, весьма способный и энергичный дипломат) еще в последнюю неделю пребывания на своем посту подписал декрет о введении пропорциональной избирательной системы, причем в ее крайней форме, когда вся страна становится единственным избирательным округом. А эта система приведет к избранию такого парламента, которому будет чрезвычайно трудно создать единое правительство. Но при всем этом нужно признать, что США (и тут я снова процитирую Черчилля) «в конце концов всегда делают то, что нужно, — после того как испробуют все другие пути к цели». Однако сейчас мы наконец находимся на правильном пути, который может привести к успеху, потому что Ирак передан в руки иракских граждан. Заметим, что террористы убивают главным образом самих иракцев и что люди начинают мобилизоваться, чтобы защитить самих себя. Теперь даже иракские критики коалиции начинают выступать против террористов из «Аль-Каиды», заявляя, что с ними нужно бороться. Это доказывает, что политические перемены идут в нужном направлении.

— *Считаете ли вы, что в более долгосрочной перспективе участие Польши в иракской операции принесет ей какую-нибудь пользу?*

— Американская военная помощь Польше увеличилась с 12 до 66 млн. долларов в год. Если эта тенденция сохранится, через несколько лет мы будем получать уже вполне серьезные суммы. Кроме того в Ираке зарождается новая польская армия. Наконец-то у нас появились солдаты и офицеры, которые знакомы с приближенной к войне ситуацией не только по учебникам и полигонам, но и по собственному опыту. Когда в январе я провел несколько дней с нашими солдатами в Ираке,

одно удовольствие было наблюдать, как из штатских людей в военной форме формируются настоящие бойцы. Не будем забывать, что до настоящего времени там находились только добровольцы-контрактники и что несколько тысяч польских семей получили ошутимое подспорье, так как за службу в Ираке солдаты получают дополнительное вознаграждение в долларах. Большинство солдат хотело бы продлить свои контракты в Ираке.

— *С 2002 г. вы исполнительный директор «Новой Атлантической инициативы» при Институте американского предпринимательства в Вашингтоне. В чем состоит деятельность этой организации?*

— Она была создана в 1996 г. в королевском замке в Праге под патронажем президента Вацлава Гавела, госпожи Маргарет Тэтчер и других известных политиков. Основной смысл нашей деятельности мы видели в том, чтобы Североатлантический союз, а затем и другие западные организации открылись для новых демократических стран. Потребовалось добиться идейного перелома в Вашингтоне, чтобы США начали считать эти страны своими союзниками. Впрочем, это было лучшей американской инвестицией истекшего десятилетия, а мы должны думать о нашем участии в составе коалиции в Ираке также как о своего рода проявлении благодарности Соединенным Штатам за то, что они в свое время протянули нам руку. Тем более, что наше вступление в НАТО в 1999 г. послужило стимулом для расширения Евросоюза.

В «Новой Атлантической инициативе» мы всегда ставили перед собой три цели. Во-первых, способствовать приему новых демократических стран в организации и политические институты западного мира. В свое время это были Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, в перспективе сюда войдут страны Балканского полуострова и Восточной Европы, такие, как Украина и будущая демократическая Белоруссия. Кроме того мы выступаем за свободную торговлю между ЕС и США. Мы считаем, что наша цивилизация должна обладать вооруженной силой в виде Североатлантического союза, но быть также единым рынком, где действуют одни и те же правила и где можно действовать без излишних бюрократических ограничений. А во-вторых, мы хотим оставить открытыми двери для России. Если Россия захочет принять условия нашего клуба, мы должны всячески способствовать тому, что-

бы она к нему примкнула. В свете последних событий мы считаем также, что некоторые методы времен «холодной войны», которые привели к победе свободного мира над тиранией, можно и сегодня использовать там, где радикальная идеология и пути тирании по-прежнему сковывают человеческие мечты о свободе и благосостоянии. Я имею в виду постсоветские и арабские диктаторские режимы. Нам представляется весьма перспективной модель воздействия на них через культурные учреждения, независимые СМИ, стипендии, установление контактов между отдельными людьми. Именно поэтому, например, я организовал крупнейшую в Вашингтоне конференцию, посвященную Белоруссии и Чечне. Вскоре состоятся подобные конференции, посвященные Украине, а в будущем году я собираюсь пригласить в Польшу группу американских политиков на празднование 25-летия «Солидарности». В конце концов, движение «Солидарности» стало выдающимся польским патентом на ненасильственный процесс завоевания независимости и демократии.

— Вы упрекнули президента Буша за его хвалебные высказывания о России как стране, где «процветают свобода, демократия и правовое государство». А по вашему мнению, как сегодня нужно разговаривать с Россией?

— Я думаю, что нужно использовать заявления самого Владимира Путина. Когда он был еще премьер-министром, он подписал такой документ о развитии России, вполне трезвый в аналитическом отношении, где говорилось, что богатство нации, ее мощь в сегодняшнем мире — это результат энергичности и развитости гражданского общества, предпринимательства и человеческой мысли, а не территориальных завоеваний или репрессивности государства. До определенной степени Россия выполнила план Путина: все-таки введен линейный подоходный налог, начали существовать сферы экономической свободы, которых прежде не было. С другой стороны, мы наблюдаем и тревожащие нас тенденции. Поддержание нездоровых отношений с Белоруссией, благодаря посредничеству которой российское оружие экспортируется в государства-изгои, оттягивание вывода российских войск из Молдавии или поддержка мафиозно-сепаратистских микрорежимов в таких постсоветских анклавах, как Южная Осетия и Абхазия. Ну и — не будем закрывать глаза на факты

— уничтожение гражданского общества. В России больше нет независимого телевидения. Кроме того в этой стране снова появился страх. Мои русские друзья жалуются, что за ними следят, а о некоторых вещах боятся говорить вслух. Моя жена* опубликовала монографию «История ГУЛАГа», первую, где использованы материалы советских архивов. Эта книга переведена на 23 языка, кроме одного, самого главного — русского. Ни один издатели не осмеливается опубликовать ее в России. Действительность складывается из конкретных фактов, и тот факт, что эта книга, вероятно, будет переведена «Мемориалом», небольшой группой правозащитников, и напечатана по-русски в Латвии, чтобы она как-то смогла попасть в Россию, напоминает времена Брежнева.

— 26 июля этого года в Ялте состоялась встреча президентов России и Украины. В своем вступительном слове президент Кучма заявил, что из оборонительной доктрины Украины он вычеркнул упоминание о том, что цель страны — членство в НАТО и ЕС. Может ли Европа позволить себе, чтобы Украина отвернулась от нее?

— Разумеется, нет. Но, с другой стороны, мы не можем решать за украинцев, с кем они хотят интегрироваться — с Европой или СНГ. Настанет такой момент, когда им придется выбирать: например, нельзя находиться в пределах внешней таможенной границы ЕС и в то же время соблюдать договор о свободной торговле с Россией. Польша должна стать инициатором и организатором программы «Восточного аспекта ЕС» (по аналогии с уже существующим «Северным аспектом»), которая должна не только открыть Украине двери в Евросоюз, но и способствовать тому, чтобы Украина захотела в эти двери войти. Поэтому во время осенних выборов на Украине я буду «болеть»

* Анн Эпплбаум, журналистка, обучалась в Йельском университете и была стипендиаткой программы Маршалла в Лондонской школе экономики и в Оксфордском университете; работала корреспондентом английского журнала «Экономист» в Варшаве, публиковалась также в «Уолл-Стрит джорнэл», «Форин афферс» и «Литерари ревью». Получила премию газеты «Таймс» за цикл репортажей из стран бывшего СССР. Автор монографий «Между Востоком и Западом. Через пограничье Европы» и «История ГУЛАГа», за которую в этом году получила Пулитцеровскую премию. Член редакционного совета газеты «Вашингтон пост».

за Виктора Ющенко, потому что это самый прозападный среди кандидатов в президенты Украины, чего он сам не скрывает. А всяческие капризы президента Кучмы для меня гораздо менее важны, чем тот факт, что он решил не выдвигаться на третий срок, — это по крайней мере создает возможность сравнительно демократического проведения выборов.

— Не кажется ли вам, что Польша уделяет недостаточное внимание своей восточной политике?

— Как я уже говорил, это одно из поражений внешней политики правительства СДЛС. Ничего не было сделано для того, чтобы еще до вступления в ЕС сделать Польшу лидером в формировании политики всего Евросоюза на территориях бывшего СССР. Я рассчитываю на то, что это положение изменится благодаря нашим депутатам в Европарламенте и нашим представителям в ключевых учреждениях ЕС.

— А как можно исправить это положение?

— Уже много лет, особенно на Востоке, мы проводим чисто декларативную политику: ставим перед дипломатией далеко идущие задачи, но не даем средств на их решение. Что могут сделать наши посольства в Минске, Киеве или Москве, имея в своем распоряжении суммы порядка 10-15 тысяч долларов в год, то есть равные цене автомобиля среднего класса? Как мы можем

ожидать, что на этом ключевом направлении будут трудиться наши самые способные дипломаты, если условия жизни и работы в этих странах нелегки, а мы не создаем никаких стимулов, чтобы молодые люди стремились делать там свою профессиональную карьеру?

Мы должны сформировать в европейском масштабе коалицию бывших угнетенных народов, которые имеют право интересоваться развитием ситуации на Востоке Европы, и задействовать средства всего Евросоюза, чтобы экспортировать евро-атлантические ценности. Следующее правительство в нашей стране должно представить в Сейм соответствующие законопроекты, в первую очередь — проект закона «О поддержке демократии в Белоруссии», на основе которого будут выделены бюджетные средства (скажем, 100 млн. злотых в год) на поддержку различных правительственных учреждений и неправительственных организаций. Меня очень радует активная деятельность «Польско-американского фонда свободы», но польское государство способно направить на достижение своих стратегических целей вполне ощутимые средства. Ими должны воспользоваться такие влиятельные организации, как журнал «Новая Польша». Разумеется, подобная инициатива приведет в бешенство «президента» Лукашенко и его бандитов, но чем громче они будут протестовать, тем лучше, потому что тем лучше запомнят нашу позицию руководители будущей, независимой Белоруссии, которая рано или поздно возродится.

Беседу вела Сильвия Фролов

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о новой прозе
З.Флорчак о книге Ежи Помяновского
П.Войцеховский о Конгрессе христианской культуры
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
А.Британишский о Витольде Вирпше
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
Проза Ю.Хена
Е.Помяновский беседует с **Аркадием Райкиным**
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с Р.Тун, М.Комаром, К.Тарновским

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского,
Яструна, Херберта и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕКОМЕНДУЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość
Старейший польский литературный ежемесячник,
посвященный современной прозе, поэзии и
литературной критике. Оказывает влияние на
перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный
современной драматургии.

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник. На протяжении более
полувека незаменимый источник знаний о
книгах. В каждом номере рецензии,
интервью, статьи о писателях,
публицистика, библиография, анонсы.

OWIUTY GODNIK
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал,
посвященный музыкальному творчеству, теории и
практике музыки. Выходит 26 раз в году.

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Единственный журнал о Польше на русском языке.
Богатая подборка публицистики польских и российских
авторов. Переводы малоизвестных в России произведений
польских поэтов и прозаиков.

**LITERATURA
na świecie**

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие
годы публикующий все интересные новинки
современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558041

10